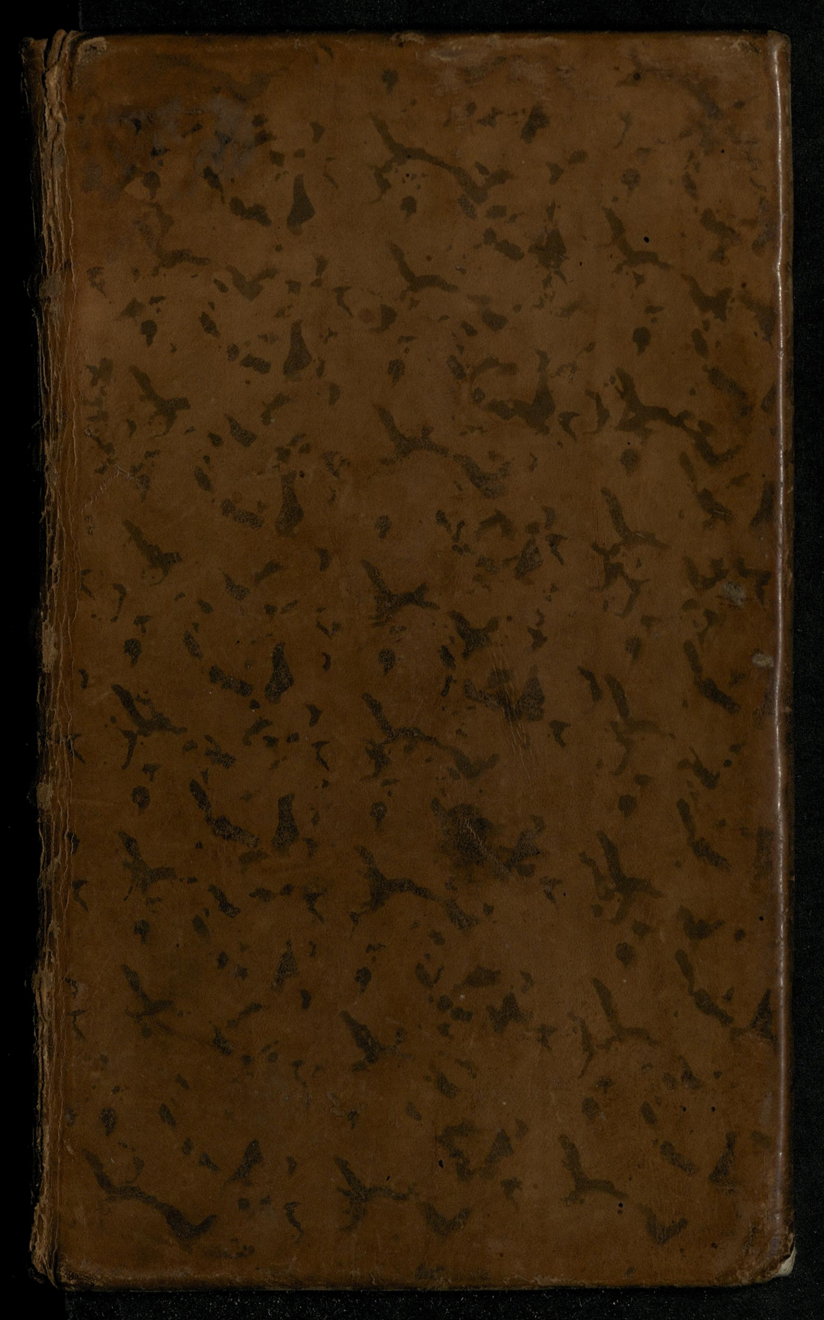
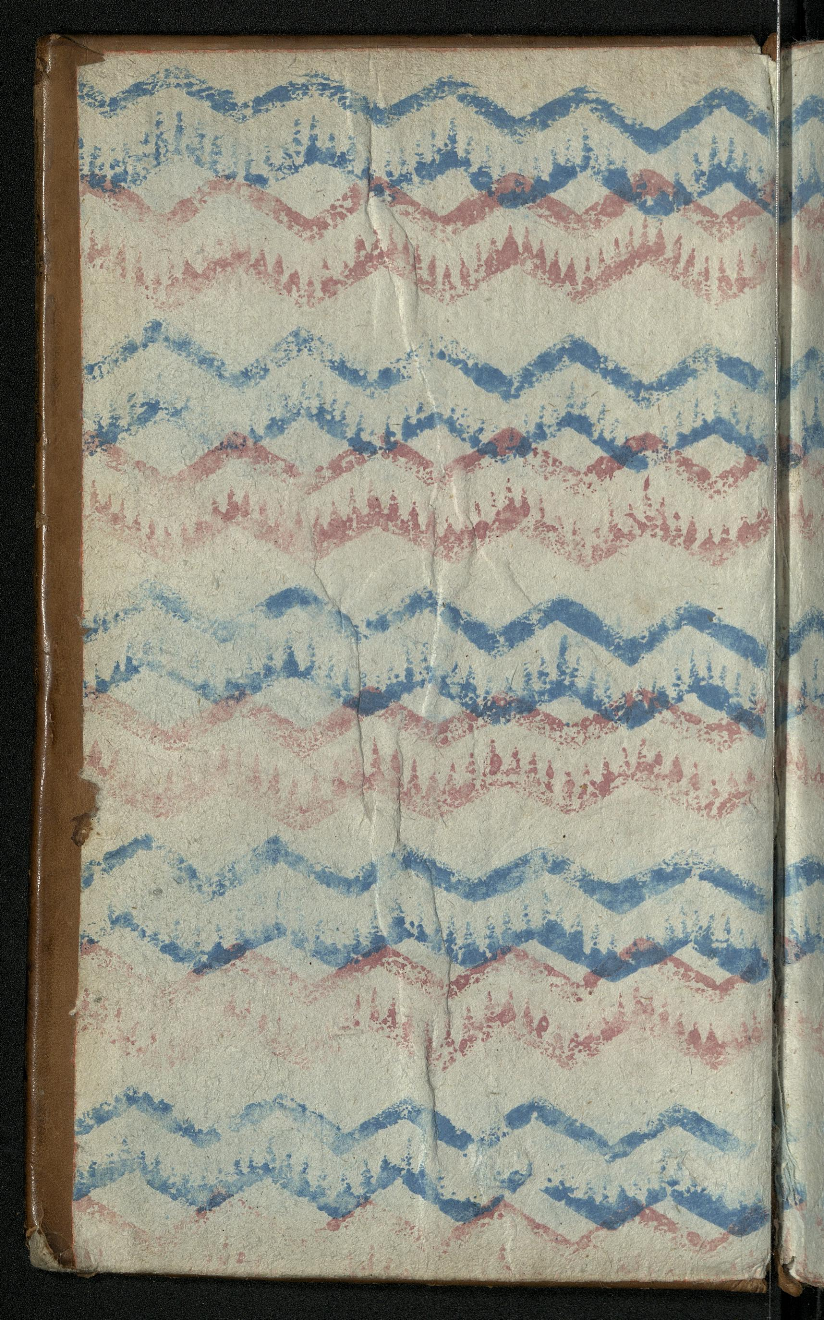
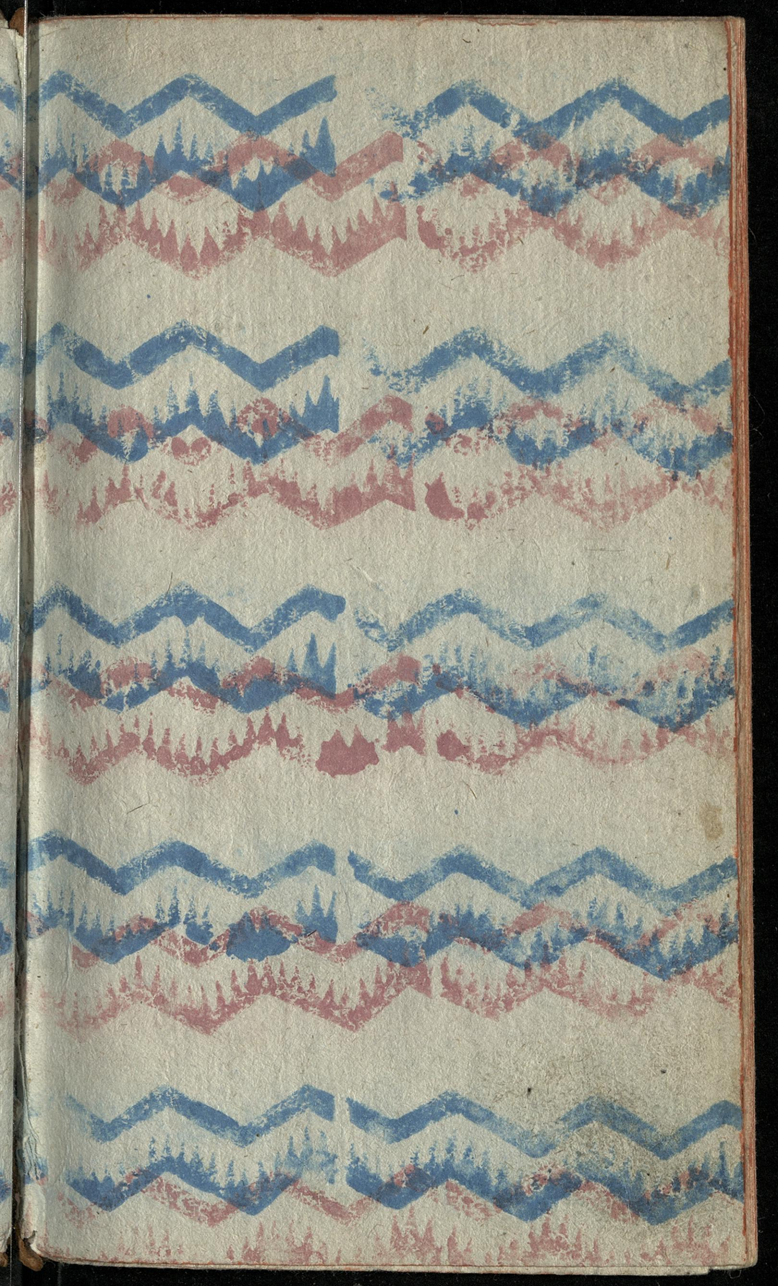
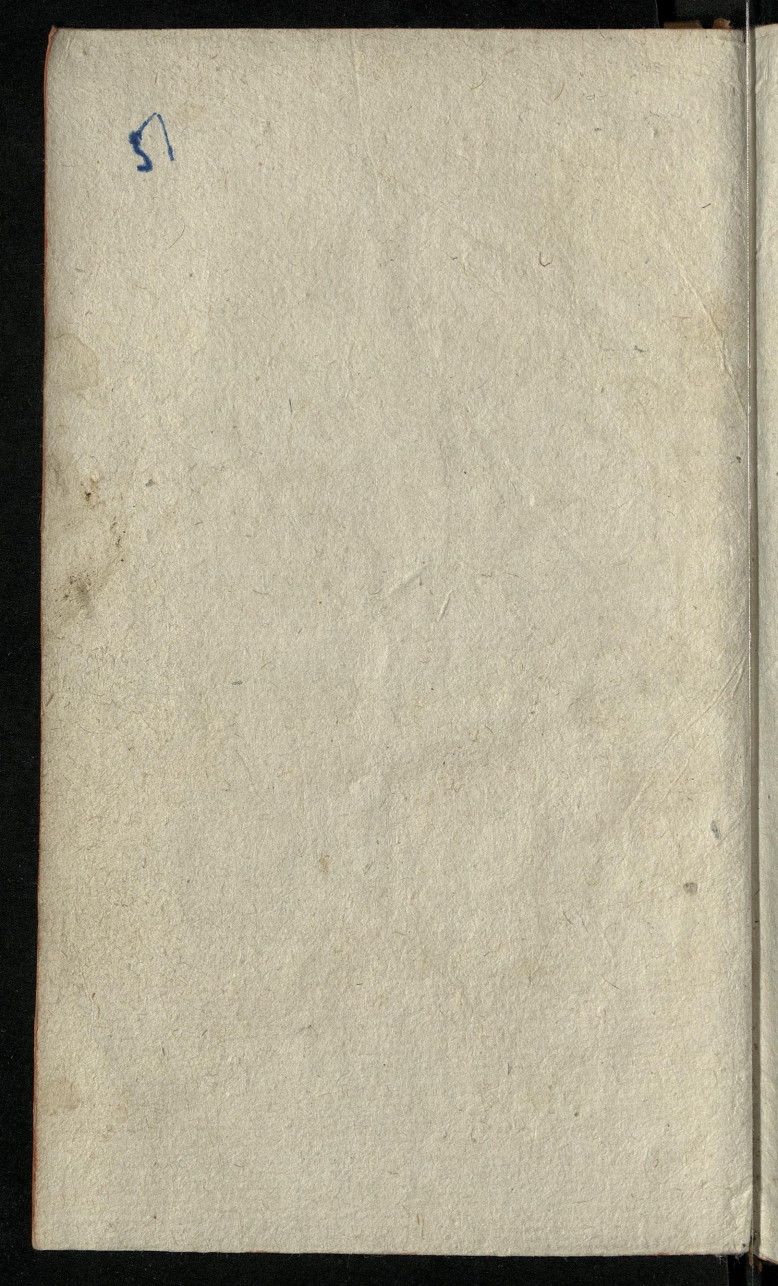

Иванъ Радищевъ

Горжи К. К.

2-й экз.

БЛАНСАЙ.

РОМАНЪ

ГОСПОДИНА ГОРЖИ,
извѣстнаго по сочиненію
du
Nouveau Voyage Sentimental.

Переведено
въ селѣ Комаревѣ.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера, и Клаудія.
1797.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Блансай, романъ Господина Горжи*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгахъ. — Надворный Совѣтникъ, Профессоръ и Цензоръ,

А. Проколовичъ-Антонской.

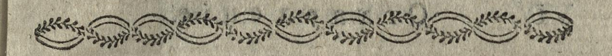

Любезнѣйшій другъ!

Ты хотѣлъ, чтобъ я перевелъ эту книжку, въ угодность тебѣ желаніе твое исполнено. Признательно однакожъ сказать я долженъ, что находя себя безсильнымъ представить въ настоящемъ видѣ легкость сочинителева слога, картинныя его при многихъ случаяхъ изображенія и свойственную ему выразительность, неоднократно я покушался трудъ свой оставить: но руководствуемъ будучи твоею волею, рѣшился, хоть дурно, да перевесть. Готовы теперь со мною вмѣстѣ краснѣть, какъ станутъ цѣнить мой переводъ и при всякой главѣ повторять: „какъ жаль что переводчикъ взялся за такое дѣло, которое сверьхъ силъ его и изуродовалъ столь прекрасное сочине-

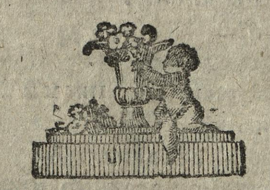
„ нїе!„ — Усердное желанїе посвятить Блансая твоему имяни, заставило меня подвергнуть себя симъ справедливымъ укоризнамъ. Прими сїе, мой милой другъ! за новое изъявленїе моей приверженности къ тебѣ, и будь увѣренъ, что и въ дурномъ переводчикѣ имѣешь ты навсегда хорошаго и вѣрнаго тебѣ друга.

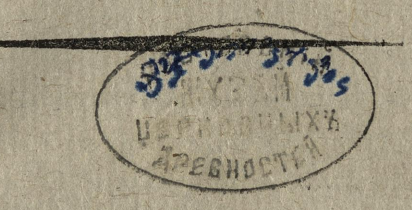
С. К.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы страи.

БЛАНСАЙ.

ГЛАВА 1.

Какая разница между людьми.

Лишь только исполнилось мнѣ пятнатцать лѣтъ, какъ начальники училища, въ которомъ я находился съ самаго моего робячества, велѣли позвать меня въ залу собранія. По прибытіи моемъ туда, примѣтилъ я на всѣхъ лицахъ видъ людей равнодушныхъ, но притворяющихся брать участіе въ возвѣщаемой ими непріятности. Въ самомъ дѣлѣ всѣ сіи сборы были для объявленія, что меня долѣе въ школѣ содержать не могутъ.

А

Отецъ мой, отправляясь въ Индію для занятія важнаго мѣста, въ дѣтскихъ еще лѣтахъ отдалъ меня въ училище сіе, и за содержаніе мое платилъ деньги всегда впередъ; но какъ по встрѣтившимся въ тогдашнемъ Министерствѣ перемѣнамъ мѣсто, при которомъ онъ находился, было уничтожено, по причинѣ смерти моей матери, также за многими другими огорчительными для него обстоятельствами, пребываніе въ Индіи сдѣлалось ему несноснымъ: то онъ, разпродавъ тамъ все свое имущество, сѣлъ на корабль, чтобъ возвратиться во Францію. Ожидая ежедневнаго извѣстія о его прибытіи, услышали напослѣдокъ, что онъ на пути погибъ. Мѣсяцъ прошелъ уже за срокъ обыкновенной за меня платы, и никто не являлся съ деньгами.

Въ слѣдствіе чего за благо разсуждено, для избѣжанія напрасныхъ убытковъ, долѣе не держать меня въ семинаріи. „Здѣшнее училище такъ бѣдно, произнесъ съ притворствомъ главной надзиратель, что мы не можемъ исполнить желанія нашего, долѣе продолжать твое воспитаніе; и такъ, милое дитя, надлежитъ тебѣ съ завтрашняго дня съ нами разстаться.„ Да кудажъ мнѣ итти? спросилъ я вздохнувъ.

„Образъ живущихъ въ мірѣ „намъ столь мало извѣстенъ, „примолвилъ одинъ изъ нихъ, „что мы никакого на то совѣта дать тебѣ не можемъ; но „благость Вышняго такъ велика, „что ты, дружокъ мой, конечно „не долженъ опасаться умереть „съ голоду.„

Въ самую ту минуту звонокъ ударилъ къ столу. Всѣ пошли ужинать, а я остался обливаться слезами, возсылать моленія мои и испрашивать милости у Провидѣнія, между тѣмъ какъ тѣ духовныя особы наслаждались совершенно Его дарами и ни мало не заботились о нещастномъ твореніи, оставленномъ ими на произволъ судьбы.

Послѣ ужина почти всѣ мои товарищи пришли ко мнѣ съ изъявленіемъ своего сожалѣнія, и оное было чистосердечно. Тогдашнее ихъ со мною обращеніе столь глубоко въ сердцѣ моемъ осталось впечатлѣнно, что мнѣ кажется, будто я и теперь еще вижу ихъ, какъ устремили они на меня съ состраданіемъ свои взоры и произносили сіи слова: „Бѣдной Блансай! сказалъ одинъ..., „Куда ему теперь дѣваться?

„присовокупилъ другой. . . Развѣ „у тебя никого нѣтъ знакомыхъ? „подхватилъ третій. . . . По- „слушай! сказалъ еще одинъ, не „грусти; приходи къ намъ въ „праздничные дни; я отдамъ те- „бѣ тогда всѣ деньги, которыя „даютъ мнѣ на лакомство. . . : „И я! и я!„ всѣ вдругъ закри- чали.

Въ то самое время вошелъ молодой д'Арсель, съ которымъ я въ тотъ день очень побранился; онъ забылъ свою обиду, какъ скоро свѣдалъ о моемъ нещастіи, бросился обнимать меня, соединилъ свои слезы съ моими, и повторилъ съ прочими вмѣстѣ: „Бѣдненькой Блансай! . . . Дру- „зья мои! отдадимъ ему все, что „у насъ есть.„ Въ одну мину- ту всѣ опорожнили свои карма- ны, и у кого что было, положили въ его шляпу.

Одинъ только, по имяни Бернардъ, не исполнилъ сего; онъ находился въ бурсѣ, и такой былъ бѣднякъ, что во всю свою жизнь не имѣлъ ни копѣйки. Не произнесъ онъ ни слова; но молчаливость его тѣмъ болѣе была трогательна, что къ изъявленію обо мнѣ равнаго съ прочими состраданія присовокупилъ еще и сожалѣніе, что не въ состояніи тѣмъ же мнѣ помочь. Сіе изобразилъ онъ съ тою стыдливою робостію, которая всегда свойственна бываетъ неимущимъ, пріобыкшимъ во всемъ терпѣть недостатокъ.

„Любезной мой! сказалъ онъ „почтительнымъ и умиленнымъ „голосомъ; мнѣ очень жаль! . . . „Но ты знаешь, какъ я бѣденъ, „я сберегъ опредѣленной мнѣ „полдникъ . . . позволь мнѣ . . .„ Въ то самое время положилъ онъ

его въ карманъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, которой упрашивалъ: *не откажи мнѣ въ томъ, и не обидь меня.*

Я ни мало сему не попротивился, и вставъ съ своего мѣста, обнялъ его; ему казалось, что онъ въ нещастномъ моемъ положенiи вольнымъ со мною поступкомъ, вразсужденiи всегда бывшей между нами разницы, меня унизилъ.

Д'Арсель между тѣмъ собралъ все вмѣстѣ, что подавали его товарищи.

Ахъ! . . . изъ этихъ самыхъ товарищей, столь сострадательныхъ къ тогдашней моей участи, послѣ я со многими встрѣчался въ свѣтѣ, и они меня не хотѣли узнавать. Самое тожъ наименованiе нещастнаго, бывшее для нихъ столь трогательнымъ въ школѣ, заставляло ихъ от-

вращать отъ меня свои взоры. Въ училищѣ они были человѣки по природѣ, а въ мірѣ люди общество составляющіе. — „Чемъ „вы это занимаетесь, государи „мои? Развѣ не слыхали вы звон„ка? пора спать. Вы завтре „можете еще съ нимъ про„ститься.„

Не трудно догадаться, что это вскричалъ одинъ изъ монаховъ, присовокупивъ къ тому самой грубой видъ; оборотясь же ко мнѣ, посмотрѣлъ онъ на меня какъ самой безчувственной человѣкъ... Сострадание товарищей моихъ обо мнѣ былъ пластырь на рану мою возложенной; но сей безчеловѣчной его сорвалъ, и я снова почувствовалъ всю жестокость боли.

Легко можно вообразить, что не смыкалъ я глазъ во всю ночь. Поутру лишь только разсвѣло, то я всталъ и отправился въ

путь. Подходя къ воротамъ, я боялся, чтобъ стрегущій ихъ, которой былъ настоящей церберъ, не остановилъ меня; но мнѣ не извѣстно еще было, что въ тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ не бываетъ препятствій къ удаленію. Я посудилъ о томъ по невозбранному мнѣ пропуску, что начальники предвидя мой поступокъ, очень ради были, что избавились отъ меня. Надо сказать, что монастырь сей былъ пребогатой.

Послѣ бывалъ я тамъ не однократно. Мѣстопребываніе ребяческихъ лѣтъ составляетъ неизобразимое утѣшеніе; но я хаживалъ туда по уничтоженіи уже монашескаго въ немъ ордена. Въ противномъ случаѣ прежній видъ монаховъ могъ бы обратить въ ядъ мое удовольствіе.

ГЛАВА 2.

Проповѣдникъ.

Изъ монастыря вышелъ я въ шесть часовъ поутру. Четвертой уже былъ послѣ половины дня, а я не преставалъ еще итти; переходя почти всѣ Парижскія улицы, не помышлялъ я даже, что ходилъ, и не ощущалъ нужды въ пищѣ. Наконецъ усталость заставила меня искать мѣста для отдохновенія, и я находясь противъ церкви, вошелъ въ нее. Тутъ довольно было стульевъ, но я не имѣлъ денегъ. Безъ сомнѣнія отняли бы у меня тотъ, которой бы я осмѣлился взять. Я сѣлъ на приступокъ. Съ часъ времени протекло, какъ усмотрѣлъ я, что церковь наполнялась людьми. Разговоры окружающихъ меня дали мнѣ ураз-

умѣть, что будетъ проповѣдь; что содержаніе оной состоять будетъ о первѣйшей Христіанской добродѣтели, о милосердіи, и что проповѣдывать станетъ Аббатъ Фулгиній.

Я часто видалъ Аббата сего имяни у Профессоровъ моихъ: онъ имѣлъ великіе доходы, былъ принятъ въ лучшихъ обществахъ, и находился въ милости у многихъ знатныхъ вельможъ. . . . Что естьли это тотъ! говорилъ я самъ себѣ. . . . Но не успѣлъ я сего пожелать, какъ проповѣдникъ появился. Онъ дѣйствительно былъ тотъ самой Аббатъ, котораго я зналъ.

Увидя его, лучь отрады озарилъ мою душу. Надежда увеличилась еще, и возрастала болѣе во время продолженія его проповѣди, говоренной самымъ убѣдительнымъ образомъ. Какъ

скоро окончилась оная, то я побѣжалъ туда, гдѣ разоблачался Аббатъ, чтобъ извѣстить его о своихъ нещастіяхъ; но увы! проповѣдникъ и Аббатъ въ одномъ человѣкѣ составляли два совсѣмъ разныя творенія! Умъ сочинялъ проповѣди, а сердце не внимало моимъ жалобамъ. Ораторъ, которой старался изображать всю пылкость чувствительности, слушалъ меня со всею холодностію безчувственнаго, и увѣщательное слово уступило мѣсто презрительному виду такого человѣка, у котораго ищутъ защиты и которой въ томъ отказываетъ.

Пришедшій лакей доложилъ его преподобію, что госпожа его, Герцогиня N.... дожидается. Онъ бросился съ легкостію молодаго человѣка и пробѣжалъ съ Герцогинею мимо толпы бѣдныхъ,

подставлявшихъ руки для испрошенія милостины, и неудостоенныхъ даже ни единымъ его взоромъ.

ГЛАВА 3.

Добродушная старуха.

Отягченъ будучи горестію еще болѣе отъ мнимой моей надежды, вышелъ я изъ церкви, и отошедъ на нѣсколько шаговъ отъ оной, сѣлъ на каменную скамью. Тысяча человѣкъ, думаю я, прошли въ то время мимо меня, и никто не сдѣлалъ замѣчанія ни обо мнѣ, ни о скамьѣ, на которой я сидѣлъ; какъ вдругъ старая женщина подошедъ ко мнѣ спросила: „что съ тобою „сдѣлалось?„ Я испустилъ тяжелой вздохъ, и отвѣчалъ ей, что со мной не сдѣлалось ничего,

„Прости меня, любезной мой, ска-„зала она; я подумала, что ты „не очень здоровЪ; ты такЪ блѢ-„денЪ! не занемогЪ ли? скажи „пожалуй, я побѢгу за наемной „каретой, или пособлю тебѢ „дойти до двора.„ Я отблаго-даривЪ ее, повторилЪ, что былЪ здоровЪ. Она отходя отЪ меня, оборачивалась не однократно, какЪ будтобЪ догадывалась, что честолюбіе, или чрезмѢрная го-ресть заставили меня такЪ от-вѢчать. По томЪ она поворотила вЪ переулокЪ, и я потерявЪ ее изЪ виду, остался одинЪ посреди безчисленной толпы взадЪ и впе-редЪ мимо ходящихЪ.

Наступила ночь. Я протя-нулся на скамьѢ, чтобЪ отдох-нуть хотя мало... „Не спаль-„ня ли это его?„ молвилЪ высо-кой дѢтина, выходящій изЪ во-ротЪ, при коихЪ я лежалЪ;

„онъ не дорого за наемъ пла-
„титъ.... Эй! дружища! про-
„изнесъ другой, въ которомъ ча-
„су прикажешь себя разбудить?..
„Вотъ тебѣ на! сказалъ третій,
„столкнувъ меня на землю; уби-
„райся-ка братъ, искать себѣ
„другаго мѣста! Не одному тебѣ
„тутъ покоиться; приходи зав-
„тре посидѣть здѣсь съ нами..
„Эхъ, государи мои! вдругъ за-
„говорилъ прерывающійся голосъ,
„за что вы такъ обижаете это-
„го мальчика? что естьлибъ вы
„были на его мѣстѣ!....„ Это
была та самая старуха, которая
за нѣсколько предъ симъ предла-
гала мнѣ свои услуги. „ Видишь
„ли ты, что я давича не даромъ
„тебя спрашивала? сказала она
„мнѣ. Подай мнѣ руку, ступай
„за мною, я живу отсюда близко.
Промолвивъ сіе, она въ самомъ
дѣлѣ взяла меня за руку и повела.

Вошедъ къ ней при свѣтѣ померкающей лампады, я думалъ видѣть жилище Филемона и Вавкиды: двѣ ветхія перины на изломанныхъ кроватяхъ гнилыми веревками перевязанныхъ; три или четыре стула, молью источенныхъ, и столъ на трехъ ногахъ, составляли всю мебель... Лучшимъ въ покоѣ украшеніемъ были превеликія кресла, какія, занимавъ нѣкогда мѣсто въ старинныхъ замкахъ, преселяются потомъ въ жилище бѣдныхъ. Добродушная старуха, собравъ всѣ свои силы, притащила ихъ изъ угла, гдѣ они стояли, къ очагу. Она съ такою поспѣшностію это сдѣлала, что я никакъ не успѣлъ ей пособить.

„Сядь, любезное дитя! ахъ „какъ холодно! подожди.„ И нагнувшись въ каминъ, вырыла тамъ двѣ головешки, высѣкла

огонь, и вытащила соломы изЪ самаго стараго стула. „Какой „милой молодецЪ!„ произнесла она, и начала раздувать изЪ всей своей силы. „Смотри пожалуй, „проклятой огонь какЪ будто бы „нарочно не загорается . . . Но „нѣтЪ . . . ты у меня загоришся.„ И между тѣмЪ продолжала теребить изЪ стула послѣднюю солому и подкладывать. НаконецЪ развела огонь. „Подвинься по„ближе, сказала она мнѣ, взявЪ „меня за колѣни и поворотя ноги „почти со всемЪ вЪ огонь; по„грѣй же и руки.„

По томЪ стала она бѣгать по горницѣ, передвигать два или три глиняные горшка и переливала изЪ одного вЪ другой, ворча себѣ подЪ носЪ:„ Еще слава „Богу, что севодни вторникЪ; „сколько нибудь да осталось. Я „очень рада, что не сЪѣла этаго

„за обѣдомъ. Любезному моему „дитяти это сдѣлаетъ пользу.„ Всѣ сіи поговорки были о бульіонѣ. Добродушная старуха варила себѣ супъ одинъ только разъ въ недѣлю, и сіе обыкновенно бывало по Воскресеньямъ; несносно бы ей было, естьлибъ посѣщеніе мое случилось въ четвергъ, тогдабъ не чемъ было ей накормить меня. Въ бульіонъ свой хотѣла она покрошить хлѣба, испечь на уголькахъ нѣсколько земляныхъ яблоковъ; но взявъ меня за пульсъ, „ Ахъ бѣдненькой! вскри„чала она, у него жаръ! ему гораз„до лучше поѣсть одного толь„ко бульіону. Боже милосердый! „какъ же я щастлива, что онъ „у меня случился! непремѣнно „должно тебѣ тотчасъ лечь въ „постелю. Я тебѣ оправлю свою, „а сама лягу съ Устиньею; пой„демъ, дружокъ, пойдемъ. „ Про-

говоря сіе, она схватила жаровенку и начала ею поглаживать по постели вмѣсто грѣлки. „Все „пройдетъ, не надобно отчаяваться ни въ чемъ; ни кто „таковъ, какъ Богъ; Онъ всемогущъ, и на Него во всемъ „уповать должно.„ — Господинъ Аббатъ! проповѣдь ваша хорошо была проговорена; но я сомнѣваюсь, чтобъ хотя одинъ изъ слушателей вашихъ стоилъ этой старухи.

Во время сего моего размышленія благодѣтельствующая старуха сняла двѣ, или три юпки и еще кое какую рухлядь, составляющую весь ея нарядъ, и укутала меня ими на постели. „Старайся вспотѣть, милое мое „дитя; это тебѣ полезно будетъ. „Прощай, спи съ покоемъ.„ Она оставя меня, пошла и сѣла передъ огнемъ, гдѣ я слышалъ ее

„ворчащую: „ Бѣдной мальчикъ!
„чего съ человѣкомъ не случит-
„ся! .... Господи! Ты творишь
„все во благое!„

Погрѣвшись бросилась она на колѣни предъ гипсовымъ изображенiемъ, украшеннымъ старою шумихою, цвѣтками изъ закопченой бумаги, и нѣсколькими свѣчками желтаго воску.

ГЛАВА 4.

Устинья.

На другой день проснулся я съ настоящею горячкою, и болѣе недѣли не вставалъ съ постели. Добрая моя старуха такое обо мнѣ имѣла попеченiе, какъ мать о своемъ сынѣ. Въ старанiяхъ ея обо мнѣ вспомоществовала ей та самая Устинья, съ которой она спала на постели съ тѣхъ

поръ, какъ я занималъ принадлежащую ей.

Устинья имѣла лѣтъ за тритцать, была чрезвычайно блѣдна и сухощава. Казалось, что она нѣкогда могла называться не дурною; но въ ней остался одинъ только видъ, предупреждающій въ пользу такихъ людей, которые претерпѣли многія огорченія. Большіе голубые глаза, данные ей отъ природы для привлекательности, изображали одну только горесть. Голосъ томной, губы поблеклыя. Темнорусые долгіе волосы, лежащіе по плечамъ, подбирала она кое-какъ подъ свой чепецъ, и весь нарядъ ея былъ очень простъ. Наконецъ все представляло въ ней нещастную, едва дышущую и къ жизни безпристрастную.

„Ну, что скажешь ты мнѣ?„ говорила ей всякой вечеръ спа-

„руха, по возвращеніи ея домой. „Ахъ! отвѣчала ей всегда Устинья, „вздохнувъ тяжело: я видѣла „одного, или я ихъ видѣла обѣихъ.„

По томъ впадала она въ нѣкоторой родъ неподвижности, которая прерываема была вздохами, и казалось, что задыхалась отъ оныхъ; отдохнувъ же, пособляла старухѣ въ ея ко мнѣ прислугахъ. И тогда-то видно было въ ней то трогательное добродушіе, какое замѣтить можно въ однихъ только нещастныхъ.

Она всякое утро уходила съ двора, взявъ съ собою столь мало пищи, что едва оной на утоленіе ея голода доставало. Домой же возвращалась очень поздно; ужинывала столь же мало, какъ и обѣдала; по томъ становилась въ уголъ къ огню, стонала и вздыхала . . . Что про-

должалось до глубокой ночи. И какъ бы я поздно ни засыпалъ, но всегда прежде, нежели она помышляла о своемъ покоѣ.

ГЛАВА 5.

Часы.

Какъ скоро стало мнѣ полегче, то одѣваясь, вспомнилъ я о Бернардовомъ полдникѣ, которой вручилъ онъ мнѣ съ самымъ трогательнымъ видомъ, и нашелъ всю полную дачу. Сей доброй молодецъ ничего изъ него не тронулъ и отдалъ мнѣ весь. Но какъ велико было мое удивленіе, когда я нашелъ съ онымъ вмѣстѣ серебряныя часы! Его подарилъ ими одинъ изъ воспитанниковъ, за которымъ онъ ходилъ во время его болѣзни. Это одно только и было сокровище, составлявшее все имущество бѣднаго

Бернарда; онъ видя тогдашнее мое положеніе, и не посовѣтовався ни съ кѣмъ, кромѣ своего сердца, лишился ихъ для меня; и съ какою притомъ осторожностію!

„О доброй малой! произне-„сла старуха, когда она узнала „о причинѣ моего удивленія. Все-„вышній его никогда не оставитъ. „Ахъ! какъ это хорошо, по-„истиннѣ прекрасно съ его сто-„роны! авось Богъ приведетъ „мнѣ когда нибудь его увидѣть!.. „Такъ поступить можно толь-„ко Принцу; но я думаю и Принцъ „бы этого не сдѣлалъ, потому „что Бернардъ отдалъ послѣд-„нее. О! я въ будущеежъ Вос-„кресенье пойду къ обѣдни въ „тотъ монастырь единственно „для того, чтобъ только уви-„дѣть добраго этаго Бернарда „и разцѣловать его!„

Я перервалъ ея разговоръ изъясненіемъ, какъ много сожалѣю, что слабость моя не позволяетъ мнѣ тотъ же часъ туда итти, чтобъ поблагодарить Бернарда, чтобъ прижать его къ моему сердцу и всѣмъ разсказать объ его благодѣяніи, притомъ съ заклинаніемъ принудить его взять часы свои обратно; ибо я не могъ ихъ у себя оставить, это было бы злоупотребленіемъ съ моей стороны.

„Похвально, милое мое ди„тя! сказала мнѣ старуха, об„нявъ меня; я вижу, что ты хо„рошей молодецъ. Да утвердитъ „тебя Господь всегда въ этихъ „мысляхъ! Но не заботься; я въ „Воскресенье туда пойду сама. „Сего дня пятница, два дни „подождать намъ недолго.„

ГЛАВА 6.

Воспоминанiе.

Въ воскресенье встала она очень рано, чтобъ итти въ нашъ монастырь; а Устинья осталась дома. Я потомъ свѣдалъ, что по этимъ днямъ препровождала и она каждое утро въ церкви; но на сей разъ не пошла для меня, увѣрена будучи, что возсылаемыя Всевышнему моленiя не могутъ быть прiятнѣе попеченiй, употребленныхъ для бѣднаго больнаго. Въ семъ состоянiи находился я тогда отъ того болѣе, что хотѣлъ встать съ постели прежде времени.

Устинья сѣла ко мнѣ на кровать, взяла меня за руку, чтобъ пощупать пульсъ, и по обыкновенiю своему задумалась, не покидая моей руки. Голова ея склонилась къ ней на плечо;

глаза устремлены были въ землю; рука одна повисла; грудь производила унылое, но стремительное движеніе; всякой вздохъ былъ томенъ и продолжителенъ; изрѣдка пожимала она мою руку, не чувствуя, что ее держала; и сіе пожиманіе было прерываемо содраганіемъ. Напослѣдокъ чрезъ нѣсколько времени приподнявъ тихо голову, и взглянувъ на меня: „которой тебѣ годъ?„ спросила она. Я отвѣчалъ ей, что не давно исполнилось пятнатцать лѣтъ. „Ахъ! это самыя тѣ лѣта.„ промолвила она, и опять приняла прежнее свое положеніе. Вдругъ два источника слезъ оросили ея лицо; однакожъ она сама не чувствовала, что слезы у ней льются; ибо не помышляла ихъ отирать, и онѣ высохли не выведши ее изъ безчувственности.

Не въ силахъ я изобразить, сколь стѣснено тогда было мое сердце. Нѣсколько разъ старался я разговорить ее; но не однократно слова на устахъ моихъ замирали, отъ невозможности ли моей помочь ей, или отъ того, что исступленія такого рода имѣютъ въ себѣ нѣчто величественное! Дерзнулъ я однакожъ, и произнесъ въ полголоса начальныя слова: „естьли. . . ос. . . мѣ„люсь. . . . васъ. . . . спро. . . . сить. . . .„ Она прервала мои слова, и приложа руку къ сердцу, сказала: „неизлѣчимо страждетъ.„ Потомъ поглядѣвъ на меня еще съ большимъ вниманіемъ. . . . „Пят„натцать лѣтъ!. . . это одни го„ды, и тожъ время. Ахъ! великій „Боже. . . „По произнесеніи тѣхъ словъ, голова ея запрокинулась и глаза устремились къ небу всѣ члены ея почувствовали силъ;

ное потрясеніе, и по томъ впала она въ прежнее положеніе и безчувственность.

ГЛАВА 7.

Неправосудіе.

„Негодныя люди! какъ имъ не „стыдно! въ нихъ совсѣмъ нѣтъ „совѣсти. Будутъ они отвѣчать „предъ Богомъ. Этотъ доброй „малой! . . . Подлинно умѣютъ „поощрять людей дѣлать доб„ро! . . . Ахъ, какъ я сердита! . . . „Однакожъ и сердиться не хоро„шо; прости Господи мое со„грѣшеніе! . . . Но это не слыха„но, чтобъ за это наказывать. . . . „Никогда, поистиннѣ никогда „не бывало такихъ образцовъ.„

Старуха входя домой ворчала сіи слова, не обращая на насъ ни малаго вниманія, и говоря то,

бродила взадъ и впередъ по горницѣ, дѣлала разныя тѣлодвиженія, задыхалась, и всякой промежутокъ гнѣва означала удареніемъ костыля своего объ полъ. Я не могъ до тѣхъ поръ ничего понять изъ ея словъ, пока не миновалась нѣсколько ея гнѣвливость.

„Представь себѣ, милое мое „дитя! ... я пришла къ воро„тамъ твоего училища; не успѣ„ли ихъ отворить, какъ силь„ное желаніе, видѣть любезнаго „Бернарда, здѣлало ноги мои „дватцатилѣтними; я заблаго„времянно восхищалась, что об„лобызавъ его, и возвратя ему „часы, объявлю о томъ во всемъ „училищѣ! Я знаю, чтобъ это „нѣсколько и потревожило его; „однакожъ такой поступокъ дол„женъ быть всякому извѣстенъ, „для того что придаетъ охоту

„къ подражанію; но Бернардъ былъ „весьма дурно награжденъ. О! „какъ привортникъ мнѣ про это „сказалъ!... слава Богу, что я не „зла:.. со всѣмъ тѣмъ, естьли бы „кто мнѣ изъ нихъ тогда попал„ся, я такъ была сердита, что „сказала бы имъ, какъ это дур„но. Послушай, я разскажу тебѣ „все: два или три дни спустя „послѣ уходу твоего изъ мона„стыря, узнали, что у Бернар„да часовъ не стало. Спрашива„ли его, куда онъ ихъ дѣвалъ. „Сперва, чтобъ избавиться по„прековъ за хорошій его посту„покъ, онъ насказалъ множество „причинъ, что все сочтено бы„ло за ложь. Надлежало при„знаться и объявить истинну; „но и сію истинну сочли бы за „несправедливость, естьлибъ не „удостовѣрилъ въ томъ одинъ „изъ учениковъ. Да и не куда имъ

„было дѣваться, кромѣ какъ
„могли подумать, что онъ ихъ
„потерялъ; всѣхъ воспитанни-
„ковъ обыскивали, и ни гдѣ ихъ
„не нашлось. Этому весьма обра-
„довались, чтобъ къ нему при-
„драться, и лишивъ его мѣста въ
„бурсѣ, принять другаго, за ко-
„тораго просили.... Витъ овца
„всегда предъ волкомъ виновата.
„А по тому и выгнали Бернар-
„да изъ училища.

„Бернардъ выгнанъ, — и за то
„только, что столь благородно
„и великодушно меня одолжилъ.
„Извѣстно ли по крайней мѣрѣ,
„гдѣ онъ? Я побѣгу къ нему
„тотъ часъ.„ вскричалъ я забывъ
совсѣмъ, что былъ боленъ и не
въ силахъ встать съ постели.

„Гдѣ онъ? будто нужно
„этимъ людямъ знать, гдѣ онъ
„теперь. Когда я объ этомъ спро-
„сила, то одинъ толстякъ от-

„вѣчалъ мнѣ, что ему надлежа-
„ло быть далеко, естьли онъ
„шолъ не останавливаясь. Я не
„могла удержаться, чтобъ не ска-
„зать ему, что стыдно было
„ему такъ говорить, а осо-
„бливо когда ужъ вѣдомо, что
„добродушной Бернардъ былъ
„выгнанъ за такой похвальной
„поступокъ. Вмѣсто отвѣта
„грубіанъ этотъ вытолкалъ ме-
„ня за вороты, называя пусто-
„мелею. О! конечно тѣ всегда
„пустое говорятъ, которые из-
„обличаютъ людей въ ихъ про-
„ступкахъ.

„Великій Боже! вскричалъ
„я, сохрани моего благодѣтеля
„и награди его за меня!„

Я принялъ тогда часы эти
съ чувствованіемъ почтенія пре-
исполненнымъ вмѣсто талисма-
на, которой обращалъ мою жизнь
къ добродѣтели. И естьли я ко-

гда въ теченіе оной подподалъ искушенію; то стоило только мнѣ взглянуть на часы Бернардовы. Горе мнѣ, естьли взгляну я на нихъ безъ содроганія! Тогда я долженъ буду неизбѣжно погибнуть.

ГЛАВА 8.

Усыновленіе.

Я нашелъ также у себя въ карманѣ кошелекъ, которой д'Арсель туда положилъ. Въ немъ было нѣсколько поболѣе трехъ луидоровъ. Сумма, превосходящая вдвое то, чего стоили Бернардовы часы; но я въ двѣ тысячи разъ менѣе былъ ею доволенъ; по тому что сіе было слѣдствіемъ великодушія многихъ. Уничижительнобъ было для меня, когдабъ благосклонные мои

товарищи, дѣлая сію помощь, сопроводили ее тѣмъ презрительнымъ видомъ, которой часто въ свѣтѣ угнетаетъ сердце нещастнаго, принужденнаго испрашивать себѣ помощь. Но нѣтъ! напротивъ того утѣшительное дружество въ томъ болѣе всего участвовало. Совсѣмъ тѣмъ, сколь великую розницу я находилъ съ подаркомъ почтеннаго Бернарда!

Кошелекъ сей однакожъ драгоцѣненъ мнѣ былъ по тому, что удостовѣрилъ меня еще болѣе въ добродушіи старухиномъ. Не ожидалъ я, чтобъ подосадовала она за мое предложеніе. И никогда не могъ ее принудить что либо принять отъ меня.

„Да! великая диковина твои „три луидора. А кто тебѣ со„шьетъ рубашки? кто купитъ „платки, чулки, башмаки? Тебѣ

„извѣстно, что я по нещастію, „не имѣя ни копѣйки доходу, не „могу сего исполнить. Пропи„таніе мое составляетъ одна „самопрядка; а теперь все такъ „дорого! За трудыжъ бѣдныхъ „людей такъ мало платятъ! Но „не взирая ни на что, я могла „доброму молодцу дать у себя „убѣжище, избавила его отъ то„го, чтобъ онъ не валялся на „улицѣ, предохранила его отъ „стужи и вспомоществовала въ „его болѣзни. Ты видишь, что „я уже довольно тѣмъ заплачена. „Когда я вечерка два три по„пристальнѣе поработаю, такъ „авось про нужду и будетъ: но „изъ этаго мнѣ не чѣмъ съ то„бою подѣлиться, и такъ сбе„реги свое не большое сокровище. „Какъ скоро ты выздоровѣешь, „то мы пойдемъ вмѣстѣ и все „надобное искупимъ. Такъ-то,

„мой другъ! ... У тебя родныхъ „никого нѣтъ, и я по возможно-„сти своей буду тебѣ вмѣсто „матери.„ Я бросился къ ней на шею, говоря, что съ сей минуты навсегда иначе ее называть не стану. „Ахъ! промолвила она, „отирая свои впалые глаза, у „меня была дочь, зять, внукъ, „которой бы теперь годами че-„тырью былъ старѣе тебя; но „они въ пожаръ сгорѣли. Я долго „думала, что безвинной младенецъ „какъ нибудь да спасся, по тому „что не опысканъ онъ былъ ме-„жду прочими мертвыми тѣ-„лами: только знать что и его „Богъ прибралъ! Вотъ уже пят-„натцать лѣтъ прошло отъ „этаго нещастнаго году, и объ „немъ нѣтъ никакого слуху. Тотъ „годъ былъ самой чорной для „меня; съ того времяни и бѣд-„ная Устинья дошла до того со-

„стоянія, въ которомъ ты ее „теперь видишь.„

Я хотѣлъ было воспользоваться случаемъ, узнать тому причину; но добродушная нареченная моя мать отвѣчала мнѣ, что въ семъ заключается тайна крестной ея дочери; что она не можетъ еще мнѣ того сказать, и что я еще молоденекъ.

ГЛАВА 9.

Каморка.

Разговоръ нашъ прерванъ былъ возвращеніемъ Устиньи. „Ну что!„ сказала старуха ей — „ахъ!„ отвѣчала другая. И ея *ахъ* по обыкновенію сопровожденъ былъ вздохомъ; а сверьхъ того полились у ней слезы, вздыхая, промолвила она: „ я никого не видала. . . — „Возможно ли это!

„сказала старуха, бѣдная Ус-
„тинья!„ Она оставила само-
прядку, и сѣвъ подлѣ нее, взяла
ее за руки! — „Бѣдниинькая Ус-
„тиньюшка! „повторяла она,
„нынѣшней день очень дологъ
„долженъ былъ тебѣ показаться!
„*Чтожъ дѣлать*, будь терпѣлива,
„моя милая, завтра ты ихъ
„конечно увидишь.„

По нещастію предсказаніе моей матери не збылось на другой день, и на третей еще. На ее *ну что*! получала она въ отвѣтъ. „*Ахъ! я никого не видала*.„ И за симъ слѣдовали источники слезъ съ раздирающими сердце, вздохами. Во всѣ три дни Устинья совсѣмъ ничего не ѣла, и всякой вечеръ приносила назадъ ту малую долю, которую брала съ собой по утру... На третью уже ночь нѣсколько уснула; отъ изнуренія она такъ

ослабѣла, что едва могла встать съ постели. Однакожъ не взирая на то, собиралась итти со двора. — Тщетно мы ей отговаривали. „ „Ты знаешь, отвѣтствовала она „крестной своей матери, что „въ томъ только мѣстѣ, куда „я иду, и могу получить себѣ „облегченіе. „

Все, что въ силахъ мы были у ней испросить, состояло въ томъ, чтобъ я проводилъ ее; ибо мнѣ уже стало легче. Съ превеличайшимъ трудомъ добрела она до того своего мѣста. Это было въ третьемъ этажѣ, каморочка величиною не много поболѣе сажени. Въ ней стояло только два стула и коробка, въ которую Устинья, лишь вошла въ двери, съ поспѣшностію спрятала бумаги, разложенныя на одномъ изъ двухъ стульевъ. По возвращеніи нашемъ домой вве-

черу свѣдалъ я отъ благотворительной моей матери, что около пятнатцати лѣтъ Устинья препровождала все время въ этой каморкѣ, даже и зимою, хотя тамъ не было печи, и что вывязывала тутъ по нѣскольку паръ чулокъ, которые старуха продавала.

Какъ скоро Устинья припрятала свои бумаги, то поставила мнѣ стулъ, на другомъ же сѣла сама подлѣ окна, и устремила свои глаза на противустоящей домъ. Сему послѣдовалъ и я, сидя какъ неподвижной.

Два часа, не говоря ни слова, провели мы въ семъ положенiи, по прошествiи которыхъ, взявъ она меня за руку и пожавъ ее, сказала: „ мнѣ легче. „ Я ее съ тѣмъ поздравилъ. Но она меня не слушала. Нѣкоторой предметъ увлекалъ за собою все ея

вниманіе: это былЪ вЪ другомЪ домѣ молодой человѣкЪ, которой рисовалЪ подЪ окномЪ. Нѣсколько минутЪ спустя, человѣкЪ среднихЪ лѣтЪ пришелЪ посмотрѣть его упражненія. — Устинья пожала мнѣ снова руку, и приложа ее кЪ сердцу молвила: „оно болѣе не страждетЪ, — совсѣмЪ „нѣтЪ.„ Глаза ея оживились; и я вЪ первой разЪ увидѣлЪ слабое изображеніе улыбки, оказавшейся на ея щекахЪ.

До тѣхЪ порЪ, пока сіи два человѣка находились у окна, глаза Устиньины не спускались сЪ нихЪ ни на минуту. А какЪ ушли они. . . . „мнѣ лучше, и „я совсѣмЪ теперь здорова.„ произнесла она: „мы можемЪ возвратиться кЪ крестной моей „матушкѣ. ПойдемЪ и скорѣй „успокоимЪ ее.„

Идучи, вела она меня по разнымъ переулкамъ, закаулкамъ и переходамъ, и домой возвратились мы совсѣмъ не тою дорогою, какою шли туда; такъ что естьлибъ и захотѣлъ я отыскивать то мѣсто, куда мы ходили, то мнѣ было бы не возможно. Присовокупила она еще къ тому и убѣдительнѣйшую прозьбу, чтобъ не старался я отыскивать его. Но у меня этаго и въ помышленіи не было. Я зналъ, что противъ воли изторгнутая тайна есть настоящая кража, для честнаго человѣка непозволительная.

ГЛАВА 10.

Богомолка.

Между разговорами спросилъ я нѣкогда добрую мою старуху, для чего она подъ самопрядку

свою всегда подкладывала въ четверо сложенную юпку? „Такъ „должно, милой мой, отвѣчала „она. Госпожа, которая живетъ „въ нижнемъ подъ нами этажѣ, „жаловалась, что стукъ отъ мо„ей самопрядки ее безпокоитъ. „Она занимаетъ тамъ нѣсколько „покоевъ; а я эту маленькую „горенку; выгоды хозяйскія тре„буютъ мнѣ предпочесть ее; а „по тому и грозилъ онъ согнать „меня съ двора, естьли Госпожа „еще хоть разъ на это пожалует„ся. Участь нашей братьи бѣд„няковъ заставляетъ исполнять „прихоти богатыхъ. Какже быть, „любезной мой сынъ! Свѣтъ та„ковъ; намъ его ужъ не передѣ„лать. Буди святая воля!

Естьли я повстрѣчаюсь когда либо съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ мнимыхъ Философовъ, которыхъ величайшая строгость не въ си-

лахъ преодолѣть и малѣйшаго съ ними безвремянья; то посовѣтую итти въ училище къ моей матери (*) *Простодушиной*. Я думаю, что еще нужнѣе будетъ послать ихъ туда въ то время, когда представится имъ случай оказать услугу тому, кто далъ имъ почувствовать тягость своего превосходства.

Госпожа сія, которая до такой крайности употребляла во зло богатое свое состояніе въ разсужденіи матери *Простодушиной*, что лишала ее послѣдняго средства, дающаго ей пропитаніе, вдругъ занемогла; и болѣзнь ея будучи заразительна, заставила всѣхъ отъ нея удаляться. Пріобыкшая благодѣтель-

(*) Mere Simplet. Для означенія сего характеристическаго наименованія Г. переводчикъ за лучшее почелъ назвать ее *простодушиною*.

ствовать старуха свѣдавъ, что она почти всѣми покинута, бѣжитъ и предлагаетъ ей свои услуги. Всѣ ея попеченія объ ней были самыя усердныя. Одно твореніе, Аббатъ, казался быть еще нѣсколько къ ней приверженнымъ; да и тотъ обшаривая бумаги, нашелъ между прочимъ ея духовную, которая была здѣлана не совсѣмъ въ его пользу; послѣ чего встрѣтилось у него столько нуждъ, что не возможно было ему иначе навѣщать больную, какъ изрѣдка. . . то есть, пока опасность продолжалась. Но посѣщенія его здѣлались гораздо чаще, какъ скоро стала она выздоравливать.

Читатель подумаетъ, что выздоравливающая Госпожа откроетъ свой кошелекъ матери *Простодушиной*, и наградитъ ее великодушно. . . . Ничего не

бывало: она ей гораздо менѣе заплатила, нежели обыкновенной хожатой; въ оговорку представлено было то, что за нею никто не посылалъ, къ томужъ очень много было бѣдныхъ въ приходѣ у Господина Аббата, которой объ оныхъ не рѣдко упоминалъ въ душеспасительныхъ своихъ бесѣдахъ! . . . Услужливая старуха, слѣдуя только стремленію добраго своего сердца, конечно бы совсѣмъ ничего не взяла, естьлибъ не въ такомъ бѣдномъ находилась состояніи; и такъ безъ негодованія приняла она то, что ей дали. Удивленіе мое въ разсужденіи сего было не мало, по тому что все у Госпожи находящееся означало набожность. Стѣны уставлены были образами; всѣ книги у ней были священныя, въ головахъ у кровати висѣли превеликія чотки, нѣсколько по-

одаль стоялъ налой со всѣми къ нему принадлежностями, и первое упражненіе Госпожи сей по выздоровленіи состояло въ томъ, чтобъ сочинять псалмы столь долгіе, сколько здоровье ея позволяло.

Благочестивость ея означалась въ полной мѣрѣ, когда она сидѣла въ большихъ своихъ креслахъ въ бѣломъ платьѣ, окладенная множествомъ подушекъ; взоръ ея былъ кротокъ, улыбка пріятна; бѣлая ея шея какъ полотно, еще бѣлѣе казалась отъ широкаго чернаго ожерелья, на которомъ висѣлъ хрустальной крестъ; въ рукахъ всегда перебирала она прекрасныя коралловыя чотки. Когда молчала, то казалась въ благоговѣніи; въ прочеежъ время разглагольствовала о Христіанскихъ добродѣтеляхъ съ столь убѣдительнымъ видомъ,

и столь поучительнымъ слогомъ, что однажды добросердечная моя мать подумала, что Устинья можетъ отъ того получить облегченіе въ своей скорби.

„Лучше всего, сударыня, „сказала она, я къ вамъ при„веду ее. Она вамъ сама разска„жетъ, по тому что я здѣлать „этаго не могу, она просила ме„ня быть скромною. Я могу „только сказать вамъ, что пят„надцать уже лѣтъ, какъ она „въ такомъ состояніи, и что „этому причиною любовь....

„Любовь! произнесла бого„молка. . . И ты смѣешь мнѣ „объ ней говорить! ... мнѣ!... „Богъ по дѣламъ наказываетъ ее; „берегись приводить ее ко мнѣ; „приходъ ея осквернитъ мое жи„лище.

Бѣдная *Простодушина*, будучи въ недоумѣніи, замолчала. Но ус-

лышавъ, что Устинья возвращается домой, она побѣжала тотчасъ въ верьхъ. Я поспѣшилъ за нею, опасаясь, чтобъ богомолка разговоромъ своимъ не уменьшила состраданія ея къ Устьньи!... Прости меня, добросердечная моя мать! прости, что я подумалъ это. Мнѣ бы надлежало лучше знать доброту твоего сердца. И ябъ долженъ былъ напротивъ того догадаться, что твое.... *Ну что!* произнесено будетъ благосклоннѣе обыкновеннаго. Устинья казалась довольною, или меньше печальною. Она *видѣла обѣихъ*, и почти во весь день. И старуха съ своей стороны „ *тѣмъ лучше* „ произнесла съ самымъ веселымъ видомъ!... Еще разъ прошу, отпусти мнѣ вину мою, благотворительница моя! что я мысленно такъ тебя обидѣлъ.

ГЛАВА 11.

Удивитъ однихъ только простяковъ.

Этотъ случай увеличилъ мое почтеніе къ старухѣ, въ разсужденіижъ богомолки уменьшилъ хорошее мое мнѣніе, которое я возъимѣлъ было объ ней.

Между тѣмъ я продолжалъ посѣщать сію послѣднюю, которая, какъ казалось, принимала въ состояніи моемъ великое участіе. Ей было около тридцати лѣтъ, а мнѣ 15. Всякой день становилась она здоровѣе и свѣжее. Поученіи ея ко мнѣ были убѣдительны, взоры благочестивы, произношеніе Ангельское, и я находилъ величайшее удовольствіе разсматривать янтарное ожерелье, которое висѣло у ней на шеѣ!!! Но не одинъ я занимался тѣмъ. — Чрезъ нѣсколько дней

препоручила она мнѣ разобрать свою библіотеку. Я разбирая ее, занялся чтеніемъ таинственнаго Романа, и она, какъ по слѣдствію видно, обо мнѣ забыла. Въ то время пришелъ посѣтить ее Аббатъ. Разговоръ ихъ долженъ быть очень занимателенъ по тому, что они говорили тихо, а я хотя не близко отъ нихъ находился, и могъ только на нихъ глядѣть сквозь стеклянную дверь; но оттуда видно мнѣ было, что онъ такъ же шарилъ около того ожерелья, которое и мнѣ позволено было разсматривать. Смотря на все и слыша многое, я самъ тогда не зналъ еще, что объ этомъ подумать.

По томъ усмотрѣлъ я Госпожу, идущую за чемъ-то, въ ту комнату, гдѣ я находился; въ ней были накладены книги, поставлены заѣдки и подкрѣ-

пительные напитки. Я только что успѣлъ броситься на стулъ и притвориться спящимъ, знавъ уже, что невѣжда можетъ на себя навлечь негодованіе отъ просвѣщенныхъ, когда старается проникнуть ихъ тайны.

Госпожа ушла отъ меня тотъ часъ на цыпочкахъ, затворя дверь полегоньку. Аббатъ также ушелъ съ осторожностію. Нѣсколько минутъ спустя, богомолка пришла меня разбудить; но я думаю, что она поняла изъ моихъ глазъ, что они не совсѣмъ были сомкнуты.

Въ тотъ же день поѣхала она въ деревню: а нѣсколько времяни спустя, и съ квартиры сей переѣхала. Я замѣтилъ, что лошади для перевозки наняты были не по близости; конечно для того, чтобъ любопытнымъ не здѣлать лишней заботы.

ГЛАВА 12.

Чтеніе.

Здоровье мое прибавлялось, а кошелекъ мой убавлялся, что начинало меня безпокоить. Мать *Простодушина* вспомнила объ одномъ человѣкѣ, писавшемъ прекраснѣйшія поученія о благодѣяніи. Она ходя продавать свои нитки и вывязанные Устиньею чулки, слышала о томъ отъ купца, которой не могъ довольно нахвалиться сочиненіемъ этаго Автора. Я самъ у него былъ съ нею одинъ разъ, и слышалъ читающаго отрывокъ, отъ коего весь домъ, то есть мужъ, жена и дѣти, надсѣдались со слезъ; а добродушная моя мать въ такую приведена была жалость, что осердилась на нищаго, которой прервалъ чтеніе, и отъ котораго купецъ не могъ

ни чѣмъ отдѣлаться; по тому что одинъ надѣялся превозмочь жестокосердіе безотступностію, а другой думалъ торжествовать надъ безотступностію жестокосердіемъ.

Естьлибъ благодѣтельная моя мать товаръ свой продала, то чтѐніе сіе на такое бы только время было прервано, чтобъ успѣть ей сходить въ карманъ, и положить денегъ въ подставляемую симъ докучливымъ бѣднякомъ шляпу. Что принадлежитъ до меня, то я самъ былъ нищъ; но думалъ, что богатой купецъ, которой отъ чтенія плакалъ, конечно подастъ милостыню; какъ вмѣсто того онъ вытолкавъ сего бѣдняка въ шею. „Оставь насъ, сказалъ онъ ему, „время ли теперь такъ надоѣдать?„

„Часы твои, сказалъ я самъ „себѣ, не сходны съ Бернардовыми: „ибо тѣ означаютъ всегда ми-„нуту благотворенія. О! добро-„дѣтельной Бернардъ! сердце мое „никогда съ ними разнствовать „не будетъ; и естьлибъ я имѣлъ „что нибудь, то бѣднякъ сей не „пошелъ бы отъ меня съ пу-„стыми руками!

ГЛАВА 13.

Агатографъ.

Часы того писателя о благодѣяніи, къ которому привела меня мать моя *Простодушина*, не лучше были купцовыхъ. Брови его сраслись отъ привычки всегда сердиться, взоръ его былъ отвратителенъ, и весь видъ застращалъ меня чрезвычайно!...

Сухой вопросъ, здѣланной намъ, чего мы отъ него хотимъ, утвердилъ меня болѣе въ моихъ мысляхъ. Естьлибъ я былъ одинъ, то тотъ часъ бы онъ узналъ, что мнѣ хотѣлось отъ него уйти скорѣе, нежели какъ я къ нему пришолъ; но благотворительная моя мать взяла на себя трудъ разсказывать мою повѣсть. Желаніе расположить его въ мою пользу здѣлало ее нѣсколько болтливою: между тѣмъ вниманіе, съ каковымъ онъ ее слушалъ, было столь велико, что она видя то, наговорила еще болѣе; такъ что наконецъ онъ довольно наслушался.

„Что значутъ всѣ эти росказни? сказалъ онъ, какъ перестала она говорить. — Милостивой Государь, сочиненіе ваше, которое мы слышали, какъ читали. . . подало мнѣ надеж-

„ду. . . . (При семъ морщины на
„лбу у него поразгладились). . . .
„А! а! ну чтожъ вы слышали?
„какъ объ немъ поговариваютъ?...
„Ничего, милостивой Государь,
„(лобъ его опять наморщился.) —
„Какъ ничего? Это какой ни-
„будь простякъ вамъ читалъ. —
„Я не знаю того, милостивой Го-
„сударь, только это было въ
„такомъ домѣ, гдѣ мы всѣ пла-
„кали. — Вотъ это дѣло другое,
„(молвилъ онъ, принявъ на себя
„веселой видъ, сколько обличье
„его позволяло ему) для че-
„го не сказали вы мнѣ этого
„сначала? Да, не въ похвальбу се-
„бѣ молвить, я знаю. . . . что
„естьлибъ такихъ сочиненій бы
„ло побольше, тобъ родъ чело-
„вѣческой въ лучшемъ былъ со-
„стояніи, нежели теперь.„

Можетъ быть самолюбіе мое было причиною, что я обманы-

вался: но мнѣ казалось, что изображеніе моихъ обстоятельствъ его разсердило; а лесть матери *Простодушиной* коснулась слабой его струны.

Онъ меня спросилъ, могу ли я писать съ черна на бѣло. Послѣ удостовѣрительнаго моего на то отвѣту, тотчасъ далъ онъ мнѣ одно изъ своихъ сочиненій переписывать; но за такую цѣну, что кромѣ меня другагобъ ему найти было не возможно. Что было дѣлать? ... Нужда и желаніе, чтобъ не отягощать собою добродушную мою мать, заставили меня на все согласиться.

Лишь только возвратились мы домой, то я сыскалъ старой ставень, положилъ его на стулъ, увязалъ веревками, и приставя одною стороною къ окну, здѣлалъ себѣ изъ того бюро, и переписывалъ наономъ съ утра до ве

чера сочиненія, въ которыхъ благодѣяніе представлено было въ самомъ лучшемъ видѣ; нещастныя защищаемы были во всей силѣ; благотворенія у богатыхъ испрашиваемы были для оныхъ съ жаромъ; частыя выходки, какъ стрѣлы направлены были противъ тѣхъ нечувствительныхъ созданій, которыя безъ сожалѣнія смотрятъ на слезы нуждающагося; очаровательныя изображенія для тѣхъ, которые вкушаютъ удовольствіе, помогая нещастнымъ!!!!

Но переписывая такія превосходныя сочиненія, съ нуждою могъ я пропитать себя; между тѣмъ какъ тотъ, который ими занимался, жилъ въ изобиліи, по милости производимыхъ ему пенсій отъ людей дѣйствительно сострадательныхъ, которые думали, что давая ему деньги, не

его обогащали, но доставляли только ему случай дѣлать благотворенія, столь любезныя ему, и съ такимъ жаромъ прославляемыя.

ГЛАВА 14.

Два Автора.

Въ одинъ день идучи отъ моего сочинителя, и имѣя подъ пазухой тяжеловѣсную связку рукописей, я встрѣтился на лѣстницѣ съ молодымъ человѣкомъ, такъ просто одѣтымъ, что нарядъ его изображалъ даже нищету; но оная не столь великою казалась отъ малаго вниманія, которое онъ о семъ имѣлъ; по тому что уничижительной видъ человѣка дурно одѣтаго, нехорошую его одежду дѣлаетъ

еще худшею. „Вотъ, сказалъ онъ, „поглядя на мою связку, изрядная провизія благотворительности! — Да, здѣсь„ указавъ на бумаги, отвѣчалъ я; и по томъ давъ ему замѣтить разодранное мое платье, произнесъ я.... „Но „вы видите, что оно далѣе не „простирается.„ Отвѣтъ сей заставилъ насъ говорить о малой мнѣ за трудъ мой платѣ, о человѣкѣ, оную производящемъ и пр. и пр. За разговоромъ слѣдовало дружество, которое вскорѣ здѣлалось искренно.

Молодой человѣкъ былъ писатель, такъ какъ и Г. Агатографъ, и жилъ въ томъ же домѣ; но тѣмъ только и были они другъ на друга похожи.

Одинъ нанималъ на чердакѣ, а другой въ бель-этажѣ.

Г. Агатографъ имѣлъ лучшія комнаты, хорошо отоплен-

ныя и освѣщенныя зимою, лѣтомъ же украшенныя занавѣсами и прикрываемыя прорѣзными ставнями; однимъ словомъ, онъ сохранялъ свое спокойствіе во всемъ. На противъ того жилище молодаго человѣка состояло въ небольшой горенкѣ, въ которой былъ у него всегда товарищемъ одинъ изъ тридцати двухъ вѣтровъ. Полка, на коей валялись въ кучу складенныя въ бумажномъ переплетѣ книги, ни мало не сходствовали съ прекрасною великолѣпно переплетенною библіотекою Господина Агатографа; а чтобъ здѣлать противуположеніе и высокому его лакею, то молодому человѣку прислуживалъ (какъ онъ называлъ) лакей за двѣ копѣйки въ день. Это былъ Совоіардъ, которой за сію бездѣльную плату прихаживалъ всякое утро принимать его повелѣнія, въ ис-

полненіи которыхъ онъ столь же былъ исправенъ, какъбы лучшей скороходъ или егерь, очень дорого отъ Господина своего заплаченной.

Но естьли фортуна Г. Агатографа съ одной стороны многимъ надѣлила, то въ замѣну того наградила она молодаго человѣка съ другой.

Совершенно философическая безпечность заступала мѣсто безпрестанныхъ суетъ въ изобрѣтеніи новыхъ вымысловъ.

Полная откровенность, какъ въ поступкахъ его, такъ и въ сочиненіяхъ, вмѣсто льстивыхъ приношеній знатнымъ.

Предоброе сердце безъ хвастовства о благодѣяніи, имѣющее преимущество, какъ въ разсужденіи себя, такъ и другихъ, надъ краснорѣчивымъ разглагольствіемъ о человѣколюбіи Г. Агато-

графа, котораго чувствованія въ томъ ни мало не участвовали. Въ добавокъ къ тому одинъ былъ всегда веселъ, напротивъ же того другой имѣлъ видъ мрачной, изъявляющей безпокойную совѣсть.

Тотъ занятъ будучи корыстолюбіемъ и прославленіемъ своего имяни, писалъ только о вѣчности, и тратилъ дни свои на составленіе множества томовъ, обрѣтая въ томъ свое торжество. Сей напротивъ того, не заботясь ни объ обогащеніи себя, ни о славѣ, и писавъ для того только, что находилъ въ томъ удовольствіе, производилъ изъ своего пера бездѣлки, которыя разсылалъ по свѣту, и столькожъ объ нихъ помышлялъ, какъ о тѣхъ солдатахъ, которые должны начинать бой; а по тому и не было у него такихъ людей, которые бы сочиненія его слишкомъ вы-

хваляли, но за то не опасался онъ и клеветниковъ.

Агатографъ, сообразуясь своимъ сочиненіямъ, принужденъ былъ всегда принимать на себя нѣкоторой родъ лицемѣрства, и безъ всякой пріятности приносилъ свои жертвы престарѣлымъ святошамъ; между тѣмъ, какъ молодой человѣкъ съ удовольствіемъ и съ вольнымъ духомъ, а иногда не множко и на веселѣ, срывалъ весенніе цвѣточки, которые только что начинали распускаться.

Хотя я и въ тѣсномъ былъ съ нимъ дружествѣ, но никогда не зналъ совершенно объ его состояніи. Чаще всего у него очень мало бывало денегъ, иногда по болѣе, а обыкновенно ни копѣйки; какъ же скоро случалось ему достать оныя, то всегда зывалъ онъ меня съ собою куда нибудь обѣдать, и сіе онъ дѣлывалъ, со-

ображаясь съ большимъ, или съ малымъ количествомъ находящагося у него капитала.

Иногда бывали мы въ не богатыхъ трактирахъ, гдѣ молчаливость, столь свойственная Агличанамъ и мало приличествующая Французамъ, дѣлала кушанье не вкуснымъ.

А иногда у содержателей столовъ великолѣпныхъ. Тамъ находили мы глубокомысленныхъ политиковъ, молчаливыхъ ипохондриковъ, неутомимыхъ болтуновъ, старыхъ плутовъ, прiобыкшихъ бездѣльничать по мѣрѣ лѣтъ своихъ. . . Оттуда выходили мы не довольными и обѣдомъ и обѣдающими.

Чащежъ всего бывали мы за посредственными столами. Но и оттуда шумъ и брань не рѣдко насъ выгоняли.

Наконецъ отыскали мы практирщика, къ которому хаживали многіе молодые художники.

ГЛАВА 15.

Молодые художники.

Я не нашелъ въ свѣтѣ состоянія веселѣе художниковъ. Проказливы; какъ и всѣмъ ученикамъ по молодости свойственно; всегда замысловаты въ выдумкахъ отъ того, что проказы свои вымышляютъ въ своемъ собраніи всѣ за одно. Сверьхъ же того имѣютъ они предъ обыкновенными учениками то преимущество, что бываютъ нѣсколько постарѣе. Упражняясь въ трудахъ такого рода, которые требуютъ изобрѣтенія, умъ ихъ дѣлается чрезъ то способнѣе къ произве-

денію всего въ дѣйство. Они всегда съ стремленіемъ поспѣшаютъ въ свои мастерскія, надѣясь тамъ найти удовольствіе не раздѣльное съ ученіемъ. Домой возвращаются съ большею пріятностію для того, что веселое расположеніе умножается отъ сотоварищества съ другими, и сіи весельчаки всегда дѣлятъ между собою плоды удовольственнаго своего упражненія. Спорятъ безъ соперничества; чувствуютъ поревнованіе безъ зависти: всѣ силы свои напрягаютъ къ тому, чтобъ одному другаго превзойти въ искуствѣ; но безъ ухищренія и безъ дурацкихъ критикъ. Выдумываютъ иногда забавныя карикатуры, заступающія между ими мѣсто тѣхъ ѣдкихъ сатиръ, которыя оклеветавъ того, на кого цѣлятъ, изображаютъ въ Авторѣ увядшее сердце и занимаютъ нѣ-

сколько времени однихъ только подобныхъ себѣ злоязычниковъ.

ГЛАВА 16.

Шарлатаны.

Едва успѣлъ я узнать сіе выгодное состояніе молодыхъ людей, какъ принужденнымъ нашелся потерять его изъ виду; другъ мой отозванъ былъ въ другую Провинцію весьма зажиточнымъ дядею, отъ котораго не получалъ онъ никогда ни малѣйшей помощи, и которой чувствуя приближающуюся свою кончину, не имѣя иныхъ наслѣдниковъ, и не могши утащить за собою въ гробъ своего имѣнія, хотѣлъ по крайней мѣрѣ показать видъ, что оставляетъ оное ему изъ доброй воли.

„Видишь ли ты, сказалъ онъ „мнѣ, получа сіе извѣстіе, что „и дядя мой такой же шарла„танъ.„

Сіе замѣчаніе служило продолженіемъ къ прежнимъ его замѣчаніямъ.

Я засталъ его смотрящаго на Ташенъ-Шпилера, которой послѣ хитрыхъ своихъ штукъ продавалъ универсальное лѣкарство, могущее, по словамъ его, предохранять отъ самой смерти. . . . „Какъ! ты занимаешся „Шарлатаномъ!„ — Этотъ че„ловѣкъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, тѣмъ „только виноватъ, что онъ пу„стяки свои болтаетъ на ули„цѣ, а не въ великолѣпныхъ по„кояхъ, и тѣмъ, что увѣряетъ „людей о дѣйствіи своего лѣкар„ства, будучи въ простыхъ баш„макахъ, а не съ красными ко„блуками. Взгляни на раздава-

„емые имъ печатные листочки.
„Я тотчасъ тебѣ покажу имъ
„дружки.„ . . . Онъ вытащилъ
изъ своего кармана весьма пространное предначертаніе о издаваемомъ сочиненіи, содержащее величайшія обѣщанія, изъ коихъ ни одно не было исполнено.„ И
„такъ видишь ты, примолвилъ
„онъ, что во всѣхъ состояніяхъ
„есть Шарлатаны. *Писатели*
„*Шарлатаны* безславятъ уче-
„ность, этотъ даръ небесъ, для
„благоденствія людей ниспослан-
„ной; безславятъ и свой вѣкъ,
„естьли потомство будетъ су-
„дить о вкусѣ онаго по безха-
„рактернымъ, и на обѣ ноги хро-
„мающимъ сочиненіямъ ихъ. Въ
„литтературѣ столькожъ изуро-
„дованныхъ образцевъ, какъ и въ
„живописи. Кто не видалъ съ пре-
„восходныхъ картинъ Рафаеля и
„Рубенса кистію малера напач-

„канныхъ копій! Кто не читалъ
„искаженныхъ образцевъ Пинда-
„ра и Горація тѣми Стихотвор-
„цами, которые, продираясь въ
„храмъ безсмертія, всѣхъ попа-
„дающихся имъ на дорогѣ бьютъ,
„толкаютъ и бранятъ, и кото-
„рые силятся доказать свои
„права на оное кучею намаранной
„бумаги! Естьли первые томы
„сочиненія худо расходятся, и
„естьли никто не обращаетъ
„вниманія на многоплодную по-
„средственность оныхъ; а остро-
„желчный авторъ хочетъ, во
„что бы то ни стало, чтобъ
„его читали; то обнаруживъ при
„первомъ случаѣ всеобъятную уче-
„ность свою съ искуствомъ куп-
„ца, раскладывающаго въ лавкѣ
„свои товары, начинаетъ безъ
„разбору всѣхъ ругать — и вдругъ
„число пренумерантовъ его при-
„ращается. При всеобщемъ не-

„годованіи за безстыдныя руга-
„тельства шарлатански увѣ-
„ряетъ онъ, что любя человѣче-
„ство, караетъ тѣхъ, которые
„не удивляются уму его, и что
„вѣкъ, въ которомъ онъ живетъ,
„не созрѣлъ еще, а по тому и
„не можетъ чувствовать спѣло-
„сти его совершенствъ. Вотъ
„отъ чего современники такихъ
„тяжеловѣсныхъ авторовъ пред-
„почитаютъ иныя *бездѣлки* дѣль-
„нымъ безъ цѣли и острымъ
„безъ вкуса сочиненіямъ. Вотъ
„отъ чего чувствованіемъ и про-
„ницательностію оживотворен-
„ныя выраженія сами собою врѣ-
„зываются въ сердца и у всѣхъ
„наизусть; шарлатанъ же какъ
„ни барабанитъ громкими и ста-
„розвучными своими словами, но
„оныя вязнутъ лишь въ ушахъ.„

„Взгляни на это множество
„каретъ, занимающихъ цѣлую

„улицу. Тутъ живетъ Графъ N; „у него сего дня читаютъ новую піесу сочиненія Г. . . ., которую скоро представлять будутъ на театрѣ. Графъ выдаетъ себя за Мецената, и авторъ заранѣе увѣренъ, что „при всякомъ словѣ станутъ апплодировать. Потому что слушая въ здѣшнемъ домѣ сію піесу, всѣ по должности станутъ непремѣнно удивляться „ей; а самолюбіе требуетъ, чтобъ „вещь, хороша она, или дурна; „но однажды похваленная, особливожъ знатнымъ Господиномъ; „поддерживаема была навсегда.... „Я думаю, что Г.... такой же „шарлатанъ, какъ и прочіе.

„Говоря о театральныхъ сочиненіяхъ, смѣло можно сказать, что великое множество „найдешь такихъ, которыхъ и „предметъ состоитъ въ одномъ

„только шарлатанствѣ, и кото-
„рыхъ успѣхъ въ представленіи
„составляютъ однѣ декораціи.
„Когда выведенъ былъ на театръ
„*глухой* и *слѣпой*: *ахъ! какъ это*
„*прекрасно*! произнесъ тотъ, ко-
„торой ничего не могъ слышать.
„*Ахъ! какъ это глупо*! сказалъ
„тотъ, которой лишь слышалъ,
„но не могъ ничего видѣть.
„Превосходные образцы, ос-
„тавленные намъ Корнелемъ и
„Расиномъ, сдѣлались для рабо-
„лѣпныхъ подражателей то же,
„что и выкройки для портныхъ.
„Привыкши снаровлять по оной
„ходъ дѣйствія, единствы и
„катастрофъ въ своихъ траге-
„діяхъ, грозно вопіютъ они про-
„тивъ тѣхъ, которые осмѣли-
„ваются проложить себѣ новую
„дорогу, и доказываютъ, что
„трагедія не терпитъ на себѣ
„никакого другаго покроя. Имъ

„нѣтъ нужды до того, что сіе, по
„ихъ мнѣнію, единственное об-
„лаченіе не можетъ впору быть
„великану и Пигмею, толстяку
„въ два обхвата и скелету. Чѣмъ
„можно доказать, что лучше зѣ-
„вать по Аристотелевымъ пра-
„виламъ, нежели по другимъ ка-
„кимъ! Одну изъ новѣйшихъ
„піесъ сговаривались освистать
„за то только, что дѣйствую-
„щія лица лакомились на теат-
„рѣ мороженымъ, пили чай и
„кофе — и справедливо — по-
„тому что Аристотель нигдѣ
„не упомянулъ ни объ мороже-
„номъ, ни о чаѣ. ... Люди очень
„часто основываютъ свое мнѣніе
„и поступки на подобныхъ сему
„лживыхъ причинахъ.... На при-
„мѣръ, это письмо отъ моего дя-
„ди. .,. Не думаешь ли, что оно
„служитъ знакомъ любви его ко
„мнѣ? Ничего не бывало: это

„расчетъ. Онъ желаетъ лучше „имѣть при себѣ племянника, „которой дѣйствительно будетъ „стараться о сбереженіи здо„ровья его и имѣнія, нежели чу„жихъ призорщиковъ, которые „разорятъ его. Не заслуживъ ни „отъ кого любви, онъ хочетъ, „чтобъ по крайней мѣрѣ было „кому пожалѣть объ немъ, ког„да онъ умретъ. Чтожъ касает„ся до меня, то я можетъ быть „ничего чрезъ это наслѣдство „не выиграю, по тому что и „теперь доволенъ своимъ состо„яніемъ; однакожъ долженъ ис„пытать и другое.

„Но лучшее бываетъ иногда „хуже посредственнаго. . . .„

Онъ прорекъ себѣ это. Наслѣдство, доставшееся ему послѣ дяди, вовлекло его въ безконечныя тяжбы, которыя совсѣмъ переиначали нравъ его.

Я продолжалъ переписывать поучительныя сочиненія Г. Агатографа. И когда препровождалъ день съ молодымъ моимъ автором, то удѣлялъ на то часть ночи; но какъ скоро онъ уѣхалъ, то я принялся за работу мою съ большимъ прилѣжаніемъ, и трудясь такимъ образомъ, жилъ въ такой посредственности, что даже состояніемъ своимъ былъ доволенъ; но вдругъ мать *Простодушина* занемогла. Милости ея ко мнѣ, свойственныя родной только матери, заставили и меня съ своей стороны оказывать ей всю горячность настоящаго сына. Устинья вспомоществовала мнѣ въ томъ по своей возможности: но крестная ея мать зная, что она сдѣлается больнѣе ея, естьли по обыкновенію своему не будетъ ходить съ двора, упросила ее, чтобъ она попече-

нія свои оказывала по утру только и въ вечеру. Сіе самое заставило меня переписываніе свое отмѣнить, и скоро поссорило съ проповѣдователемъ благотворенія; ибо ему мало было нужды до старухиной болѣзни. Онъ досадовалъ, для чего нераченіемъ моимъ замедлилось тисненіе его твореній.

ГЛАВА 17.

Благотворителной священникъ.

Добрая моя мать начала мало по малу оправляться, чему я очень радовался; но непродолженіе ея работы и остановленіе моей, скоро привели насъ въ крайность. У насъ оставался уже послѣдній хлѣбъ, какъ въ тотъ самой вечеръ вошла къ намъ Устинья вмѣстѣ съ какимъ-то священникомъ. Разо-

дранное рубище его изображало нищету, но при всемъ томъ видъ его заставлялъ имѣть къ нему почтеніе.

Лишь только мать *Простодушина* его увидѣла, то вскричала: ... „Ахъ, Боже мой! это „нашъ старой викарій, Г. Францирь! Они обнялись весьма дру„желюбно.... Какимъ случаемъ, „и по какому щастію я вижу „тебя здѣсь? Къ стати, можно „ли тебя поздравить? вить ты „определенъ въ наше село насто„ящимъ священникомъ. — Былъ „определенъ, добрая старушка, а „теперь безъ мѣста и безъ пропи„танія, отвѣчалъ священникъ. — „Какимъ же это образомъ? — „Приходъ мой понадобился дру„гому, инаго дѣлать было нече„го, какъ уступить. Не хотѣли „даже оставить меня и по преж„нему викаріемъ; я принужденъ

„былъ разстаться съ честными
„моими прихожанами, которыхъ
„я любилъ какъ дѣтей своихъ....„
При семъ слеза оросила его вѣко.
Мать *Простодушина* взяла платокъ и отерла ее.... „Имъ должно плакать: по тому что они
„потеряли настоящаго въ тебѣ
„отца. Чтожъ ты теперь дѣ-
„лаешь? — Прошу, чтобъ дали
„другое мѣсто, по тому что
„мнѣ не по міружъ ходить; ты
„знаешь мой нажитокъ. — Какъ
„можно было тебѣ что нибудь
„скопить? все, что ты ни имѣлъ,
„дѣлилъ всегда съ деревенскими
„бѣдняками своего прихода. Да оп-
„редѣлилиль тебѣ хоть какое ни-
„будь жалованье? — Ничего, до-
„брая моя *Простодушина*, совсѣмъ
„ничего; и естьлибъ я не имѣлъ
„надежды на благость Провидѣ-
„нія, то бы мнѣ надлежало уме-
„реть съ голоду. — Всемилости-

„вый Боже! что я слышу? на
„ту бѣду и я теперь. . . но это
„не мѣшаетъ. Раздѣлимъ послѣд-
„нее, что у меня осталось. Зав-
„тра я примусь за работу, и
„Богъ намъ поможетъ.„ Говоря
такимъ образомъ, она принесла
свой хлѣбъ. . . . „Я тебя побога-
„тѣе, сказалъ благотворитель-
„ной священникъ, такъ мнѣ и
„должно подѣлиться съ тобою.
„Вотъ четыре ливра и двенат-
„цать сольдовъ, которыя у меня
„остались; употребимъ ихъ въ
„пользу, и предоставимъ Прови-
„дѣнію имѣть объ насъ попече-
„ніе. — Нѣтъ, благодѣтельной
„мой пастырь, я на это не со-
„глашусь. — Какъ! развѣ другъ
„мой *Простодушина* болѣе меня
„не любитъ! — Охъ! Боже мой!
„совсѣмъ напротивъ. — Такъ до-
„кажишь мнѣ, любезная, возьми...„
Болѣе противиться не возможно

было; и сіи четыре ливра двенатцать сольдовъ, присоединенныя къ тому доходу, которой получалъ онъ иногда за обѣдни, послужили немалою для насъ помощію на цѣлые двенатцать дней.

По прошествіи нѣкотораго времени, и тогда, какъ мы всего менѣе ожидали, получено было отъ него письмо, въ которомъ писалъ онъ, что поспѣшаетъ увѣдомить насъ о своемъ отъѣздѣ въ деревню, которой не болѣе двухъ дней продолжится; куда отправлялся онъ съ нѣкоторою надеждою, и увѣщевалъ насъ не отчаяваться, ободряя тѣмъ, что Провидѣніе покровительствуетъ его во всѣхъ предпріятіяхъ. Къ увѣщательному тому письму присовокупилъ онъ и полученныя имъ въ тотъ день за обѣдню деньги.

Присланная имѣ малость вскорѣ была истрачена; доброй нашѣ священникѣ пробылѣ вѣ деревнѣ гораздо долѣе, нежели какѣ насѣ обнадеживалѣ. Здоровье благотворительной моей матери не позволяло ей приняться за самопрялку, такѣ какѣ она предполагала; у Устиньи не было никакой работы на продажу — и мы — снова дошли до такой нищеты, что вся надежда наша осталась на Бернардовы часы.

ГЛАВА 18.

Двѣ встрѣчи.

Только тогда отчаяніе мною овладѣло. Мнѣ легче было кровь свою пролить, нежели разстаться сѣ сими драгоцѣнными часами. Между тѣмѣ мать моя *Про-*

стодушина, при продолжавшейся еще ея болѣзни, терпѣла во всемъ нужду. Равному подвержена была жребію и Устинья.... Да и самъ я чувствовалъ одолѣвающій меня голодъ.... Сообразя все то, пошелъ я съ двора, чтобъ на свободѣ подумать хорошенько и на что нибудь рѣшиться. Ходя по улицамъ, пришелъ я безъ всякаго намѣренія къ деревьямъ, окружающимъ дворецъ. Изъ задумчивости моей выведенъ я былъ стукомъ, происходящимъ отъ двухъ часовыхъ цѣпочекъ, увѣшенныхъ фарафорками. Въ молодомъ человѣкѣ, которой тѣмъ щеголялъ, узналъ я одного изъ старыхъ школьныхъ моихъ товарищей. Движеніе, отъ свычки происходящее, побудило меня тотъ же часъ снять предъ нимъ шляпу. „Кто „это тебѣ кланяется?„ спросила

бывшая съ нимъ Госпожа. Отвѣтъ на сей вопросъ былъ слѣдующій: „ право совсѣмъ не знаю.„ И соотвѣтствіе на поклонъ мой состояло нанесеніемъ только руки на шляпу, сопровожденное пожатіемъ плечь. Онъ присовокупилъ къ тому какой-то взглядъ, означающій весьма явственно: „Мы могли быть нѣкогда товарищами, но тому уже прошло „болѣе двухъ лѣтъ; а съ тѣхъ „поръ обстоятельства наши со„всѣмъ перемѣнились.„

И это была сущая правда. Сей самой молодой человѣкъ былъ изъ числа тѣхъ, для коихъ родственники при воспитаніи не щадятъ ничего; прежде онъ при многихъ случаяхъ раздѣлялъ со мною свой кошелекъ. Но у него была прекрасная сестрица щеголиха, и спѣсивая матушка.

„Когда я пою и потѣваю,
„То все на свѣтѣ забываю!„

Это пѣли двое служивыхъ, уволенные изъ полку въ домовой отпускъ. Котомки имѣвъ за плечами, а сабли подъ пазухой, шли и пѣли они веселую эту пѣсенку.

Одинъ изъ нихъ остановился, и вглядясь въ меня хорошенько, съ стремленіемъ кинулся въ мои объятія: „ахъ! это „Бланзай!„ Какъ велико было мое удивленіе, когда я узналъ въ семъ человѣкѣ добродѣтельнаго Бернарда!

Чувства наши всегда оживляются и испытываютъ сладостное удовольствіе при встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго великодушіе извѣдано собственнымъ опытомъ. Въ тогдашнемъ моемъ бѣднѣйшемъ положеніи удрученное печалію сердце еще

болѣе къ тому способно было. Я дѣйствительно нашедъ такъ нечаянно моего благотворителя, былъ въ такой приведенъ восторгъ, что легче его вообразить, нежели описать. Прижалъ Бернарда къ моей груди, и чуть не удушилъ его своимъ обниманьемъ. Зачалъ-было говорить, но словъ не нашлось. Сталъ на него смотрѣть, но источники слезъ и въ томъ мнѣ возпрепятствовали. Я вынялъ его часы, приближилъ ихъ къ моему сердцу, и по нѣкоторомъ молчаніи произнесъ слѣдующее:... „Три дни „терплю я во всемъ нужду, и мо-„жно сказать, совершенную край-„ность; но не могъ рѣшиться съ „ними разстаться, и сохранилъ „ихъ. — Я надѣюсь, что вынялъ ты „ихъ не для того, чтобъ отдать „мнѣ, съ живостію произнесъ „Бернардъ. — Я неимѣлъ эта-

„го намѣренія, отвѣчалъ я ему, „и вмѣсто того, чтобъ ихъ лишиться, преодолѣвалъ всѣ нужды, считая всегда за первую „необходимость ихъ сберечь.„

Бернардъ снова бросился въ мои объятія.

ГЛАВА 19.

Размолвка.

„Гей, братъ! вскричалъ его товарищь, что это! любовницу „что ли ты свою нашолъ въ мужскомъ нарядѣ? Правду сказать, она не великая щеголиха. Амазонка твоя очень худо содержана. — *Неспускаловъ!* (*) „сказалъ Бернардъ, ты опять „начинаешь глупости свои бол-

(*) Характерное названіе, товарищу Бернардову сочинителемъ данное, заставило и переводчика порусски обрисовать его.

„тать? ты всегда таковъ, какъ
„напьешься. — А! а! присержи-
„ваешься! знать я угадалъ. Не
„уже ли его милость дѣвушка?
„да по мнѣ все равно. Ха! ха!
„ха! ... Сказать ли тебѣ, что
„съ тѣхъ поръ, какъ въ Сансу-
„си весь полкъ нашего сержанта
„считалъ за мущину, съ какимъ
„пригоженькимъ молодчикомъ я
„ни повстрѣчаюсь, то все мнѣ ка-
„жется, будто женщина въ муж-
„скомъ платьѣ. Ну, братъ, ска-
„зывай правду, что это такое? —
„Я не стану тебѣ отвѣчать,
„сказалъ ему Бернардъ; чадъ отъ
„вина въ твоей головѣ помѣша-
„етъ тебѣ разумѣть меня.

„Что ты мелишь? отъ ка-
„кого вина? какъ тебѣ мнѣ не
„отвѣчать! можно ли эдакому
„мальчишкѣ!... молокососу!...

Не успѣлъ онъ договорить по-
слѣдняго слова, какъ шпаги съ

обѣихъ сторонъ были обнажены, и я едва могъ усмотрѣть, что *Неспускаловъ* уже раненъ былъ по рукѣ.

ГЛАВА 20.

Мировая.

„Что!... будетъ ли съ тебя? — „А съ тебя? Я зачалъ для то„го только, что тебѣ этаго хо„тѣлось. — Мнѣ все равно, но я на „своемъ поставилъ. Обоймемсяжъ „и пойдемъ мириться. Веди съ „собой и своего пріятеля; что „мнѣ нужды, самецъ онъ, или „самка, мое дѣло васъ подчивать.

„Я согласенъ, только смо„три, будь воздерженъ.

„Божусь тебѣ, что больше „не выпью, какъ полкружки, пой„демъ же.„

Я столько дивился всему тому, что видѣлъ и слышалъ, что и пересказать не возможно. Скоропостижность, съ какою началась между ими ссора, драка, а по томъ миръ, все сіе такъ для меня было ново, и казалось столь чрезвычайно, что я стоялъ какъ вкопаной, думая, не во снѣ ли мнѣ это снилось.

„Ступай, братъ товарищь, „сказалъ мнѣ *Неспускаловъ*. Ну, „что ты такъ осовѣлъ? Я какъ „подопью, то всегда собака собакою; а сердцемъ не лихъ. „Спроси хоть у Бернарда; вотъ „уже въ шестой разъ онъ меня „ранитъ, и я всегда былъ предъ „нимъ виноватъ. Ну чтожъ дѣлать, коли у меня такой обы„чай . . .„ — Разговаривая такимъ образомъ, мы были уже въ трактирѣ. Бернардъ потребовалъ водки, чтобъ примочить

руку у *Неспускалова*, которой соблазнившись запахомъ, непремѣнно хотѣлъ ее отвѣдать: то отдергивалъ онъ компресъ, то вырывалъ стаканъ; но наконецъ рану ему перевязали. Онъ долго на нее посматривая и понюхивая, сказалъ: „Чортъ меня возь„ми! естьлибъ эдакая причина „случилась со мною при опредѣ„леніи моемъ въ полкъ, то не „прозвали бы меня *Неспускало„вымъ*; потому что я теперь „попустилъ мерзкой тряпкѣ на„сосаться такого прекраснаго „напитка.„

Подали намъ ѣсть. Тутъ разсказалъ мнѣ Бернардъ, какъ по выходѣ изъ училища онъ записался въ службу, и что дружба его товарищей и благосклонное обхожденіе командировъ дѣлали участь его пріятною....

„Это сущая правда, произ-
„несъ *Неспускаловъ*; онъ не ищетъ
„ни чьего знакомства, а всякой
„съ нимъ хочетъ знаться. Онъ
„рубится не сердясь; и это
„для него такая безделка, какъ
„шляпу снять да поклониться;
„пьетъ порядочно, а до пьяна
„не напивается; денегъ выигры-
„ваетъ столько, что у него ихъ
„какъ у откупщика. Полкъ нашъ
„квартируетъ въ маленькомъ го-
„родкѣ въ Шампаніи, гдѣ всѣ
„дуракъ на дуракѣ; да подавай-
„ка намъ и умницъ-то, мы бы
„и ихъ прибрали къ рукамъ; пра-
„вда, съ первыми-то ладить по-
„сходнѣе. Онъ ихъ учитъ Латы-
„ни, Остографіи, Іерографіи,...
„всего и не упомнишь, чему онъ
„ихъ учитъ. Но *по мнѣ все равно*.
„Ему столько приходитъ въ день
„золотыхъ кругляковъ сколько я

„пиваю бутылокъ вина. . . . За „твое здоровье, товарищъ! „

Бернардъ просилъ меня разсказать ему мою повѣсть. Не успѣлъ я начать того, съ какимъ жестокосердіемъ поступили со мною монахи, выгнавъ меня изъ монастыря, какъ *Неспускаловъ* прервалъ повѣствованіе мое своими восклицаніями: . . . „Проклятые трапишники!. . . вскричалъ „онъ, развѣ не стоятъ нашему „полку у нихъ въ монастырѣ! „я бы управился съ этими при„служниками святаго Игнатія!„

Какъ дошло дѣло до проповѣдника, тутъ не выдержалъ онъ: „И ты не сказалъ этому попа„скному, что онъ. . . . Не мѣшай ему говорить, произнесъ Бернардъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ не перебивалъ меня до встрѣчи моей съ *Простодушиною*. . . . „Это „честно, право честно; гдѣ эта

„*Простоквашина*? дай мнѣ ее обнять. То-то бравая старуха!„ Но какъ скоро упомянулъ я о Бернардовыхъ часахъ, то *Неспускаловъ* тотъ часъ протянулся чрезъ столъ и началъ обнимать насъ: „тьфу къ чорту! „дружища, я зналъ, что у тебя „доброе сердце, а этимъ честнымъ дѣломъ ты заполонилъ „меня. Слушайка, Бернардъ, кабы „у тебя была бабушка, то бы право я сказалъ, что ты внукъ *Про*„*стоквашиной*. Ваши оба сердца „изъ одной формы вылиты. Жаль, „что такихъ формъ нынѣ мало; „но по мнѣ все равно. Выпьемъ„ка за твое здоровье, и за ея.... „Ахти! братъ! да ужъ въ кружкѣ-то и нѣтъ ничего. — Ну „такъ изъ нее ты болѣе и не „будешь наливать. — Хоть пол„стаканчика за твое здоровье... — „Ни капли. — Чтожъ, братъ,

„такъ разхорохорился? не уже
„ли все дѣлать по твоему! Какъ
„я тебя ни люблю, а въ этомъ
„не послушаюсь.

ГЛАВА 21.

Новое Бернардово благодѣянїе.

Наконецъ я досказалъ мою исторїю. Изображенїе, въ какой нуждѣ провелъ я три остальные дня, тронуло доброе сердце честнаго Бернарда. Онъ взявъ меня за руку и пожимая оную, посматривалъ съ видомъ испрашивающимъ у меня милости, опасаясь, чтобъ я въ ней не отказалъ ему.
„Любезной другъ! дражайшей
„товарищъ! ты слышалъ, что я
„наигралъ не мало денегъ... и у
„меня ихъ поистиннѣ болѣе, не-
„жели сколько мнѣ надобно на
„мои издержки.... — Доброе дѣ-

„ло. Очень хорошо! сказалъ *Не-*
„*спускаловъ*. . . . Какъ! (поглядя
„на меня) какъ! . . . Не уже ли
„ты не соглашаешься? . . . Ду-
„ша изъ меня вонъ, естьли ты
„откажешься принять! ... Слу-
„шай, братъ! съ такими людь-
„ми, каковъ Бернардъ, спорить
„не годится.„ У Бернарда въ ру-
кахъ былъ кошелекъ. *Неспуска-*
ловъ его вырвалъ. ... „Товарищь
„какъ же ты хочешь раздѣлить
„его? — Пополамъ, отвѣчалъ
„онъ. — По крайности молвилъ я,
„умѣрьте ваше одолженіе. — По-
„молчи, мальчикъ. Какъ Бер-
„нардъ сказалъ, такъ тому и
„быть. Развѣ позабылъ ты про
„нашихъ гарнизонныхъ, кото-
„рые у него вмѣсто дойныхъ
„коровъ? притомъ вить онъ и
„одинъ; а у тебя на шеи Ус-
„тинья, да добрая твоя стару-
„ха. . . . Слушайка, я себя уже

„бранью, что мы тебя долго здѣсь „задержали. Бѣги скорѣй и утѣшь „ихъ, а послѣ приди съ нами „опять повидаться. . . . Да вотъ „бѣда, я еще не знаю, гдѣ на„ша будетъ квартира. Но по „мнѣ все равно. Завтра въ этомъ „же часу явись здѣсь. Я опять „васъ буду подчивать. Ну! дѣ„ло слажено. Прощай братъ.„

Онъ далъ мнѣ только время, чтобъ обнять Бернарда, и схвативъ меня за руку рванулъ ее столь сильно, что чуть и самъ не полетѣлъ вверьхъ ногами; послѣ чего безъ всякихъ обиняковъ, вытолкалъ меня за двери. . . . „До „свиданья, братъ! да не забудь „сказать своей *Простоквашиной*, „что *Неспускаловъ* любитъ ее „отъ всего сердца.„

Съ прискорбіемъ разстался я съ Бернардомъ; но оставя его тотъ часъ очутился у благо-

творительной моей матери. Я забѣжалъ купить большой хлѣбъ и вина. Принесши сіе, я сказалъ . . . „Это Бернардъ! . . . „Я съ нимъ встрѣтился! ми-„лая моя! добродѣтельная моя „матушка! кушай больше. . . - „Нѣтъ, нѣтъ, лучше пома-„леньку. Остерегайся, чтобъ „не здѣлалось тебѣ вреда. . . . „запѣй поскорѣй. А ты чтожъ, „Устинья! . . . . „

Они обѣ сидѣли на стульяхъ своихъ неподвижно, держа въ рукахъ каждая по стакану.

Какъ скоро они пришли въ себя, и я, собравшись съ духомъ, въ состояніи былъ расказать имъ случившееся со мною, то объяснилъ все по порядку. Мать *Простодушина* прерывала меня поминутно восклицаніями. „Боже мой! какой доброй ма-„лой! . . . Премилое сердце! . .

„ этотъ любезной Бернардъ! . . .
„ какъ желала бы я его видѣть
„ въ моихъ объятіяхъ! . . . О! ни-
„ когда не будетъ онъ забытъ
„ въ моихъ молитвахъ! . . . Я
„ стану просить Господа, чтобъ
„ Бернардъ ни съ кѣмъ болѣе не
„ дрался . . . эти служивые . . .
„ какіе они сердитые! . . . И
„ этотъ доброй *Неспускаловъ*. . .
„ Не ужели у него руки под-
„ нялись на Бернарда! . . . Я не
„ знаю право, какъ Богъ тер-
„ питъ, что есть на бѣломъ свѣ-
„ тѣ солдаты, да пьяницы. . . .
„ всему проклятое вино причи-
„ ною! . . . „

Добрая моя *Простодушина* приговаривалась къ вину для того, что послѣ столь продолжительнаго сухоядѣнія выпила и сама чарку. При семъ вспомнила она и благотворительнаго священника Францира; мы жалѣли,

что его на тотъ разъ не было, чтобъ раздѣлить съ нимъ посланное намъ отъ Бога. — Онъ явился на другой день на разсвѣтѣ, и взошелъ къ намъ очень веселъ: „вотъ, друзья мои! не „правду ли я говорилъ, что Богъ „о всѣхъ попеченіе имѣетъ? я „опредѣленъ на нѣсколько мѣсяцовъ къ церкви въ одно село. „Въ счетъ опредѣленнаго мнѣ „жалованья потребовалъ я нѣсколько и пришелъ раздѣлить „эту малость съ вами.„

Проговоря сіе, онъ вынялъ два ефимка; но какъ я показалъ ему нашу провизію и деньги, которыми надѣлилъ меня Бернардъ, то сей доброй священникъ неменѣе здѣлалъ восклицаній, какъ и мать *Простодушина*, и ему также, какъ и ей очень хотѣлось познакомиться съ Бернардомъ; но онъ долженъ

былъ возвратиться безъ замедленія въ то мѣсто, откуда отлучился только для того, чтобъ доставить намъ свои два ефимка. Сей честнѣйшій человѣкъ шелъ къ намъ всю ночь въ пресильной дождь. Поспѣшность, съ какою старался онъ оказать намъ благодѣяніе, заставила его пренебречь дальность разстоянія и всѣ безпокойства.

ГЛАВА 22.

Бабка.

После обѣда на другой день я съ точностію пришелъ на назначенное *Неспускаловымъ* мѣсто и нашелъ его тамъ съ рюмкою въ рукахъ. Бернарда мы поджидали, и начинали уже безпокоиться, что онъ долго не идетъ, какъ вдругъ появился онъ запы-

хавшись и приносилъ въ оправданіе своего замедлѣнія то, что онъ отыскалъ родную свою бабушку. . . . „Расказывай, Братъ, „другимъ эти пустяки, произнесъ *Неспускаловъ*, вотъ-те на! „придрался къ тому, что я вчерась молвилъ, да теперь пыль „и пускаетъ въ глаза. Не уже ли „бабка-то твоя на дорогѣ тебя и „дожидалась? И не уже ли у тебя „на лбу написано, что ты ее „внукъ, а не чей другой?„

„Не на лбу, отвѣчалъ Бернардъ; но эти три за ухомъ „пятна. . . . И это еще родимое „пятно на груди. Выслушайте „меня. Вошедъ въ табашную лавку, я увидѣлъ тамъ старуху. „Поглядя на нее хорошенько, „нашелъ въ ея видѣ нѣчто достойное почитанія и добродѣтель означающее. Я сталъ пристальнѣе въ нее вглядываться.

„И она также въ меня. Какъ „примѣтивъ у меня эти три пят„на, вдругъ произнесла: — *Смѣю „спросить, нѣтъ ли у васъ еще ка„кихъ знаковъ на тѣлѣ? — есть, „сударыня, на груди? — Точно „такъ. Родимое пятно?... Са„мое то.... О! Боже милостивой! „возможно ли это! естьли у васъ „родственники? — Ахъ! суда„рыня, я лишился ихъ еще въ „ребячествѣ, и помню только то, „что домъ, гдѣ мы жили, зго„рѣлъ; но какъ меня вытащили „оттуда, мнѣ не извѣстно, одна„кожъ знаю, что чрезъ нѣсколько „мѣсяцовъ спустя, незнакомой че„ловѣкъ, которой спасъ мнѣ жизнь, „отдалъ меня въ училище, гдѣ „послѣ не имѣлъ я объ немъ ника„коваго извѣстія.*

Я не досказалъ еще всего, какъ она уже неоднократно обнявъ меня, называла своимъ внукомъ.

„Ну право знаешь ли, сказалъ *Неспускаловъ*, что я начинаю тебѣ вѣрить! да чтожъ „ты ее къ намъ не привелъ? Я, „братъ! этимъ обижаюсь, по тому что я. . . . но по мнѣ все „равно. Да кудыжъ ты дѣвалъ „нововыпечатанную свою бабушку? Пойдемъ посмотримъ на нее.

„Я ее оставилъ подлѣ церкви, куды она пошла, чтобъ возблагодарить Небо за то, что „меня нашла.

„Вотъ кстати! это для „насъ поученіе. Воспользуемся „имъ. Наша братья служивые „такіе шалуны, что получая „милость Божію, не чувствуютъ „этаго и считаютъ будто этому такъ и быть должно было. „Друзья мои! допьемъ эту бутылку и пойдемъ въ церковь „помолиться; а потомъ проберемся полдничать къ Бернар-

„довой бабушкѣ. Дѣло ли я го-
„ворю; а! . . . Согласны ли вы? „
Вѣ то время, какѣ болталѣ все сіе *Неспускаловъ*, я сравнивалѣ слышанное отѣ Бернарда, сѣ тѣмѣ что нѣкогда разсказывала мнѣ мать *Простодушина* о участи своей семьи, и наконецѣ спросилѣ у Бернарда какѣ зовутѣ его бабку. . . . Какая была наша радость, когда я увѣдомился отѣ него, что сія почтеннѣйшая женщина была та самая, которой и я долженѣ сохраненіемѣ моей жизни! Смѣшно было смотрѣть тогда на *Неспускалова*, которой поглядывая на насѣ не могѣ сообразить, какѣ могли повстрѣчаться сѣ нами столь странные случай. . . .
„Чортѣ меня возьми! произнесѣ
„онѣ, естьлибѣ неувѣренѣ я былѣ,
„что вся моя родня во блажен-
„номѣ успѣніи, то не отчаявал-

„ся бы и я, что эта ваша „*Простодушина* доведется и мнѣ „какая нибудь тетушка. Вить „я вчерась еще говорилъ, что „Бернардъ стоитъ быть вну-„комъ этой бабушки. Пора! по-„ра намъ въ церковь.„ — И мы пошли.

ГЛАВА 23.

Молитва.

Неспускаловъ устоялъ въ словѣ — и мы дѣйствительно взошли въ перьвую Церковь. Тогдашней его неловкости, естьлибъ оная случилась въ другомъ мѣстѣ, поистиннѣ смѣяться бы надлежало.

Рукою зацѣпилъ онъ за кропильницу и опрокинувъ ее, вымочился; отъ чего приведенъ былъ въ смущеніе. Пьяному своему обличью старался онъ придать видъ постоянной трезво-

сти. Ему хотѣлось, чтобъ глаза его, совсѣмъ къ тому непріобыкшія, изъявляли сердечное сокрушеніе. Съ какимъ стремленіемъ бросился онъ на колѣни! Саблю свою швырнулъ онъ на полъ, шляпу положилъ на нее, и руки прижалъ къ груди.

„Всемилостивой Господи, произнесъ онъ въ полголоса; вѣдаю, что я такой негодяй, что „даже недостоинъ и молитву „мою возсылать къ Тебѣ.... Твоему долготерпѣнію и великой „Твоей милости обязанъ я, что „попускаешь Ты моему окаянству; но по мнѣ всѣ равно? „Не возпрети мнѣ теперь принести благодареніе мое за Твою „благость и за нисполаніе Бернарду щастія. . .

„Товарищь, сказалъ онъ оборотясь ко мнѣ. ... Нѣтъ ли у „тебя какого молитвенника? по-

„тому что у меня своего отъ „роду не бывало.„

По выходѣ изъ Церкви увидѣвъ кружку для престарѣлыхъ, положилъ въ нее всѣ деньги, которыя съ нимъ случились. Чему послѣдовали и мы. У дверей была старуха на костыляхъ и протянула передъ нимъ вывихнутую руку. „Поди къ священни„ку здѣшняго прихода, сказалъ „ей *Неспускаловъ*, мы всѣ деньги „положили въ кружку. . . . Ахъ! „отвѣчала она. . . . Какъ! что за „ахъ? вскричалъ онъ грозно. „Развѣ раздаютъ эти деньги не „по правдѣ? Естьлибъ я это „точно зналъ, то въ состоянiи „воротиться и крушку изковер„кать. . . . Лучше думать при„молвилъ я, что она рѣдко бы„ваетъ полна. . . . И подлинно „такъ. Но завтра я опять при-

„ду сюда и со мною будутъ день-
„ги; слышишь ли, голубушка?„

ГЛАВА 24.

*Служащая продолженіемъ къ дват-
цать второй.*

Безсиленъ я изобразить радость матери *Простодушиной*, какъ увидѣла она насъ пришедшихъ, и когда узнала, что ея внукъ былъ самой тотъ Бернардъ, которой столько меня облагодѣтельствовалъ. Переходя изъ его объятій въ мои, называла насъ обѣихъ своими дѣтьми.... „А я „чтожъ? сказалъ *Неспускаловъ*, „развѣ не буду во всемъ этомъ „имѣть никакого участія! Поди „матка, обойми меня, я и самъ „хочу быть вашимъ семьяни-„номъ. Я знаю, что тебѣ не ве-„лика отъ этаго будетъ на-

„ходка: но по мнѣ все равно. Я „желаю лучше быть прострѣ„ленъ насквозь тысячью пуль, „нежели стоять пѣшкой при „такихъ радостяхъ между чест„ными людьми!„ (При семъ выраженіи онъ изъ всей мочи ударилъ по столу своею саблею, отъ чего *Простодушина* задрожала:) „Ахъ! не погнѣвайся, „старушка, что я испугалъ те„бя. Право я клянусь любить „тебя какъ родной твой сынъ. „Обойми меня и скажи скорѣй, „гдѣ у васъ здѣсь лучшее вино „продаютъ.„

Какъ скоро сказали ему, то онъ съ поспѣшностію побѣжалъ туда и возвратился совсѣмъ нужнымъ для полдника. Уважая старуху, онъ былъ на тотъ разъ весьма воздерженъ, и разстался съ нами въ свѣжей памяти.

Въ вечеру Устинья возвратилась менѣе обыкновеннаго печальна. ... „Я ихъ обѣихъ видѣ„ла и во весь день.... А я оты„скалас воего внука.... Это самой „тотъ Бернардъ.... Онъ сей часъ „былъ здѣсь.„ При семъ разсказала все произшедшее. „Ахъ! съ „жаромъ произнесла Устинья, не „уже ли судьба одной только мнѣ „опредѣлила. ...„ Она бы наговорила можетъ и болѣе; но мое присудствіе причиною было, что не докончила словъ своихъ.... „Не „отчаявайся, любезная моя, сказала ей мать *Простодушина*. „Всегда должно возлагать упо„ваніе на благость Вышняго. Ты „сама видишь, что это слу„чается тогда, какъ всего мень„ше ожидаешь.„

ГЛАВА 25.

Юлія.

Услышавъ, что нѣкто постучался у дверей, она перервала разговоръ свой. Это была горнишная дѣвушка молодой особы, переѣхавшей въ тѣ комнаты, которыя занимала прежде богомолка. Юлія, такъ называлась Госпожа, участвовала въ состояніи нѣкотораго Командора по имяни Г. де Сермеля. Со всемъ тѣмъ однакожъ грѣшно бы было помѣстить ее на одномъ счету съ тѣми женщинами, которыя обыкковенно бываютъ на содержаніи.

Она осталась сиротою въ ребяческихъ лѣтахъ, нещастіе тронуло Г. де Серміоля и заставило его быть ей вмѣсто отца. Сей прекрасной цвѣтокъ разцвѣталъ въ его глазахъ. Над-

лежало быть чѣмъ нибудь болѣе, нежели стоикомъ, чтобъ воздержаться и не сорвать его; возложенной же имъ на себя обѣтъ не позволялъ ему жениться на ней.

Юлія, по свойственной ей чувствительности, имѣла благодарное сердце, и начитавшись нѣкоторыхъ сочиненій, приняла себѣ за правило, что обязана ощастливить того, которой былъ возстановителемъ ея щастія. Весьма естественно ей казалось участвовать въ его имуществѣ, потому что богатство перьвоначально доставило ему случай ее облагодѣтельствовать; что равнымъ образомъ исполнила бы и она съ своей стороны, когда бы была въ состояніи. Въ прочемъ самые благопристойные поступки, при множествѣ другихъ прекрасныхъ качествъ, удо-

стовѣряли каждаго, что не здѣлалась бы она ни въ какое время ни въ чемъ преступницею, естьлибъ могла хотя мало усумнится, что можетъ быть такою. Всякой, какъ бы мало ея ни зналъ, долженъ былъ подумать, что слабость ее произошла отъ обстоятельствъ и отъ прилѣпленія къ чтенію *мнимо-Философическихъ* твореній, которыя искореняя полезные предразсудки, часто замѣняютъ оные вредными заблужденіями, и которые рѣшительно утверждая опровержение первыхъ мнѣній, ежедневно совращаютъ съ истинной стези безчисленное множество людей, предназначенныхъ по хорошему расположенію ихъ сердца къ пути добродѣтельному. Но объ Юліи (что всегда почти бываетъ) всѣ судили по наружности, и посѣтившая ея

горнишная нашла насъ не весьма хорошо объ ней предупрежденными, даже до того, что мать *Простодушина* посѣщеніемъ ее обидилась и Устинья очень дичилась. Но потомъ откровенное обхожденіе служанки скоро расположило ихъ въ ея пользу.

Мать *Простодушина*, принимаясь за свой трудъ, давно уже перестала подкладывать въ четвероcложенную юпку подъ самопрялку, и происходящей отъ того стукъ безпокоилъ Юлію. Она послала ее попросить, чтобъ она работу свою прежде десяти часовъ утра неначинала; но какъ несправедливо бы было, чтобъ она отъ снисхожденія своего претерпѣла убытокъ, то и предложила за то плату, въ слѣдствіе чего Лиза (такъ звали горнишную) хотѣла тотъ часъ за мѣсяцъ впередъ запла-

тить въ пять разъ больше того, нежели что могла потерять мать *Простодушина* отъ начинанія работы своей позже обыкновеннаго. Но старуха откреклась лишнее при-нять, а взяла только то, сколькобы она могла отъ прогулу сего времяни лишиться.

Плата за то предложена была съ вѣжливостію совсѣмъ противоположною поступкамъ богомолки. Лиза имѣла видъ самой благопріятной, которой заставилъ тотъ часъ познакомиться съ нею, по мѣрѣ какъ старались прежде отъ этаго удаляться. — Попросили ее сѣсть, и она съ полчаса поговорила. Послѣ чего разстались съ нею лучшими друзьями. „Какъ жаль, говорила мать *Простодушина*, „что барышня этой дѣвушки „погибаетъ во грѣхѣ! но имѣвъ

„столь доброе сердце, она когда нибудь обратится къ покаянію. Услыши Господи мою молитву!„

Живучи въ одномъ домѣ часто встрѣчались домашнія мои съ Лизою; отъ чего и свели тѣсное знакомство, сперва съ нею а потомъ познакомились и съ ея Госпожею, которая простымъ и любви достойнымъ обхожденіемъ скоро предупредила насъ въ свою пользу, наконецъ и совершенную привязанность произвела.

Короткому сему знакомству сперва препятствіемъ были строгія правила матери *Простодушиной* и несходство состоянія; но въ обращеніи съ Юліею совсѣмъ забыть о томъ надлежало. Хотя она всегда одѣта была очень пышно и богато, украшалась дорогими каменьями, лен-

тами, перьями, однимъ словомъ всякими бездѣлками заставляюющими бѣднаго унижаться и удаляться; но при всемъ томъ она такъ была благосклонна, и столь отъ природы благонравна, что въ ней кромѣ ласковости ничего примѣтно не было.

Юлія такую получила довѣренность отъ матери *Простодушиной*, что она въ одно время. ... забывъ, какъ нѣкогда осердилась на нее богомолка, когда она упомянула ей, что причина Устиньиныхъ нещастій была любовь. . . . побуждаема будучи въ добавокъ къ тому и распрашиваніемъ Юліи, принимавшей въ томъ участіе, здѣлала ей сію довѣренность.

Любовь! ... бѣдная дѣвица! ... И съ этимъ словомъ тотчасъ пошла въ горницу къ матери *Простодушиной*, чтобъ увидѣть

Устиньюю.... Она собираясь тотЪ вечерЪ ѣхать на балЪ и одѣта будучи очень великолѣпно, не погнушалась посѣтить бѣднѣйшее наше жилище. Сѣла на стулЪ червями источенной, посадя подлѣ себя сЪ одной стороны добродушную старуху, а сЪ другой Устинью, обѣихЪ вЪ нищенскомЪ почти рубищѣ, держала ихЪ за руки, прижимала оныя кЪ сердцу, сострадала, утѣшала, ободряла, и была даже такЪ вѣжлива.... Вѣжлива сЪ бѣдными!.. О Юлія! вЪ тебѣ есть самая рѣдкая добродѣтель!... ТакЪ, она столько вѣжлива была, что не хотѣла даже приневолить Устинью, чтобЪ разказала ей свою исторію, которая и тѣмЪ уже огорчилась, что крестная ее мать сказала, что любовь была причиною ея нещастія.

На другой день, Юлія прислала къ намъ нѣсколько мебели и коверъ, и приказала Лизѣ, чтобъ отпускала изъ кухни Устиньѣ ту долю, которую она ежедневно брала съ собою для своего продовольствія.

ГЛАВА 26.

Рѣдко подражаемой поступокъ.

Юлія усматривала въ своемъ сердцѣ, что внушалъ ей Г. де Сермель; она не щитала то любовію; но начинала страсть сію познавать, и ощущать къ пригожему д'Арлевилю.

Сей молодой человѣкъ, выпущенной въ свѣтъ за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ, скоро свелъ знакомство съ молодыми вертопрахами, которые всѣми силами старались его развращать;

но не въ состояніи еще будучи совершенно испортить внутреннихъ его расположеній, коснулись только его наружности; и д'Арлевиль съ предоброю душею былъ уже на ряду съ тѣми порочными людьми, которые отъ всякаго благомыслящаго человѣка заслуживаютъ посмѣяніе. Онъ повстрѣчался съ Юліею на одномъ праздникѣ, которой давалъ Командоръ, помѣстилъ себя въ число ея обожателей, досаждалъ ей, какъ и прочіе волокиты, своими изъясненіями отъ безпутства невозпрещаемыми и пріемлемыми однимъ безумствомъ. Юлія не иначе принимала сіи изъясненія какъ шумъ отъ пустоты произходящей и въ воздухѣ теряющейся; однакожъ не смотря на д'Арлевилеву вѣтренность, замѣтила въ немъ честнаго, но обманывающагося

человѣка, которой желая подражать моднымъ обычаямъ, жертвовалъ тому всѣми ему отъ природы данными качествами. За симъ примѣчаніемъ послѣдовало желаніе спасти его отъ разставленныхъ ему сѣтей, въ которыя онъ могъ попасть; принимаемое въ немъ участіе становилось стремительнѣе по мѣрѣ того, какъ начала она познавать доброту его сердца. Д'Арлевиль съ своей стороны равномѣрно ощущалъ возрастающую страсть, которую Юлія поселила въ сердцѣ его при первой съ нею встрѣчѣ Изъ неутомимаго волокиты за прекрасною женщиною, здѣлался онъ послушникомъ любезнѣйшей путеводительницы, потомъ нѣжнымъ другомъ прелестнѣйшей разумницы, а наконецъ и страстнымъ ея любовникомъ. Онъ заплаченъ былъ за свою лю-

бовь взаимнымЪ сЪ ея стороны признаніемЪ. Юлія послѣ того, какЪ скоро увидѣлась сЪ Командоромъ, объявила ему, что она увлечена будучи непреодолимою страстію вЪ пользу другаго, не хочетЪ болѣе участвовать вЪ его благодѣяніяхЪ.

Д'Арлевиль не зналЪ о семЪ ея поступкѣ. По прошествіи уже нѣкотораго времени извѣстно ему о томЪ стало чрезЪ письмо, которое Юлія оставила для врученія ему, и о коемЪ увѣдомила она Лизу и меня....Обыкновенно влюбленные чѣмЪ менѣе имѣютЪ случаевЪ кЪ объясненію своей любви, тѣмЪ болѣе бываютЪ откровенны сЪ другими.

Не буду я повторять, какЪ д'Арлевиль изображалЪ свое удивленіе, неожидаемость свою и страсть. . . . Все то прервала Юлія своимЪ прибытіемЪ. Лишь

только она появилась, то и бросился онъ въ ея объятія, съ подобнымъ стремленіемъ обнимала и она его. — „Другъ мой сердечной! я свободна.... я твоя.... „и твоя на вѣки. Командоръ „признаніе мое принялъ по Фи„лософски; и теперь я властна „сама въ себѣ. Пусть послу„житъ доказательствомъ тому „и залогомъ этотъ поцѣлуй....„

Д'Арлевиль долго не могъ промолвить ни слова. Слезы.... сладчайшія слезы! текущія въ то время, какъ человѣкъ бываетъ упоенъ щастіемъ, одним были тогда изреченіемъ. — „О! „ты, наконецъ произнесъ онъ, „ты, которая для любящаго те„бя отвергаешь всѣ удовольствія „роскошью намъ доставляемыя! „ты, которая имѣешь духъ жерт„вовать всѣмъ моему благоден„ствію и любви... Рѣдкая жен-

„щина! пріими отъ меня клят-
„ву, что я посвящаю всѣ дни
„моей жизни для тебя; но поз-
„воль обожающему тебя пред-
„ложить... — Остановись, д'Ар-
„левиль, ты раздражишь меня,
„когда станешь далѣе продол-
„жать. Здѣланной мною посту-
„покъ назвала бы я неприлич-
„нымъ, естьлибъ не обдумала объ
„немъ хорошо, и сочла бы его
„недостойнымъ себя, естьлибъ
„могла чрезъ то довести тебя
„до самомалѣйшихъ издержекъ.
„Могу ли я лишить тебя мала-
„го твоего содержанія, которое
„получаешь ты отъ своихъ ро-
„дителей и котораго едва до-
„стаетъ для тебя собственно,
„и вовлечь тебя въ долги! Эти
„двѣ причины довольно важны,
„чтобъ заставить меня отвер-
„гнуть всякое съ твоей стороны
„мнѣ пособіе. Расчетъ мой здѣ-

„ланъ: разпродавъ мои вещи и „мебели, могу я жить не терпя недостатку; и мнѣ тѣмъ „еще удобнѣе это исполнить, „что я, въ силахъ будучи работать, трудами моими все до„ставать буду. При такихъ спо„собахъ содержаніе неприхотли„вой женщины недорогаго бу„детъ стоить. Я не сомнѣваюсь, „что ты, по любви своей ко „мнѣ, равно на меня смотрѣть „будешь, когда я наряжена бу„ду въ платье модной щеголихи, „или одѣта въ небогатой, но „опрятной нарядъ. При томъ „еще надѣюсь, что въ нарядѣ „означающемъ простоту, а не„смѣхотворную роскошь, дол„жна я казаться тебѣ любезнѣе. „Нѣтъ надобности имѣть въ „комнатахъ великолѣпное укра„шеніе, нужно только, чтобъ онѣ „были спокойны, и по мнѣнію

„моему гораздо лучше спать „подъ ситцовою занавѣскою, не„жели подъ штофными балда„хинами. Столъ мой, здѣлавшись „умереннѣе, будетъ для меня „здоровѣе. И я увѣрена, что „кушанье собственными моими „руками состряпанное предпо„чтешь ты пригоповленному луч„шимъ кухмистромъ.

ГЛАВА 27.

Добрая служанка.

„Вашими собственными рука„ми!... сказала Лиза... Не „прогнѣвайтесь, сударыня, это „будетъ моими. Г. д'Арлевиль „читалъ мнѣ ваше письмо, изъ „котораго видѣла я, что вы „разположены сослать меня; а „теперешнія ваши слова еще бо„лѣе меня въ томъ удостовѣря-

„ютъ: однакожъ я прошу васъ „исключить это изъ вашего плана; ибо я не намѣрена съ вами „разставаться ?„

„Благодарю тебя, любезная „Лиза, за твою ко мнѣ привер„женность; но состояніе мнѣ „того не позволяетъ. . . . — Чего? „Оставить меня при себѣ? а я „хочу доказать вамъ противное „тому на самомъ дѣлѣ. Вить „вы квартеры своей не перемѣ„ните? — Никакъ нѣтъ; она не „такъ дорога. . . . — По этому „вы не отымете у меня и моей „комнаты? — Нѣтъ, конечно „нѣтъ. — Такъ я болѣе отъ васъ „ничего и не требую. Время уеди„ненной нашей жизни буду я пре„провождать въ шитьѣ; этотъ „трудъ замѣнитъ мнѣ мое жа„лованье. — Нѣтъ, Лиза. . . . — „Нѣтъ, сударыня, вы знаете, „какъ я упряма и тверда въ

„своемъ словѣ. Какъ это! возможно ли, чтобъ прекрасныя „ваши ручки ходили по горшкамъ, „пахли лукомъ, и чтобъ бѣлизна „прелестнаго вашего лица коптѣла предъ очагомъ! не бывать „этому, сударыня, не бывать. „Нечего и думать много. Зовите Г. д'Арлевиля завтра къ себѣ обѣдать, я нетерпѣливо желаю доказать ему, какая я хорошая кухарка. — Звать его не „имѣю надобности; онъ у искренняго своего друга; которой всѣ часы бытія своего хочетъ означать временемъ, съ „нимъ вмѣстѣ проведеннымъ.

Поцѣлуй подтвердилъ это, и поцѣлуй отблагодарилъ.

„Все къ лучшему, сказала „Лиза; мы до сихъ поръ были „богаты, а теперь будемъ щастливы. Что принадлежитъ до „меня, то есть нѣкто по имяни

„Бернардъ. . . . Но будетъ съ васъ „и этого. . . .„

ГЛАВА 28.

Предринятая перемѣна жизни въ дѣйство произведена.

Столъ Лизою на другой день приготовленной былъ умѣренной, но превкусной. Этотъ обѣдъ можно было назвать свадебнымъ пиромъ; и празднество сіе, котораго предметомъ была любовь, поощряла новую кухарку, какъ можно болѣе показать усердія.

Юлія одѣлась очень просто въ бѣлое миткалинное платье, головной ея уборъ состоялъ въ такомъ чепцѣ, какихъ щеголихи не любятъ носить; а покупаютъ перья, ленты, цвѣты, и искуствомъ изобрѣтенныя прикра-

сы для того только, что это дороже, нежели лоскутокъ флеру *кой-какъ* наброшенной; на шеѣ у ней былъ кисѣйной платокъ открывающей грудь ея, которая слѣдуя модѣ бывала прежде закутана подъ лживымъ изображеніемъ флеровыхъ згибовъ; весь нарядъ ея былъ пріятенъ, видъ ея спокоенъ, но глаза ея сверькали. Прежде хаживала она отъ туалета своего прямо въ столовую, опершись на подлипалу кружащаго ей голову своими разказами; но на сей разъ она сама поставила приборъ для своего любезнаго. . . . Когдабъ среди ощущаемаго ею на тотъ разъ удовольствія могла она гордиться здѣланнымъ для д'Арлевиля пожертвованіемъ, тобъ сіе конечно не въ иномъ чемъ состояло, какъ въ похвальбѣ себя за то, что химерическія забавы

промѣняла на истинное удовольствіе.

Нѣсколько дней спустя, комнаты Юліины приняли совсѣмъ другой видъ. Камины уже не были уставлены тѣмъ дорогимъ фарфоромъ, которой, по ломкости своей и дороговизнѣ, пока цѣлъ, то бываетъ причиною заботъ въ збереженіи его; разбившись же наноситъ убытокъ. Не видно уже было тѣхъ роскошныхъ излишествъ, коихъ бѣдной не можетъ видѣть въ покояхъ богатаго безъ того, чтобъ вздохнувъ не произнесъ: „Ахъ! „деньгами, истраченными на „покупку одной изъ сихъ бездѣ„лицъ, можнобъ было не толь„ко одного бѣднаго, но и цѣлую „семью избавить отъ нищеты!„ — Полуситцовые занавѣсы съ хорошимъ разводомъ замѣнили пышные, но унылые

штофы. Мебель орѣховая, но вѣ чистотѣ содержанная, заняла мѣсто мрачнаго краснаго дерева. Радость и веселіе водворились вѣ нишѣ, вѣ которомѣ обитала прежде одна только роскошь. Великолѣпные стѣнные часы, занимавшіе большую часть комнатной стѣны, были сняты. „На что мнѣ это изображеніе времяни механикою изобрѣтенное! сказала Юлія: медлѣнность, или быстрое теченіе онаго я хочу означать присутствіемѣ, или отлучкою моего любезнаго.„

ГЛАВА 29.

Можно нѣсколько догадыватся.

Вѣ одинѣ вечерѣ д' Арлевиль, идучи кѣ Юліи позже обыкновеннаго, встрѣтился на крыльцѣ

съ Устиньею, которая возвращалась домой. — Лишъ только увидѣла она его, то вдругъ закричала и упала въ обморокъ. Онъ успѣлъ подхватить ее и принесъ на своихъ рукахъ къ Юліи, гдѣ на тотъ разъ случился и я. Долго всѣ наши около ея старанія были тщетны; наконецъ она разкрыла глаза, посмотрѣла на всѣхъ насъ, устремила взоръ свой на д'Арлевиля, котораго разглядывала довольно времени съ неподвижностію столь поразительною, что всѣхъ насъ привела въ изумленіе; потомъ очень тяжело вздохнула.... Два источника слезъ оросили ея щеки, и омочили д'Арлевилевы руки, за которыя она его держала. Но увидѣвъ *Простодушину*, вдругъ бросилась къ ней, закрыла свое лице и прижала ее къ себѣ....
„Уйдемъ, уйдемъ отсюда

„другъ мой, я не въ силахъ бо-„лѣе выдерживать....„ И съ эти-ми словами она тотъ же часъ удалилась.

Мы всѣ остались въ такомъ положеніи, что я и описать онаго не въ состояніи. Д'Арлевиль всѣхъ болѣе былъ смущенъ. Въ немъ примѣтно было такое участіе, какого еще не принималъ онъ ни въ комъ на свѣтѣ.... Всѣ возможности имъ употреблены были, чтобъ заставить говорить *Простодушину*, но тщетно; ей подъ клятвою было то запрещено.

Съ того самаго дня Устинья изъ убѣжища своего возвращалась уже ранѣе обыкновеннаго, и къ всегдашней своей поговоркѣ: *я видѣла одного*, или *я ихъ обѣихъ видѣла*: или *я никого не видала*; присовокупляла сей вопросъ: *что онъ? у Юліиль?*

Потомъ выходила она на крыльцо, и опершись на перилы, ожидала его приходу, или возвращенія домой. Увидѣвъ его, возвращалась къ крестной своей матери, и пріятная задумчивость видна была на лицѣ, ея вмѣсто прежней мрачной ея скорби.

„Ободрись, дитятко, говорила ей мать *Простодушина*, „положись на Провидѣніе. Отчаяваться никогда не должно. „Вотъ уже ты чувствуешь нѣкоторое услажденіе въ твоей „грусти. Почему знать, что „Всевышній приготовляетъ тебѣ? Возблагодаримъ Его, помолимся Ему; и возложимъ на „Него все свое упованіе.„ Юлія, д'Арлевиль и я не знали чему все это приписать, рѣшили наконецъ тѣмъ, что д'Арлевиль имѣлъ сходство съ любимымъ Устиньею человѣкомъ, съ кото-

рымъ смерть или непостоянство разлучили ея. Какъ бы то ни было, но мы довольны были, что видъ его служилъ облегченіемъ въ ея нещастіи. Одинъ разъ хотѣли ее упросить чтобъ, препроводила она съ нимъ у Юліи вечерокъ; но она съ твердостію отказалась, примолвивъ, что этаго не перенесетъ.

Глава 30.

Пощечина и поцѣлуй.

Бернардъ и *Неспускаловъ* препровождая почасту время у добродѣтельной старухи, брали также великое участіе и въ Устиньѣ. Одинъ сострадая объ ней имѣлъ вѣжливость не вывѣдывать ея тайны; другой же напротивъ того настоятельно хотѣлъ знать, кто здѣлалъ сей

нещастной дѣвкѣ измѣну, чтобъ сыскавъ его съ саблею въ рукахъ, принудить поправить свою вину.... „Но когда его нѣтъ на „свѣтѣ? сказалъ Бернардъ.... — „Въ такомъ случаѣ.... Но нѣтъ, „я бьюсь объ закладъ, что онъ „живъ еще, я незнаю почему мнѣ „это кажется; я дамъ себѣ уши „обрубить, что бездѣльникъ не „умеръ... и я постараюсь о немъ „развѣдать. А какъ узнаю, чортъ „меня возьми! княнусь прелес-„тями прекрасной Лизы.„ — Въ самую ту минуту онъ указалъ прямо на тѣ прелести, которыми поклялся; но лишь только рукою своею до нихъ коснулся, какъ Лиза влѣпила ему самую полновѣсную пощечину! Дѣтина нашъ, будучи хмѣльненекъ, свалился съ ногъ отъ этаго... „Вотъ такъ-то промол-„вилъ онъ вставая; дѣльно мнѣ....

„Ты цѣломудренна и кажешься „почтительна ко всѣмъ; почтила и меня за то, что серчишко твое ноетъ по Бернардѣ. А „онъ мнѣ другъ. Ну, такъ и „быть. Проклятое вино съ ума „меня свело; да и дьявольская„то косынька къ томужъ раз„крылась.... Но по мнѣ все рав„но. Бернардъ! коли я тебя оби„дѣлъ, то скажи: я здѣлаю те„бѣ всякое удовольствіе.

„Господинъ *Неспускаловъ*, ска„зала Лиза, развѣ ты этимъ „свою вину поправить хочешь?„

„Ахъ! извини прекрасная „Лиза; но не опасайся. Хотя ме„ня въ полку лучше никто на „шпагахъ не бьется, но совсѣмъ „тѣмъ я не знаю, какую чертов„скую поверхность Бернардъ на„до мною имѣетъ. Его холодно„кровіе, обыкновенная разсуди„тельность, какое-то уваженіе,

„которое я къ нему чувствую,
„всегда меня усмиряютъ такъ,
„что когда я съ нимъ ни бьюсь,
„то заранѣе увѣренъ, что онъ
„меня поранитъ; но хоть по
„мнѣ все равно: а ты всегда
„имѣешь причину опасатся, по
„тому что одинъ нещастной
„ударъ можетъ похоронить съ
„собою всѣ твои брачные замыс-
„лы; яжъ напротивъ того же-
„лаю ему въ томъ пособить;
„вотъ видишь какъ: срокъ моей
„службѣ минетъ въ будущемъ
„году.... и я хочу съизнова за-
„писаться, чтобъ отслужить
„остальные годы за Бернарда.„

„Возможно ли это!„ вскри-
чала Лиза, бросясь къ нему на
шею, и тотчасъ его поцѣло-
вавъ.... „Голубчикъ мой *Неспу-*
„*скаловъ*!....„

„А!.. а!.. голубчикъ, подлинно
„что дѣвкѣ немудрено угодить.

„Поцѣлуй это доказываетъ. . .
„Слушайка Лиза! ты меня такъ
„возвеселила, какъ будто я вы-
„игралъ баталію, но нечего еще
„о томъ говорить; я тебя бо-
„лѣе люблю, нежели ты дума-
„ешь. Правда, ты предпочи-
„таешь мнѣ Бернарда; однакожъ
„справедливо, потому что онъ
„во сто разъ меня лучше; но
„по мнѣ все равно; и я съ тво-
„ей стороны заплаченъ буду
„тѣмъ, естьли ты скорѣй вы-
„дешь за него за мужъ.

ГЛАВА 31.

Дрень, дрень!

Бернардъ хотѣлъ перебить сло-
ва его. — „Ну къ чорту! това-
„рищъ, не мѣшай ты мнѣ своею
„политикою. Это уже рѣшеное
„дѣло. И я соглашусь лучше де-

„сять разъ быть отъ тебя по-
„раненъ, нежели хоть на шагъ
„отъ этаго отступлю. Давай-
„ка выпьемъ за твое здоровье и
„за здоровье будущей твоей
„Не спѣть ли намъ *дрень, дрень!*
„Съ охотою, отвѣчалъ Бер-
„нардъ. Извольте, и я вамъ под-
„тяну, молвила *Простодушина.*
„Я сама люблю эту пѣсню; но
„съ уговоромъ, чтобъ пить чрезъ
„силу не приневоливать меня;
„что прибыли до пьяна напи-
„ваться? Слышишь ли, Г. *И-*
„*спускаловъ*? — Слышу, матка! и
„вижу, что ты подъ обинякомъ
„подаешь мнѣ поученіе; но по
„мнѣ все равно. Ты права, и я
„обѣщаюсь быть воздержнѣе.
„Зачнемъ.„

РОНДО.

Шумъ всѣхъ въ свѣтѣ занимаетъ.
Сколько шумныхъ есть забавъ!
Всякъ ихъ въ жизни избираетъ,
Щастїемъ своимъ назвавъ.
Но какъ мы предпочитаемъ
Всѣмъ веселостямъ вино,
То и слышимъ все одно:
Будто въ рюмки наливаемъ,
Будто раздается звукъ:
Тукъ! тукъ! тукъ!
Дренъ! дренъ! дренъ!

Мы повторяли послѣднія слова, ударяя стаканъ объ стаканъ, я съ старухою, а Бернардъ съ Лизою; между тѣмъ какъ *Неспускаловъ* своимъ стаканомъ постукивалъ объ бутылку.

Пусть пастушки съ пастушками
Любятъ *шумъ* отъ ручейковъ,
Какъ по камышкамъ струями
Тамъ журчатъ между цвѣтовъ.

Но какъ мы всегда желаемъ
Чтобъ журчало лишь вино,
То и слышимъ все одно:
Будто въ рюмки наливаемъ,
Будто раздается звукъ:
Тукъ! тукъ! тукъ!
Дрень! дрень! дрень!

Пусть знатокъ тамъ веселится
Стройнымъ *шумомъ* отъ смычковъ,
И разиня ротъ дивится,
Какъ раздастся *трохъ! трохъ! трохъ!*
Но какъ мы предпочитаемъ
Громкой музыкѣ вино,
То и слышимъ все одно:
Будто въ рюмки наливаемъ,
Будто раздается звукъ:
Тукъ! тукъ! тукъ!
Дрень! дрень! дрень!

Ратнику война, сраженье
И отъ пушекъ сильный громъ
Лучшее увеселенье,
Какъ дымъ станетъ вверхъ столбомъ

Но какъ мы всегда желаемъ
Мирно жить и пить вино,
То и слышимъ все одно:
Будто въ рюмки наливаемъ,
Будто раздается звукъ:
Тукъ! тукъ! тукъ!
Дренъ! дренъ! дренъ!

„Право это очень забавно, „сказала мать *Простодушина*. „Да правда, отвѣчалъ *Неспускаловъ*, дурно только то, что я „достальное опоражниваю. Такъ „и быть, выпейте все и пожелайте намъ благополучнаго пу„ти; срокъ нашъ почти про„шелъ, намъ должно не мѣш„кавъ явиться къ командѣ.„

Въ самомъ дѣлѣ они на другой же день отправились въ свой путь. И мы всѣ плакали, разставаясь съ Бернардомъ. Намѣреніе мое было проводить ихъ за нѣсколько миль отъ Парижа: но сіе не состоялось; потому

что я былъ удержанъ принятіемъ новой на себя должности. Молодой д'Арлевиль изходатайствовалъ мнѣ Секретарское мѣсто при своемъ отцѣ.

ГЛАВА 32.

Здѣсь повстрѣчаешься съ тѣмъ, о комъ и не думаешь.

Г. д'Арлевиль былъ человѣкъ низкаго состоянія; но разбогатѣвъ отъ разныхъ случаевъ, захотѣлъ сдѣлаться знатнымъ, и для этого женился въ другой разъ. Онъ взялъ за себя вдову, которая вмѣсто богатства была знатнаго происхожденія, имѣла родственниковъ, занимающихъ высокіе степени. . . . Но сколь велико было мое удивленіе, когда я въ женѣ его нашелъ . . . ту самую богомолку, которая жила надъ горницею матери *Про-*

стодушиной, въ тѣхъ комнатахъ, которыя занимала по томъ Юлія!.. ту самую, которая съѣхала оттуда послѣ приключенія ея съ Аббатомъ; ибо не безъ причины боялась она, что я былъ тогда всему свидѣтелемъ. Боязнь сія въ ней возобновилась, когда она встрѣтилась со мной въ домѣ Г. д'Арлевиля. Сколько я, увидѣвъ ее, удивленъ былъ, столькожъ и мое присутствіе потревожило ее.

„Съ чего взяли вы, сказала „она весьма сухо Г. д'Арлеви„лю, что такой молодой чело„вѣкъ въ состояніи быть ва„шимъ Секретаремъ?„ Я отвѣчалъ ей, что знаю совершенно и самъ слабость способностей моихъ, но что буду замѣнять это усердіемъ моимъ; а болѣе всего, присовокупилъ я, (употребивъ приличное на то произношеніе) всевозможною скромностію.

Она почувствовала настоящій смыслЪ моихЪ рѣчей, похвалила меня за сію добродѣтель, необходимую вЪ новомЪ моемЪ чинѣ, и обнадежила своею благосклонностію....

Она сохраняла ее вЪ разсужденіи меня по наружности. Но Г. д'Арлевиль дѣйствительно былЪ добрЪ ко мнѣ. ОнЪ мнѣ доказалЪ это на самомЪ дѣлѣ при случаѣ для меня весьма пріятномЪ. Когда вЪ селѣ у него священническое мѣсто опорожнилось, то множество людей имѣющихЪ защиту старались получить оное; но желаніе услужить тѣмЪ добродушному Франциру, заставило меня употребить свою прозьбу... и я, не взирая на всѣ убѣдительныя рекомендаціи, одержалЪ верьхЪ надЪ другими. Мѣсто сіе отдано было почтеннѣйшему сему священнику, другу *Простодушиной*.

Не нахожу я нужнымъ изъяснять, что сіе умножило преданность мою къ Г. д'Арлевилю, тѣмъ болѣе, что онъ оказывалъ ко мнѣ внимательность, свойственную единственно сострадательному сердцу, и обходился со мною не такъ, какъ съ человѣкомъ бывшимъ у него на жалованьѣ, но какъ съ своимъ пріятелемъ. Я жилъ въ совершенномъ благополучіи, и желалъ видѣть благодѣтеля моего равномѣрно щастливымъ; но тото ему и не доставало; онъ бывалъ часто отягченъ горестію, чему причины не зналъ никто. Я съ своей стороны относилъ это къ раскаянію, что соединилъ онъ свою участь съ женщиною, которой свойство столь мало сходствовало съ его расположеніями: она была высокомѣрна, какъ и большая часть знат-

ныхЪ женщинЪ, которыя выходятЪ за разбогатѣвшихЪ людей изЪ низкаго состоянія; до несносности лукава, какЪ и всѣ ложныя богомолки; своенравна до изступленія, какЪ и всѣ неблаговоспитанныя; не имѣла ни кЪ кому ни малѣйшей привязанности, даже и кЪ самому Г. д'Арлевилю, которой составилЪ ей щастіе, и котораго всѣ уважали; а еще менѣе того кЪ дѣтямЪ первой его жены, которые вообще всѣми любимы были, особливо дочь его. . . . Такая только мачиха и могла не быть ласкова и благосклонна кЪ дочери Г. д'Арлевиля, любезнѣйшей Аделаидѣ.

ГЛАВА 33.

Аделаида.

Все изображало въ ней прежестнѣйшій характеръ; сердце имѣла она самое чувствительное, видъ пріятной, взоры плѣняющіе, даже голосъ трогающій душу. . . . И я на щетъ моего спокойствія слишкомъ то на себѣ испыталъ! . . . Лишь только я замѣтилъ это въ моемъ сердцѣ, то старался удалиться ; но поздно уже было, и не въ моей состояло власти. Я могъ изъ себя сдѣлать только то, чтобъ таить отъ нее мою любовь.

Въ скоромъ времяни примѣтно мнѣ стало, что не одинъ я плѣненъ былъ ея прелестями ; и Аббатъ Фаллацію, распоряжав-

шій совѣстію Гжи. д'Арлевиль прежде послѣдняго ея замужства, когда еще жила она въ одномъ домѣ съ *Простодушиною*. . . . Дивись, читатель, что ты повстрѣчался съ нимъ у Г. д'Арлевиля. Люди такого разбора не разстаются съ своею добычею въ то время, какъ состояніе ихъ грѣшницъ принимаетъ на себя лучшій видъ; но послѣ сцены, которую видѣлъ я изъ кабинета, казалось бы не льзя было и подумать, чтобъ осмѣлился онъ имѣть виды на падчерицу Гжи. д'Арлевиль. . . Я размышлялъ о семъ, какъ человѣкъ въ томъ участвующій. Множество бездѣльныхъ обстоятельствъ возбудило во мнѣ подозрѣнія, и время еще болѣе въ томъ удостовѣрило меня; а Аделаида совершенно подтвердила всевозможнымъ стараніемъ, съ

какимъ всегда удалялась отъ него и убѣгала случаевъ оставаться съ нимъ на единѣ.

Чудовище! я видалъ, какъ онъ вѣроломными и ненасытными своими глазами подсматривалъ прелести Аделаидины тогда, какъ прислуживалъ ей, взводя ее на крыльцо. . . . По щастію она никогда не давала ему своей руки, и я думаю, что естьлибъ она была къ нему такъ снисходительна, то я измѣнилъ бы самъ себѣ, для того что мнѣ и безъ того трудно уже было себя воздерживать, а особливо послѣ нѣкотораго произшествія, изъ котораго казалось мнѣ, что она принимаетъ во мнѣ нарочитое участіе.

Читая нѣкогда въ слухъ и разсуждая о разныхъ матеріяхъ, довелъ я разговоръ до того, что человѣкъ долженъ быть от-

личаемъ не по высокому своему роду, а по однимъ достоинствамъ. Гжа. д'Арлевиль, забывъ причины, заставляющія ее быть въ разсужденіи меня снисходительною, и давъ волю оскорбленной своей спѣси, отпотчивала меня словами высокомѣрія преисполненными, чего бы я никакъ не перенесъ, естьлибъ не подвергъ себя чрезъ то опасности быть изгнаннымъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я наслаждался зрѣніемъ Аделаиды.

Сія любви достойнѣйшая дѣвица, приподнявъ нѣсколько глаза свои вверьхъ, обратила ихъ по томъ на меня съ видомъ хотящимъ произнести: „Аделаида „о тебѣ жалѣетъ.„ Вдругъ косынька ея стала подыматься выше, и вздохъ сей былъ продолжительнѣе обыкновеннаго: „Ахъ, „Гжа. д'Арлевиль! сказалъ я самъ „себѣ, обходись со мною теперь

„какъ тебѣ угодно, я все буду „сносить ... Такъ, все. ... Но пожалуй не уходи ... и не оставляй „меня одного съ своею прекраснѣйшею падчерицею въ такое „время, когда мечталось мнѣ „видѣть сердце ея въ пользу мою „разположеннымъ; а мое давно, „давно уже бьется для нее.„

Но Гжа. д'Арлевиль ушла. Чрезмѣрной ли гнѣвъ, или угрызѣніе совѣсти въ разсужденіи меня заставили ее съ поспѣшностію удалиться и насъ покинуть. Мы оба приведены были въ крайнее смущеніе, увидѣвъ себя вдругъ на единѣ оставленными. Она шила, а я держалъ еще въ рукахъ ту книгу, которую читая, дошли мы до разговора оскорбившаго гордость Гжи. д'Арлевиль. ... Книга и шитье были для одного только виду. Аделаида не изшила ни одной шелковинки, а я не

прочиталъ ни единой строчки. Глаза наши то искали повстрѣчаться, то старались убѣгать того. . . „Мачиха моя, промол„вила она наконецъ, обошлась „съ нами очень грубо! . . . „

Я сталъ было изъяснять ей, какъ за что я награжденъ былъ; но почему знать, куда бы меня завело это объясненіе? . . .

По щастію въ ту самую минуту вошелъ молодой д'Арлевиль и сталъ мнѣ разсказывать, что Юлія получила отъ Командора определенную ей на всякую треть денежную сумму, и что въ присланномъ при томъ письмѣ упомянуто было, что онъ на имя ея взнесетъ въ банкъ капиталъ, съ котораго получаемые проценты будутъ ей ежегодно присылаемы. „Этотъ поступокъ, „присовокупилъ д'Арлевиль, до„стоинъ Г. де Серміоля. Онъ

„такъ великодушенъ, что всякаго заставитъ почитать его; „но Юлія не должна, и не желаетъ принять этаго благодѣянія. Да и я, въ чемъ и ты со мною „согласишься, не хочу видѣть „любезную свою обогащаемою „другимъ. И такъ мы положили, чтобъ она сама съѣздила „и отвезла бы ему сей подарокъ „обратно. А какъ онъ теперь „живетъ въ деревнѣ, мнѣжъ „отлучиться ни подъ какимъ видомъ не возможно, то я прошу тебя, чтобъ ты проводилъ „Юлію; на это не болѣе двухъ „дней потребно. Я надѣюсь, что „батюшка безъ затрудненія уволитъ тебя.„

ГЛАВА 34.

Путешествіе.

И подлинно онъ охотно отпустилъ меня. Я поѣхалъ съ Юліею и съ Лизою въ почтовой каретѣ. Четвертое въ ней мѣсто занималъ одинъ изъ тѣхъ пышныхъ господчиковъ, которые нарядомъ своимъ ослѣпляютъ людей глупыхъ, въ благоразумныхъ же производятъ отвращеніе. Онъ тѣмъ началъ, что сѣлъ въ большое мѣсто, хотя съ нами были двѣ женщины. Правда, что одна изъ нихъ была служанка, да и сама госпожа, будучи очень просто одѣта, говорила съ прислужницею своею весьма благосклонно; а господчикъ нашъ былъ наряженъ, разчесанъ, напудренъ, распрысканъ

духами, съ унизанными на пальцахъ кольцами и перстнями разныхъ видовъ и цвѣтовъ, при двухъ увѣшенныхъ фарафорками цѣпочкахъ, прицѣпленныхъ къ осыпаннымъ каменьями и съ репетиціею часамъ, которые онъ, часто вынимая, заставлялъ звенѣть.... Какое невѣжество! какое легкомысліе! Когдабъ зажиточной человѣкъ могъ чувствовать, сколькихъ пріятностей и удовольствій въ жизни лишаетъ онъ себя отъ того безумія, которое побуждаетъ его ослѣплять людей своимъ богатствомъ: то конечно бы не сталъ поступать столь безразсудно. Естьлибъ этотъ господчикъ не чванился столько своимъ нарядомъ, ухватками, и не занялъ бы самъ собою большаго мѣста, которое бы вѣрно и безъ того было ему уступлено: то смѣло сказать можно,

что карета наша не провезла бы насъ десяти минутъ, какъ бы мы завели уже съ нимъ рѣчь. Общая матерія довела бы насъ можетъ и до искренняго разговора, которой бы занимая насъ, могъ приносить удовольствіе и сократить нашъ путь; но вмѣсто того мы ѣхали въ молчаніи!... Молодаго человѣка молчаливость, казалось, изображала: — „Боже мой! какое нещастіе не „имѣть своей собственной кареты! какъ несносно быть въ дорогѣ съ первымъ, кто встрѣтится, и провести нѣсколько „часовъ съ неизвѣстнымъ народомъ!„ Молчаливость же наша ясно давала уразумѣть, что не менѣе и мы претерпѣвали отъ такого попутчика; не отъ того, что онъ былъ пышно одѣтъ, но по тому что присутствіе его препятствовало намъ между со-

бою откровенно разговаривать; общею же матеріею замѣнять искренность очень непріятно.

Отъѣхавъ такимъ образомъ половину дороги, остановились мы, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, и между тѣмъ пошли прогуляться въ звѣринецъ, которой былъ не запертъ. Щеголь нашъ тотчасъ направилъ свои стопы за Лизою. Веселой и живой видъ ея влекъ его за нею по всѣмъ алеямъ, такъ что онъ и не подумалъ, идемъ ли мы за нимъ, или нѣтъ. Я замѣтилъ еще въ каретѣ, что онъ внимательно на нее поглядывалъ.

Лиза имѣла острые глаза, маленькой носикъ, пріятную улыбку, и весьма не застѣнчивую физіономію; а какъ была она не слишкомъ толста, то и носила небольшую косыньку, которую мастерски накалывать умѣла.

Благопристойность сохраняла, но нѣчто предоставляла и любопытству. Хотя она и ограничивала свое желанiе нравиться, но всегда щеголевато одѣвалась; знала перемѣну разныхъ видовъ, и принаравливаясь ко времяни, всегда показывала свою ловкость. Господчикъ нашъ не равнодушно смотрѣлъ на бѣлизну сей лилѣи и на ту неподвижность, которая упорствовала сильному каретному трясенiю.... Наконецъ настигъ онъ Лизу у поворота въ темную алею; а мы сѣли на скамейкѣ за деревьями. Вотъ отъ слова до слова разговоръ ихъ:

Господчикъ. „Знаешь ли, что ты въ состоянiи вскружить голову самому ловкому мужчинѣ?

Лиза. Не въ самомъ ли дѣлѣ такъ? — Радуюсь, сударь.

Господ: Не уже ли эта другая съ тобою женщина твоя госпожа?

Лиза. Для чегожъ ей и не быть моею госпожею?

Господ: У нее прекрасная служанка.

Лиза. Зеркало давно уже мнѣ объ этомъ сказало.

Господ: Я думаю, что и мужчины такъ же?

Лиза. Конечно.

Господ: Но мнѣ кажется, что ты не всегда имъ вѣришь?

Лиза. Вы угадали.

Господ: Какъ она прекрасна! какъ свѣжа! по истиннѣ какъ роза. — Подошедъ поближе, хотѣлъ онъ повольнѣе обойтися съ нею, но остановленъ былъ булавкою. „Ахъ, злодѣйка! какъ она меня „уколола!„

Лиза. Я это сдѣлала для того, чтобъ сравненіе ваше не со-

всѣмъ было несправедливо; вы сказали, что я похожа на розу, то по крайней мѣрѣ хоть тѣмъ, что она колется.

Господ: Онажъ меня и подсмѣиваетъ ... о! ты мнѣ дорого за это заплатишь.

Лиза. Остерегитесь, сударь, я въ состояніи отмстить вамъ самымъ ужаснымъ образомъ.

Господ: Чѣмъ это ты такъ меня стращаешь?

Лиза. Я изомну вашу прическу.

Угроза сія произвела свое дѣйствіе. Подлипало, сказавъ, что это для него ничего не значитъ, отскочилъ отъ нее съ великою неловкостію. При чемъ не могли мы удержаться отъ смѣху, которой его такъ смутилъ, что хотя онъ насъ и не видалъ, но тотчасъ догадался, что это намъ быть надлежало. И уже

до того присмирѣлъ, что во всю дорогу притворился спящимъ.

ГЛАВА 35.

Такъ бы многимъ надлежало.

Мы доѣхали наконецъ до дороги, съ которой должно было намъ поворотить къ Г. де Серміолю и вышли изъ наемной нашей кареты. До дачи его считалось около мили, и мы разсудили дойти туда пѣшкомъ; но поступили при томъ очень оплошно, не взявъ съ собою проводника. Съ дороги збились, ночь стала уже насъ настигать, и мы начинали безпокоиться, какъ нечаянно увидѣли вдали свѣтъ, на которой направили путь, и не замедлили туда дойти.

Шорохъ, которой мы идучи производили, услышала большая

собака, и выбѣжавъ къ намъ залаяла; но лай ее былъ самой привѣтливой. Сіе животное ластилось, уходило съ визгомъ къ воротамъ, возвращалось къ намъ, и увиваясь, казалось, принуждало, чтобъ мы вошли на дворъ. Въ самое тожъ почти время появилась крестьянка и спросила насъ: не збились ли мы съ дороги? и услышавъ что точно такъ звала насъ, поспѣшнымъ образомъ, взять отдыхъ у ее Господина, котораго называла она *Физолофомъ*. Молчаливость наша на то безъ сумнѣнія дала ей разумѣть объ опасности нашей быть въ домѣ у какого нибудь оригинала; а между тѣмъ начала она болтать слѣдующее: . . . „Видно, что вы „не вѣдаете еще что такое Фи„золофъ. Да и недиво, я сама „знаю о томъ только съ тѣхъ

„поръ, какъ баринъ мой здѣсь „сталъ жить. Правду сказать, „самое доброе дѣло быть Физо„лофомъ. Простодушной и доб„рой Физолофъ дѣлаетъ столь„ко добра, сколько сможетъ, ни „чьихъ дѣлъ не пересужаетъ, „съ нашей братьей бѣдными го„воритъ какъ съ своими ровны„ми; да я думаю, что хоть съ „какимъ Принцомъ онъ также „будетъ говорить; для того, „изволишъ видѣть, что у Г. де „Сермеля всѣ люди на одномъ „счету. — Г. де Сермеля, гово„ришь ты? — Да конечно. — „Вить къ нему-то мы и шли. — „Ну такъ за чемъ дѣло стало, „вотъ вы и здѣсь. Онъ очень „будетъ радъ возвратившись до„мой, что найдетъ у себя та„кихъ добрыхъ Госпожъ, и та„кова бравова Господина, да еще „и знакомыхъ ему. Хотьбы онъ

„васъ и не зналъ, по немъ все
„равно, изволишь видѣть. Однакожъ
„я хоть и говорю все равно,
„но равно да не одно. Вить вы
„знаете, сударыня, что тѣхъ,
„кого знаешь, надо угощать
„лучше другихъ прочихъ; да
„полно онъ у насъ такой честной
„и доброй Господинъ! Вы
„думаете, что свѣтъ, которой
„вы видѣли, будто вамъ нечаянно
„повстрѣчался? Ничего не
„бывало.... вотъ то-то, вы не
„знаете.... деревня эта посереди
„лѣсу, ходя по немъ и не пьяной
„собьется съ дороги; такъ
„баринъ нашъ и не приказываетъ
„затворять ставней, чтобъ эдакіе
„люди видѣли свѣтъ въ хоромахъ
„и шли бы прямо къ нему,
„а ночлегъ дать онъ всякому
„радъ. Вотъ какъ все въ нашемъ
„дому ведется. У насъ
„даже собака, не во гнѣвъ ва-

„шей милости, привыкла ла-
„ститься къ людямъ; ее не-
„давно къ тому пріучили ... къ
„ласкѣ-то и скотину и человѣка
„можно скоро пріучить.... Я див-
„люсь часто, какіе добрые люди
„сюда ходятъ; да и то сказать,
„вить мало того, чтобъ быть
„добрымъ, надо быть и смир-
„нымъ.... Правда что вотъ и де-
„ревня у насъ здѣсь близехонько,
„стоитъ барину нашему толь-
„ко гаркнуть, такъ всѣ мужи-
„ки ради за него на мѣстѣ себя
„положить. Не льзя его не лю-
„бить, онъ говоритъ, что я
„бѣднаго человѣка не хочу ни-
„чѣмъ отягощать, и для того
„не запрещаетъ здѣсь ни охоты,
„ни рыбной ловли, и нѣтъ ему
„нужды ни до чего другаго про-
„чаго. Онъ говоритъ, что не одни
„знатные да богатые могутъ
„дѣлать людямъ добро, а мож-

„но и простому человѣку, не бу-
„дучи господиномъ. . . . Эхъ какъ
„я заговорилась! и не попотчиваю
„васъ ничѣмъ. Простите меня,
„барыня, я какъ разговорюсь о
„милостивомъ нашемъ Господи-
„нѣ, такъ все забуду . . . Вотъ
„вамъ бутылка. Франциска! бѣги
„скорѣй принеси стаканы. Нужъ
„поворачивайся, экая не провор-
„ная! . . . Постой, постой дѣ-
„вушка! поклонись прежде го-
„стямъ.

„Это твоя дочь?

„Такъ сударыня, кланяйся
„дѣвушка.

„Которой ей годъ?

„Семь лѣтъ, сударыня, въ
„жниптво исполнится, кланяйся
„дѣвушка.

„Она по лѣтамъ своимъ до-
„вольно велика ростомъ и здо-
„рова.

„О! да вить она у меня за „горшкомъ-то не дремлетъ. Ка„бы она была такъ умна какъ „проѣстлива! да авось Богъ „дастъ будетъ и умъ; не прав„да ли сударыня, что и вы ее „любить не станете, коли она „будетъ глупа? Кланяйся дѣ„вушка.

„Вотъ тебѣ душинька кон„фетовъ, только съ тѣмъ, чтобъ „ты слушалась матери.

„Ахъ! Боже мой! какаяжъ „ты добрая Госпожа. Кланяйся „дѣвушка, кланяйся. . . Ахъ! . . . „мнѣ слышится. . . и въ правду „это бариновъ голосъ. . . . „

Въ самомъ дѣлѣ это былъ Г. Десермель. Прибытіе Юліино его не удивило. Командоръ зная сколь она честолюбива, ожидалъ уже отъ нее такого поступка, но онъ непоколебимъ былъ въ своемъ намѣреніи. Какъ ни убѣ-

ждала его Юлія принять обратно подарокъ свой, прозьбы ея были безполезны. Не льзя было не согласиться; и она принуждена была позволить то непорочному дружеству, чѣмъ жертвовалъ онъ прежде бывшей между ими любовной связи.

ГЛАВА 36.

Вечеринка.

Рѣшивъ сіе дѣло такимъ образомъ, Г. де Сермель для прекращенія о томъ разговора, предложилъ намъ итти въ залу, гдѣ собраніе насъ ожидало; мы ничего не знали, что сіе значило. Но скоро загадку разгадали. Залу составлялъ пребольшой сарай; собраніежъ было изъ деревенскихъ жителей пришедшихъ на вечеринку, куда они всякой день

збирались. Г. де Сермель пригласилЪ и насЪ туда, не зная самЪ, что вЪ тотЪ день приготовленЪ былЪ тутЪ для него праздникЪ по случаю его рожденія.

Мы нашли сарай освященной и убранной травами и цвѣтами, изображающими арки, гирлянды, и имя Командорово. Всѣ дѣвушки одѣты были вЪ бѣлое платье, женщины вЪ красныхЪ юбкахЪ, мальчики вЪ праздничномЪ нарядѣ сЪ перевезями. *Да здравствуетЪ Г. де Сермель!* вскричали всѣ, лишь мы вошли. Его взяли подЪ руки и взвели на нѣкоторое возвышенное мѣсто. КакЪ скоро онЪ на оное взошелЪ, то большой лоскутЪ обоевЪ опустился, и открылЪ глазамЪ нашимЪ кресла украшенныя цвѣтами и лентами, надЪ которыми висѣлЪ вѣнокЪ изЪ цвѣтовЪ. ВЪ тожЪ самое время орхестрЪ, со-

стоящій изъ трехъ музыкантовъ, заигралъ такъ громко, что едва струны держались. Сперва играна была симфонія, потомъ маршъ, при звукѣ котораго по два человѣка въ рядъ выступали, и подходя къ Г. де Сермелю, подносили ему букеты изъ цвѣтовъ. Два крестьянина вмѣсто цвѣтовъ поднесли горсть ржаныхъ колосьевъ. Они собрали ихъ съ первой жатвы на землѣ пожалованной имъ отъ Командора. Другіе подавали ему охапки сухаго тростнику, означая чрезъ сіе, что по приказу его очищены болота и земля та отдана подъ пашню бѣднымъ. Наконецъ старуха поднесла ему пряслицо обшитое сученымъ золотомъ и шелкомъ. Деревенской ихъ дьячекъ, читая нѣкогда повѣсть о Паркахъ, присовѣтовалъ ей это сдѣлать.

Потомъ приготовленъ былъ ужинъ, состоящій изъ лучшихъ плодовъ, какія у кого въ саду случились, Женщины наносили творогу, пироговъ, грѣтаго вина. Корзинки изъ тростнику, плетушки ивовыя, чаши, блюды и тарелки разноколиберныя и разноцвѣтныя разставлены были на столѣ *кое-какъ*. Но за то всякой былъ тамъ веселъ и откровененъ, пѣлъ, что кто хотѣлъ, плясалъ, кто какъ умѣлъ, крестьяне толпились, смѣялись и забавлялись отъ добраго сердца.

Между тѣмъ Г. де Сермель опасаясь, чтобъ Юлія утрудясь отъ дальнаго пути, не обезпокоена была столь продолжительнымъ пированіемъ, вынялъ свои часы, тоже самое сдѣлалъ и я. Они разнствовали въ нѣсколькихъ только минутахъ. Я взялъ

у него и поставилъ по своимъ. . . „Они этаго стоятъ„ сказалъ я ему, отдавая обратно принадлежащія ему.

Сія рѣчь заставила его полюбопытствовать. Я разсказалъ ему поступокъ Бернардовъ. Онъ хотѣлъ еще видѣть мои часы, разсматривалъ ихъ съ почтительнымъ примѣчаніемъ и взявъ свои: — „Много вамъ дѣлаютъ „чести, произнесъ онъ съ со„крушеннымъ видомъ; вы не за„служиваете этаго сравненія.„

ГЛАВА 37.

Богомолка и ея подданныя.

Чрезъ нѣсколько времяни потомъ я поѣхалъ опять въ деревню; но эта поѣздка была уже въ маетности Г. д'Арлевиля. Ахъ! какую тамъ нашелъ я роз-

ницу! не отъ того, чтобъ помѣщикъ и его дѣти не были столькожъ любимы; но слухъ о новой Госпожѣ дошелъ уже до ушей тамошнихъ жителей. Какъ она пріѣхала туда еще въ перьвой разъ, то и старались ей оказать всѣ почести, въ чемъ считали они себя обязанными въ отношеніи къ новой супругѣ такого Господина, котораго они обожали. Вся деревня вышла встрѣчать ее; но не видно въ нихъ было той поспѣшности, чрезъ которую изображается утѣшительное пожертвованіе. Прикащикъ, по необходимости изъ одного только уваженія къ ней, говорилъ привѣтственную рѣчь, въ которой замѣтить было можно, что выраженія клонящіяся на счетъ Г. д' Арлевиля и его дѣтей произносимы были съ какимъ-то особливымъ сердечнымъ

чувствомъ. У всѣхъ предстоящихъ изъ глазъ видѣть можно было: „какъ жаль, что этотъ „доброй Господинъ имѣетъ у себя такую жену! Мы прежде „были щастливы, а теперь едваль „не перемѣнится наша участь.„ Догадливыя между тѣмъ частенько взглядывали на Госпожу и на Аббата Фалаціо (котораго она съ собой вездѣ возила) и казалось хотѣли произнесть: „Конечно это тотъ, объ которомъ намъ сказывали. . . .

Гжа д' Арлевиль на рѣчь прикащикову отвѣчала двумя, или тремя словами, которыя угодно ей было назвать отблагодареніемъ; по томъ распрашивала, набожны ли ее подданныя, совѣтовала доброму моему Францiру строжайше за тѣмъ присматривать, и обнадеживала своею благосклонностію тѣхъ, которые бу-

дутъ болѣе прилѣжать къ молитвѣ. Всю эту поговорку украсила она нѣкоторыми таинственными изреченіями, и произнесла ее такимъ гордѣливымъ голосомъ, чтобъ всѣ почувствовали, какъ снисходитъ она на тотъ разъ отъ своего высокомѣрія. . . Кончила церемонію врученіемъ священнику нѣкоторыхъ вещей для церковнаго украшенія. . . Между тѣмъ Аделаида была уже въ толпѣ между крестьянками, дружески обнимала ихъ, раздавала имъ ленты, серги и ожерелья. . . . Брата ея окружили молодые парни. Онъ разговаривалъ съ ними съ тою привѣтливостію, которая столь трогательна для людей низкаго состоянія, и разсказывалъ имъ, что въ будущее Воскресенье отецъ его станетъ раздавать призы тому, кто всѣхъ обѣжитъ,

и что по томъ будетъ у нихъ пляска.

Радость изображалась на лицахъ сихъ добрыхъ людей; но они не переставали посматривать на Гжу д'Арлевиль, съ видомъ хотящимъ произнесть: „какъ „жалко, что столь добродѣтельная дѣвица, и столь доброй „молодой Господинъ имѣютъ у „себя такую мачиху!„

Гжа д'Арлевиль въ скоромъ времени всячески постаралась показать набожность свою въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хотѣла она подать примѣръ собою; но совсѣмъ тѣмъ не могла никого въ томъ увѣрить, кромѣ нѣсколькихъ старухъ дѣйствительно набожныхъ, которыя видѣли ее всякой день въ церкви препровождающую тамъ по три и по четыре часа; а въ воскресной день она была тамъ безвыходно, ду-

мая, что подданныя ея изъ уваженія къ ея особѣ присоединятъ и почтеніе къ ея богомольству; но очень обманулась. Вездѣ люди умѣютъ различать ложную набожность отъ настоящей. Какъ скоро служба кончилась, то всѣ вышли и оставили святошу одну на господскомъ ея мѣстѣ. Въ то время, какъ перебирала она листы въ своихъ святцахъ, весь народъ былъ уже у замка: иные спорили, кто кого обѣжитъ, а другіе плясали подъ каштановыми деревьями около двора усаженными.

ГЛАВА 38.

Нарушеніе веселости.

Вмѣсто намѣренія, которое всегда бываетъ на городскихъ балахъ, показать себя, тутъ вид-

но было одно только желаніе веселиться. Всякой плясалъ отъ добраго сердца, музыканты брянчали изо всей силы, и истинная веселость одушевляла всѣхъ. Въ замѣну тѣхъ столовъ, за которыми не танцующіе проигрываютъ всю ночь въ карты, матери и старики сидѣли на скамѣйкахъ, и поглядывая на сію картину, примѣняли ее къ прежнему своему состоянію. Наконецъ всѣ розданныя Аделаидою крестьянкамъ ленты появились у нихъ на шеяхъ и на шляпкахъ. . . . Удивительно ли что въ деревнѣ малѣйшее собраніе составляетъ праздникъ!

Для меня это былъ во всемъ смыслѣ праздникъ. . . . Я танцовалъ съ Аделаидою. . . . Каждой разъ руки наши одна къ другой прикасались; на нихъ не было, какъ въ городѣ,

перчатокъ, требующихъ рѣшительнаго пожиманія руки; онѣ были обнаженны и малѣйшее потрясеніе взаимно ощущаемо было. Въ добавокъ къ тому покатость мѣстоположенія, принуждая каждую дѣвушку остерегаться, чтобъ не поскользнуться, заставляла крѣпче ухватываться за руки того, съ кѣмъ она танцовала. . . . Можетъ быть я былъ и въ заблужденіи отъ своего воображенія; но оно дѣлало меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, я упоенъ былъ всѣми пріятностями сего очарованія. . . . Какъ вдругъ увидѣли мы Гжу д'Арлевиль возвращающуюся къ намъ изъ церкви, за нею шелъ лакей, которой несъ ея книги, подушечку, и постельную собачку. . . Она услыша музыку и увидя танцы, подходитъ къ намъ какъ лишившаяся ума, ко-

черкаетъ оркестръ, и мечится на всѣхъ. . . „Не стыдно ли те„бѣ, Г. д'Арлевиль, что ты по„зволяешь это дѣлать! А ты, „сударыня! развѣ такъ-то за„ставляешь почитать себя! при„стойно ли тебѣ прыгать какъ „дурѣ на ряду съ мужиками! Из„рядно ты перенимаешь тѣ на„ставленія, которыя стараюсь „я тебѣ преподавать. . . Въ одну минуту пріятнѣйшее сіе собраніе разбѣжалось.

Мы не отдѣлались тѣмъ отъ суровыхъ и набожныхъ поученій Гжи д'Арлевиль; она велѣла позвать священника, добродушнаго моего Францира, и весь свой гнѣвъ на него обратила. „Я не понимаю, сударь, ска„зала она, чтобъ человѣкъ въ ва„ши лѣта могъ позволять такія „неистовыя скачки и пляски! — „Сударыня! отвѣчалъ онъ, все

„земледѣльцы, которыхъ участь „опредѣлила къ безпрерывнымъ „работамъ, совершенно бы до„стойны были сожалѣнія, есть„либъ послѣ вседневныхъ своихъ „трудовъ не имѣли ни одного въ „недѣлѣ дня для собственнаго „удовольствія. — Намъ и опре„дѣленъ, сударь, день для ус„покоенія. — Правда, сударыня; „но для человѣка привыкшаго къ „трудамъ и дѣятельности на„сильственное отдохновеніе бу„детъ, вмѣсто отрады, нака„заніемъ. — Какъ! честной отецъ, „вы смѣете дѣлать такіе тол„ки! вы бы лучше растолковали „своимъ прихожанамъ, что вос„кресенье есть день на молитву „опредѣленной. Мнѣ удивитель„но, чтобъ въ ваши лѣта мож„но было имѣть такое послаб„леніе. Какъ оно вредно въ пасты„рѣ! — Сударыня! чѣмъ чело-

„вѣкЪ становится старѣе, тѣмЪ „снисходительнѣе бываетЪ. „Опытность научаетЪ насЪ познавать злоупотребленіе непозволенности, и я лучше желаю „быть окруженЪ ребятами, которые любятЪ меня какЪ отца, нежели людьми боящимися „меня, какЪ.... — Пожалуй, сударь, „прошу кончить это безполезное разглагольствіе. Я сама во „всемЪ не меньше васЪ знающа, „и вздорныя разсужденія ваши „не сильны поколебать меня вЪ „моихЪ правилахЪ. ОднимЪ словомЪ, сударь, я хочу непремѣнно и приказываю, чтобЪ всѣ „игры и всякаго рода забавы по „воскреснымЪ днямЪ были запрещены — Мнѣ жаль, сударыня, „что не могу я исполнить вашей „воли, по тому болѣе, что я никогда не говорю того, чего не думаю. — Ты очень дерзокЪ и забыл-

„ся, дружокъ, что не долженъ
„со мною спорить. Я буду на тебя
„жаловаться.... Ктожъ станетъ
„помышлять о законѣ, когда
„наши пастыри до такой край-
„ности послабляютъ. Это ужа-
„сно! великій Боже! вотъ какой
„нынѣ вѣкъ! явной развратъ!
„Послушайте сударь, я до тѣхъ
„поръ видѣть васъ не могу, пока
„вы не будете слѣдовать дру-
„гимъ правиламъ. — Сударыня!
„это не заставитъ меня пере-
„мѣниться.„

Г. Францеръ вышелъ, сдѣ-
лавъ столь выразительной пок-
лонъ, что у Гжи. д'Арлевиль на
нѣсколько минутъ занялся духъ.
„Всемогущій Господи! произне-
„сла она, пришедъ въ себя, мог-
„ла ли бы я этому повѣрить!
„еще дивятся, что у помѣщи-
„ковъ не всегда щастливы кре-
„стьяне! Я съ своей стороны за

„превеликое бы удовольствіе по-
„чла видѣть подданныхъ моихъ
„благополучными; но дѣлать не-
„чего, когда они сами всѣ благо-
„получіе свое поставляютъ въ
„одномъ грѣхѣ. И пастырь ихъ,
„вмѣсто того чтобъ обращать
„на путь истинны. . . . Ахъ! . . .
„нѣтъ на земли ни благочестія,
„ни добродѣтели! . . . .

ГЛАВА 39.

Богомолкина постелная собачка и стрѣлокъ.

Сей источникъ набожныхъ изрѣ-
ченій удержанъ былъ приходомъ
старой служительницы, кото-
рая доложила Госпожѣ д'Арле-
виль, что Пирамъ (такъ звали
ее собачку) занемогъ колотъ-
емъ! . . . „О небо! бѣдной Пирамъ!
„принеси его ко мнѣ поскорѣе.

„Милинькой! ахъ! что это съ „нимъ сдѣлалось?„ Пирама принесли разтянувшагося спокойнымъ образомъ на подушкѣ, которую старуха съ великою осторожностію положила на колѣни къ Госпожѣ д'Арлевиль. Она приказала нагрѣть батистовые платки, чтобъ укутать больнаго. Для него употреблены были всевозможныя пособія, сопровожденныя всякими ласкательствами, бранью на людей, сердитостію на тѣхъ, которыя не скоро надобное для сего подавали, и негодованіемъ за то, что казалось неугоднымъ. Въ продолженіе сего баловства и гнѣвливости Госпожа д'Арлевиль не переставала изъявлять чрезмѣрной своей чувствительности, которая не позволяла ей безъ особливаго участія видѣть страждущее самое малое твореніе. . .

„Тебя, сударыня, оборотясь къ „Аделаидѣ, сказала она, ничто „не трогаетъ. Ты бы въ состо- „яніи была равнодушно глядѣть „и на смерть этаго бѣднаго жи- „вотнаго. Миленькой Пирамуш- „ка! я одна о тебѣ соболѣзную. „Естьлибъ ты, по деликатному „своему свойству, достался въ „другія руки, то давнобъ по- „гибъ; никто бы о тебѣ не имѣлъ „такого сострадательнаго по- „печенія, какое я, по нѣжности „моихъ чувствъ, о тебѣ прила- „гаю. . . . Кто это тамъ такъ „смѣло отворяетъ дверь? Бѣд- „ной Пирамъ испугался, весь дро- „житъ отъ страха! „

Это были лѣсные сторожа, которые привели крестьянина, пойманнаго ими за то, что стрѣлялъ дичь въ лѣсу. Бѣднякъ сей бросился къ ногамъ Госпожи д'Арлевиль. Онъ принятъ былъ съ

тою мрачною строгостію, изъ которой однакожъ усматриваемо бываетъ прощеніе, и начиналъ уже себя тѣмъ ободрять, какъ Госпожа д'Арлевиль вдругъ закричала: . . . Негодяй! какъ ты смѣешь стрѣлять въ моихъ дачахъ, не смотря на запрещеніе, да еще и въ воскресной день? . . . Сударыня! прошу меня выслушать: я не воровски это сдѣлалъ. . . Въ то время, когда тебѣ надлежало бы быть въ церкви! . . . Я одинъ только разъ и выстрѣлилъ; хоть извольте спросить. . . . Пошолъ вонъ мерзавецъ! вмѣсто того, чтобъ молиться Богу! . . . Ахъ! милосердая сударыня; жена моя на сносяхъ просила меня по прихоти, которая бываетъ у брюхатыхъ, чтобъ я накормилъ ее дроздомъ; я не могъ противиться безотступной ея прозьбѣ и

выстрѣлилъ по дрозду!... Дрозда! вотъ еще какія здѣсь чудеса! возможно ли такой твари прихотничать! Нечего долго съ нимъ и разговаривать, отведите этаго бездѣльника въ тюрьму.... Милостивая государыня! умилосердитесь надо мною и надъ моею женою.... Жена его появилась въ ту самую минуту, ведя за руку робенка, другаго имѣвъ на рукахъ, и обременена будучи тяжестію третьяго. Какъ бросилась она обнимать колѣни Госпожи д' Арлевиль, то по нечаянности имѣла нещастіе тронуть Пирама, которой отъ того вдругъ завизжалъ... „Опомнись, бестія, опомнись! что „ты это? Какая неучь! бѣдненькой Пирамъ! Караульные! „чтожъ вы, развѣ вамъ надо десять разъ приказывать?... „Ступай! вскричали сторожа,

„мы тебя отведемъ въ тюрьму.„ Женщина вышла, а за ними последовалъ и я съ удрученнымъ сердцемъ.... Но не долго о томъ скорбѣлъ. Г. д'Арлевиль, опередя насъ, велѣлъ крестьянина отпустить и запретилъ сторожамъ казаться на глаза Госпожи д' Арлевиль, дабы избѣжать тѣмъ распросовъ, приказавъ имъ, чтобъ и впредь при такихъ случаяхъ относились они прямо къ нему. Пойманной бѣднякъ награжденъ былъ отъ него деньгами, и утѣшенъ чрезъ то въ претерпѣнномъ оскорбленіи.

Возвратясь въ комнату, я засталъ, какъ Госпожа д'Арлевиль приказывала, чтобъ для Пирама изжарили того дрозда, за котораго угодно ей было отправить въ тюрьму отца семейства. Пирамъ съѣлъ два крылышка, и всѣ легли спать; но

безпокойства возобновились ночью, которую и провели почти всю у больной собаки; какъ же скоро начало разсвѣтать, то отданъ былъ приказъ закладывать дорожную карету.

Аббатъ, будучи не здоровъ, не могъ сопровождать Госпожу д'Арлевиль. Я долженъ былъ заступить его мѣсто. Такимъ образомъ сѣли мы: она, старая прислужница, Пирамъ и я; мнѣ было надлежало сказать: она, Пирамъ, старая прислужница и я, потому что мы дѣйствительно на такомъ щету находились въ умѣ у Госпожи д'Арлевиль.

ГЛАВА 40.

Нещастіе отъ кареты и пѣсня.

Мы ѣхали въ безпрерывномъ молчаніи, опасаясь нарушить

сонъ избалованной скотинки; но оный прекращенъ былъ пресильнымъ толчкомъ, произшедшимъ отъ перервавшагося каретнаго ремня. Не трудно представить себѣ, какъ испугалась Госпожа д'Арлевиль, и какимъ образомъ подчивала она кучера; все то было по мѣрѣ любви ея къ Пираму.

Не успѣли мы вытти изъ кареты и сѣсть подлѣ дерева, между тѣмъ пока наши люди оную исправляли, какъ увидѣли подлѣ другаго дерева молодаго человѣка, одѣтаго по крестьянски, но со вкусомъ. Онъ столь углубленъ былъ въ своихъ мысляхъ, что насъ и не замѣтилъ. Послѣ нѣкоторыхъ вздоховъ онъ взялъ цитру, которая подлѣ него лежала, заигралъ на ней и припѣвалъ.

ПѢСНЯ.

Живя тамъ въ пышности, любезная моя!
Ужель спокойны дни ведешь? — Не вѣрю я.
Въ крестьянской хижинѣ щастливѣе живутъ,
Отъ пышностижъ всегда утѣхи прочь бѣгутъ.

*

Вспомянешь, Лизанька! кѣмъ здѣсь ты столь любима,
Кѣмъ не *на часъ*, *на вѣкъ* была боготворима.
Опомнишься, вздохнешь и скажешь: Ахъ! какъ жаль! —
Но и раскаяньемъ не утолишь печаль.

*

Источникъ чистыхъ водъ здѣсь по лугамъ струится,
Въ свободѣ самъ собой прелестно такъ крутится;
У васъ же въ городахъ искуство лишь одно,
Вы платите за то, что намъ природою дано.

Художника рукой потоки проведенны
Стремятся тамъ у васъ на высоту
вознесенны,
Прельщая взоръ и слухъ, неволею
журчатъ
И мутны капельки алмазами бле-
стятъ.

*

Но можно ли сравнить натуры при-
нужденье
И городскихъ суетъ всегдашнее му-
ченье
Съ прелестною у насъ въ деревнѣ
простотой!
Тамъ радость стоитъ слезъ, здѣсь
дышатъ ей одной.

*

Вспомянешь Лизанька! кѣмъ здѣсь
ты столь любима,
Кѣмъ не *на часъ*, *на вѣкъ* была
боготворима.
Опомнишься, вздохнешь и скажешь:
Ахъ! какъ жаль! —
Но и раскаяньемъ не утолишь печаль.

Долго онъ еще вздыхалъ; по томъ снимая съ себя цитру, увидѣлъ насъ, и примѣтя въ

тожъ самое время людей, старающихся починивать карету, съ поспѣшностiю подошелъ къ намъ и предлагалъ жилище свое къ услугамъ нашимъ до тѣхъ поръ, какъ можно будетъ намъ ѣхать. Мы приняли его предложенiе; и онъ повелъ насъ къ не большой хижинѣ, въ которой едва можно было найти нужное. Тотчасъ развелъ на очагѣ огонь, подложа туда связку виноградныхъ лозъ; по томъ смахнувъ пыль съ скамѣекъ, которыя служили вмѣсто стульевъ, подчивалъ насъ сѣсть.

ГЛАВА 41.

Странное предложенiе богомолки.

Такъ это-то твое жилище? спросила его Госпожа д'Арлевиль съ презрительнымъ видомъ. . . Ни-

какъ, сударыня, у меня есть еще свѣтелочка. . . . Посмотримъ ее, можетъ быть Пираму моему тамъ будетъ покойнѣе. . . Не взыщите, сударыня, она занята двумя солдатами, изъ которыхъ одинъ очень занемогъ. Я уступилъ ему мою постель. . . . Можетъ статься что ему теперь уже полегче, и онъ отдастъ свое мѣсто. . . . Нѣтъ, я думаю, что онъ спитъ. . . . Разбуди его. . . . Не возможно мнѣ того здѣлать, милостивая государыня; этому бѣдному человѣку нуженъ покой. . . Къ чему такое уваженіе къ людямъ, которые тебѣ конечно заплатятъ какую нибудь безделицу. . . . Я отъ нихъ ничего не потребую, сударыня; я не трактирщикъ. . . . Трактирщикъ ты или нѣтъ, но отъ меня щедро будешь награжденъ. . . Мнѣ очень прискорбно, что я

долженъ вамъ въ томъ отказать; солдатъ очень боленъ; а это для меня важнѣе всего.... Но какъ тебѣ знать! можетъ быть онъ и самъ согласится уступить свое мѣсто, естьли я посулю ему денегъ на водку? Лафлеръ! поди къ нему отъ меня.... Не успѣла она договорить, какъ Лафлеръ былъ уже въ другой горницѣ, и дѣлалъ предложеніе отъ имени своей Госпожи. Въ отвѣтъ на сіе я тотчасъ услышалъ грубой голосъ: „Какъ „бы не такъ! хоть бы у Госпожи „твоей было тритцать шесть „помѣстьевъ, но она въ добромъ „здоровьѣ; а товарищъ мой боленъ.„ — Лафлеръ видно упомянулъ о Пирамѣ. Тотъ же голосъ произнесъ опять.... „Какъ! „бездѣльникъ! ты предлагаешь, „чтобъ для скотины уступлено „было мѣсто больнаго человѣка!

„Убирайся сей часъ отсюда, „чтобъ я палашемъ своимъ не отвѣсилъ тебѣ такого раза, что „ты долго будешь помнить. . . „.

ГЛАВА 42.

Нечаянная встрѣча.

Лафлеръ отъ такихъ угрозъ выпрыгнулъ оттуда, оставивъ за собой дверь недотворенною; я стоялъ противъ самой постели больнаго солдата, свѣтъ отъ окна происходящій ударялъ прямо въ лицо лежащему на ней, и сей свѣтъ явилъ глазамъ моимъ Бернарда. Лишь только я его узналъ, то мгновенно бросился къ нему. Товарищь его, которой такъ грубо принялъ Лафлера, былъ нашъ другъ *Неспускаловъ*, которой послѣ перваго движенія, отъ радостной со

мной встрѣчи произшедшаго, непремѣнно хотѣлъ итти попраздновать со мною въ близь лежащую деревню и опорожнить тамъ двѣ бутылки. Я отказался, представляя, что мнѣ должно ѣхать, лишь только карета будетъ исправлена. . . „Развѣ „ты съ этою? . . .„ Я зажалъ ему ротъ рукою, сказавъ, что онъ нескромностью своей можетъ мнѣ надѣлать большихъ пакостей.

Бернардъ уговорилъ его, чтобъ онъ помолчалъ, и хотѣлъ изъ любви ко мнѣ оказать учтивость Госпожѣ д'Арлевиль, вставъ съ постели и уступивъ ей комнату. На что *Неспускаловъ* согласился не прежде, какъ онъ побожился, что ему дѣйствительно стало легче.

Бернардъ занемогъ было коликою. . . Чему дивиться, ска-

залъ Неспускаловъ, какъ мы были уже въ саду, куда пошли, чтобъ оставить всю хижину въ распоряженіе Госпожи д'Арлевиль. . . . „Чему дивиться, что „занемогъ онъ колотьемъ! Тамъ, „гдѣ мы сего дня ночевали, пре„скверное было пиво и негодная „вода: онъ не согласился по мо„ему пить одну только водку. „Правда, я себя порядкомъ и „употчивалъ; но онъ за то тер„зался какъ будто отъ прокля„тія. Къ щастію еще нашему „что повстрѣчались мы съ этимъ „добрымъ молодцомъ, которой „насъ пустилъ къ себѣ, и осо„бливое попеченіе имѣлъ о Бер„нардѣ; потому что я, правду „сказать, былъ уже не въ состо„яніи; да *по мнѣ все равно*; я деньги „истрясъ, какъ будто ихъ и не „бывало, въ барышахъ только „тѣмъ, что жажду утолилъ."

Я прервалъ его, спросивъ, по какому случаю мы встрѣтились тутъ. . . „Изволишь видѣть! „развѣ ты не знаешь? . . . Бернардъ увѣдомилъ меня, что Юлія дала Лизѣ деньги, чтобъ купить ему отставку и доставить тѣмъ случай на ней жениться. Считая по числамъ, догадался я, что это было первое употребленіе командорскаго благодѣянія съ стороны Юліи.

„Что принадлежитъ до меня, „говорилъ *Неспускаловъ*, то я от„просился на нѣсколько дней въ „отпускъ, чтобъ только прово„дить Бернарда. Здѣсь намъ „должно разстаться, но я не хо„чу его оставить больнаго, и „прежде, нежели мы разлучимся, „надобно намъ эти проклятыя „льдины, которыя онъ глоталъ „вчерась, разогрѣть добрымъ „виномъ; мнѣжъ пить такъ хо-

„чется, какъ будто бы теперь „были каникулы. . . .„ Тутъ позвали меня ѣхать, богомолка была нетерпѣлива, и я только что успѣлъ ихъ обнять.

ГЛАВА 43.

Не удивитъ никого.

„Тебѣ знакомы эти люди?„ спросила меня Госпожа д'Арлевиль, сдѣлавъ при концѣ своей рѣчи такой видъ, которой употребляютъ, когда хотятъ сказать: и какъ тебѣ не стыдно! . . . „Такъ, „сударыня, отвѣчалъ я: одинъ изъ „нихъ мнѣ лучшій пріятель, мой „истинной другъ„. . . Я присовокупилъ къ отвѣту своему повѣствованіе о тѣхъ знакахъ Бернардова добродушія, коихъ изрядство извѣстно мнѣ было по собственному моему чувство-

ванію. . . „Похвально, что ты „такія вещи не забываешь, сказала она мнѣ; но тебѣ уже можно теперь съ нимъ расплатиться. . . Долгъ денежной давно, „сударыня, заплаченъ, но благодарности ничто въ свѣтѣ удовлетворить не можетъ. . . . „Вотъ хорошо! развѣ ты не чувствуешь, что теперь ты въ „другой уже сферѣ, и долженъ „навсегда съ такими людьми „разстаться. . . На какой бы „верьхъ щастія судьба меня ни „возвела, но я всегда за честь „себѣ поставлять буду имѣть „такого друга, каковъ Бернардъ.... „Однако знаешь ли ты, что обхожденіе съ людьми низкаго состоянія можетъ привести и „самаго тебя въ уничиженіе съ „стороны другихъ?.. Я опасаться сего могу отъ такихъ только людей, которыхъ сужденіе

„обо мнѣ ни мало не можетъ „трогать меня.„ Послѣднія сіи слова произнесъ я нѣсколько возвышеннымъ голосомъ. — Пирамъ вздрогнулъ, и Госпожа д'Арлевиль обратила на него свое вниманіе, или казалась обратившею оное.

Чрезъ нѣсколько минутъ скука заставила меня пожелать, чтобъ время не такъ длилось; я хотѣлъ знать, которой часъ... „Это-то, сказала она мнѣ, славные твои часы? — Такъ сударыня, они самые.„ Она ихъ взяла, разсматривала съ презрительною улыбкою, по томъ отдавая мнѣ ихъ назадъ, произнесла: „Бернардъ твой не очень щедръ на „подарки!„

Я раскрылъ было ротъ, чтобъ отвѣчать; но воздержался и поступилъ очень благоразумно, потому что только бы раздражилъ ее и ни мало не исправилъ. Слѣ-

довательно слова мои были бы напрасны.

Я поспѣшно спряталъ часы свои, и упрекалъ себя, что предалъ ихъ на поруганіе въ руки нечестиваго.

ГЛАВА 41.

Неожидаемость.

По прибытіи нашемъ въ Парижъ я оставилъ Госпожу д'Арлевиль изъявлять всю свою чувствительность къ Пираму, и въ то время, какъ о нездоровьѣ его совѣтовалась она съ Докторами, я побѣжалъ къ матери моей *Простодушиной.* Пришедъ къ дверямъ ея, услышалъ я, что она поетъ, и распознавъ съ первыхъ словъ, что рѣчи и голосъ были ея сочиненія, остановился, чтобъ ихъ подслушать; и вотъ что

услышалЪ: уныло поскрыпывающая самопрялка, присоединяясь кЪ прерывающемуся голосу задыхающейся пѣвицы, составляла родЪ баса.

Судьба всѣхЪ щастливѣй меня здѣсь поставляетЪ,
Когда пріятной видЪ БернардовЪ мнѣ являетЪ.
Увижу вечеромЪ сего дня я его,
ЧьежЪ щастье можетЪ быть ужЪ больше моего?
Его я буду цѣловать,
И обнимать.
ОнЪ женится по томЪ на Лизѣ прелюбезной,
Пріятно зрѣть чету мнѣ будетЪ вЪ страсти нѣжной!
Лизета дѣвочка собою не дурна!
БернардЪ и самЪ хорошЪ, ихЪ парочка ровна.
Сердца ихЪ зрю союзомЪ сплетенны,
На радость старости моей соединенны.

Меня тутъ будутъ цѣловать,
И обнимать.
Судьба всѣхъ щастливѣй меня здѣсь поставляетъ,
и проч. и проч. и проч.

„Такъ, милая моя матушка, „такъ, ты будешь щастлива. „Сегожъ вечера увидишь ты непремѣнно любезнѣйшаго нашего „Бернарда. -- Ахъ, Боже мой! это „ты дражайшее мое дѣтище! „дай же мнѣ себя обнять, какими это судьбами и какъ „знаешь ты, что Бернардъ? . . . „Я встрѣтился съ нимъ на пути. . . Бѣдная Лиза! какъ же „она обрадуется! да и Госпожа „ея! вить она купила отставку „для Бернарда, и это она сдѣлала сколько для того, чтобъ „наградить меня любезнымъ внукомъ, столькожъ и для Лизы, „чтобъ сочетать ее съ любимымъ ею человѣкомъ. — Я по-

„бѣгу увѣдомить ихъ. — Нѣтъ,
„я къ ней сама схожу, мнѣ хо-
„чется прежде всѣхъ принести
„ей эту добрую вѣсточку.„ Съ
симъ словомъ она потащилась къ
Юліи, которая узнала о при-
ходѣ ея по стуку отъ ея ко-
стыля, на лѣстницѣ производи-
мому. . . И она не успѣла еще
спросить, что была за причина
столь поспѣшнаго ея прихода..,
какъ старуха заговорила: — Онъ
„его видѣлъ. Онъ въ доро-
„гѣ. . . Ему только миль съ
„шесть итти осталось. . . Мы
„его сего дняжъ въ вечеру непре-
„мѣнно увидимъ. . .„ Безъ сомнѣ-
нія можно было догадаться, что
рѣчь была о Бернардѣ; но мысли
ея такъ были отъ радости встре-
вожены, что надолго бы можно
было остаться въ невѣденіи о
ея поговоркѣ, естьлибъ не былъ
я всему тому изтолкователемъ.

Нѣтъ надобности сказывать, какъ обрадована была Лиза; собрались всѣ встрѣчать Бернарда. Я былъ въ величайшемъ отъ того восторгѣ; но Госпожа д'Арлевиль не позволила мнѣ быть товарищемъ въ сей пріятнѣйшей для меня прогулкѣ.

За деньги уговорила она лѣкаря ѣхать въ деревню съ Пирамомъ и его лѣчить; разсуждено было, что тамъ этой маленькой скотинкѣ будетъ спокойнѣе, когда она станетъ наслаждаться чистымъ воздухомъ и проч. и проч. и проч. въ слѣдствіе чего и надлежало тотчасъ отправиться въ обратной путь.

Дорогою повстрѣчался я съ милымъ моимъ Бернардомъ; но карета, въ которой я находился, не отъ моей воли зависѣла. Я даже не имѣлъ удовольствія упросить кучера, чтобъ ѣхалъ

тише, и только что успѣлъ Бернарду, опустя стекло, сдѣлать привѣтствіе. Дражайшій мой другъ возвращался къ своей почтенной бабкѣ, сдѣлавшейся, по благотвореніямъ ко мнѣ, и моею матерью. Онъ поспѣшалъ соединить участь съ своею возлюбленною. Я увѣренъ, что присутствіе мое при такомъ случаѣ прибавило бы нѣчто къ его благополучію; но я удалялся. О жестокая необходимость, позволять другимъ располагать своею свободою единственно изъ того, чтобъ быть въ состояніи не терпѣть въ жизни сей недостатку! къ коликимъ пожертвованіямъ ты насъ принуждаешъ!

ГЛАВА 45.

Удаленіе.

Нѣсколько времяни спустя Госпожа д'Арлевиль возвратилась въ Парижъ; на этотъ разъ Аббатъ былъ здоровъ. Впрочемъ предметъ сего путешествія до него и не касался.

Два, или три раза въ году Госпожа д'Арлевиль имѣла обыкновеніе разставаться съ свѣтомъ и уѣзжала для сего на нѣсколько недѣль въ нѣкоторое уединенное мѣсто. Тамъ сохраняла она строгое воздержаніе въ пищѣ; вела жизнь утомленную, не сыпала по цѣлымъ ночамъ, отрекалась совершенно отъ всѣхъ суетъ земныхъ, укрощала остроту, раждающуюся въ ея крови отъ обращенія съ мірскими невѣждами, и возстанов-

ляла въ лицѣ своемъ сей свѣжей и беззаботливость изображающей видъ, которой продолжаетъ всегда молодость всѣхъ богомолокъ. По тогдашней прилѣпленности ея къ небу, вся земля могла бы вверхъ дномъ обратиться, (разумѣется кромѣ ея убѣжища) и спокойствіе затворницы нашей отъ того бы не нарушилось. Чтобъ уклониться совершенно отъ всѣхъ людей, которые чѣмъ нибудь могли поколебать ее и привесть въ искушеніе, то мѣсто уединенія своего она очень часто перемѣняла, и оное никому не было извѣстно. Изъ сего однакожъ изключить надлежало Аббата, которой до такой крайности былъ въ томъ скроменъ, что даже не возможно было увѣдомить духовную дочь его о томъ, что мужъ ея былъ боленъ, и при томъ весьма опасно.

ГЛАВА 46.

Подаетъ поводъ къ новымъ догадкамъ.

Въ день отъѣзда Богомолки въ убѣжище ея, тетка молодаго д'Арлевиля увезла его съ сестрою на нѣкоторое время въ свою деревню. Старой Г. д'Арлевиль хотѣлъ этимъ временемъ воспользоваться и въ тотъ же самой день поѣхалъ со мною для исполненія нѣкоторыхъ своихъ надобностей. Мы отправились верьхами только двое. Проѣзжая мимо одного почти пустаго загороднаго дома, лошадь подъ Г. д'Арлевиль испугалась отъ кинувшейся вдругъ на нее собаки, и сшибла его съ себя такъ, что онъ проломилъ себѣ голову. На помощь прибѣжалъ къ намъ садовникъ, того двора, и мы съ величайшимъ

трудомъ, положа его на носилки, могли донести до дому, гдѣ хозяи совсѣмъ не жили. Этотъ бѣдной человѣкъ, будучи огорченъ симъ приключенiемъ, котораго причиною была его собака, отвелъ моему больному лучшую комнату. Лѣкарь, за которымъ я тотчасъ послалъ въ близъ лежащее мѣстечко, прiѣхавъ и осмотря рану, объявилъ, что не было ни малѣйшей опасности; но что оная легко можетъ произойти, естьли только вздумаютъ тронуть больнаго съ мѣста. Въ слѣдствiе чего надлежало остаться въ семъ чужомъ домѣ, гдѣ изключая садовника одинъ только я былъ хожатымъ за Г. д'Арлевилемъ; но не долго былъ я одинъ.

Я увѣдомилъ мать *Простодушину* о случившемся съ Г. д'Арлевилемъ. — Въ одно время,

какъ онъ не много задремалъ, я вышелъ на крыльцо и стоялъ облокотясь на перилы; какъ другъ увидѣлъ бѣгущую женщину, распотѣвшуюся и всю въ пыли, съ непокровенною головою, съ растрепанными и отъ вѣтра развѣвающимися волосами, она пробиралась къ дому не дорогою, а прямикомъ, не смотря на посѣянной тутъ хлѣбъ, и не чувствуя колющаго ея кустарника. Вскорѣ прибѣжала она ко мнѣ запыхавшись; и какъ подошла ближе.... Кого я узналъ!... Устинью.... Она упала отъ усталости, и долго не могла промолвить ни слова. Напослѣдокъ начала спрашивать о Г. д'Арлевилѣ, прося, чтобъ я ее на нѣкоторое время скрылъ.... Какъ скоро услышала она отъ меня, что въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной д'Арлевиль, въ разсуж-

деніи слабости его, столь мало было свѣту, что съ нуждою можно было видѣть, то бросилась передо мною на колѣни, такъ что я не успѣлъ ей въ томъ и воспрепятствовать, начала упрашивать меня, чтобъ я ввелъ ея туда; и не встала до тѣхъ поръ, пока я на то согласился.

Взошедъ къ нему, она тряслась какъ листъ, потомъ на цыпочкахъ подступя къ кровати, открыла занавѣсъ, и не спускала глазъ съ Г. д'Арлевиля. Время подавать ему лѣкарство наступило, и я его приготовилъ. Устинья, сжавъ руки умилительными знаками, упрашивала меня, чтобъ я позволилъ ей исполнить сіе.... Я отдалъ ей чайную чашку, которую держалъ; она съ восторгомъ ее приняла и закрылась завѣсомъ, чтобъ ее не видно было. . . . Руки ея такъ тря-

слись, что лѣкарства въ чашкѣ едва половина осталась, когда поднесла она его больному.

Пришедшему по томъ садовнику сказалъ я про Устинью, что это была хожатая, которую выписалъ я изъ города.

Она помогая мнѣ въ прислуживаніи Г. д'Арлевилю, старалась умѣрять свою нѣжность; но находясь со мною наединѣ предавалась полному ея стремленію. Въ одинъ день онъ заснувъ, спустилъ съ кровати руку; она осмотря хорошенько, подлинно ли онъ спитъ, подкралась и съ восхищеніемъ ее цѣловала. . . . по томъ бросясь ко мнѣ на шею: „ахъ мой истинной другъ! произнесла она, какимъ благополучіемъ я тебѣ обязана!„

Между тѣмъ молодой д'Арлевиль и его сестра, къ которымъ я писалъ, обѣщали не за-

медлить прiѣздомъ. Богомолка, которой срокъ пребыванiя въ убѣжище ея долженъ былъ скоро кончиться, такжебы не замѣшкалась. По чему и надлежало Устиньѣ насъ оставить. Больной былъ внѣ всякой опасности; и я съ своей стороны обѣщалъ ежедневно о немъ увѣдомлять ее. . . . Разставаясь съ нами, она положила въ мѣшечикъ, которой надѣла себѣ на шею, принаровя его къ самому сердцу, волосы состриженныя съ головы у Г. д'Арлевиля для удобности въ прикладыванiи пластыря.

Вскорѣ всѣ съѣхались. И больнаго можно уже было вести въ его замокъ. Послѣ чего ему присовѣтовали для подкрѣпленiя здоровья ѣхать къ водамъ въ Ахенъ.

ГЛАВА 47.

Успѣхи въ любви.

Нѣкоторыя возложенныя на меня дѣла послужили мнѣ отговоркою отъ сопровожденія его въ семъ пути. Я настоялъ въ томъ со всевозможнымъ искуствомъ любовника, боящагося удалиться отъ своей возлюбленной. . . . Никогда. . . . Нѣтъ. . . . По истиннѣ никогда не имѣлъ я бодрости разстаться съ Аделаидою; послѣдняя моя съ нею разлука въ бытность ея у тетки въ деревни заставила меня узнать, сколь присутствіе ея для меня необходимо. При тогдашнемъ ихъ отъѣздѣ, прощаясь съ братомъ ея, я поцѣловался; тожъ самое сдѣлала со мною и отъѣзжающая ихъ тетка, которая будучи женщина стараго вѣку, обхо-

дилась по просту; Аделаида тутъ же была, я дерзнулъ было сдѣлать движеніе, что хочу подступить и къ ней. . . . Добродушная тетка сочла бы это за обыкновенной обрядъ при прощаньи; увѣренъ я былъ, что не запретилъ бы того и ея отецъ; но Аделаида вдругъ смутилась отъ этого, опасаясь, чтобъ я не воспользовался симъ случаемъ.... Я предузналъ ея страхъ, почтилъ ея строгость, и удовольствовался ея смущеніемъ, которое цѣнилъ весьма для себя выгодно. По возвращеніи ея изъ дороги, чувствуя благодарность ко мнѣ за попечительныя мои прислуги ея отцу, она сдѣлала было нѣкоторое движеніе; ... но стыдливость отъ онаго тотчасъ ее удержала;... однакожъ я понялъ ея намѣреніе, и сердце мое предалось сильнѣйшему очарованію

любви. Тщетно разсудокъ представлялъ мнѣ всѣ невозможности какъ въ зеркалѣ. — „Но „виноватъ ли я? говорилъ я самъ „себѣ. Пусть буду я одинъ терзаться этою страстію. Никогда Аделаида о томъ не свѣдаетъ. . . .„ Несмысленной!... Глаза мои ежеминутно ей то изображали, чего языкъ никогдабъ не осмѣлился произнести.... И ея глаза. . . . Я смѣлъ такъ думать. . . . О любовь! любовь! какъ забавляешься ты надъ слабыми смертными!

Молодой д'Арлевиль былъ отважнѣе меня. Правда, что обладаніе и удостовѣреніе быть любимымъ, съ другой стороны и сыновняя горячность. . . . Коротко сказать, онъ въ силахъ былъ оставить Юлію, чтобъ ѣхать съ отцомъ своимъ.

ГЛАВА 48.

Устинъ или Феликсъ.

Съ самаго того времяни, какъ предпринято было сіе путешествіе, стали искать хорошаго слугу, которой бы могъ съ ними отправиться въ дорогу, не находя ни одного изъ бывшихъ въ домѣ Г. д' Арлевиля къ тому способнымъ. Я писалъ о томъ къ матери *Простодушиной*, чтобъ она при помощи Лизы, постаралась сыскать такого, какъ имъ хотѣлось. Все требуемое отъ Г. д' Арлевиля состояло только въ томъ, чтобъ былъ онъ рачителенъ въ прислугахъ больному; а онъ съ своей стороны, сверхъ хорошей платы и благосклоннаго съ нимъ обхожденія, обѣщалъ во время пути помѣстить его съ собою въ ка-

рете и проч. Несколько дней спустя после письма моего, незнакомой велелъ меня вызвать. Я вышелъ. . . . Но съ кемъ же встретился! . . . съ Устиньею въ мужскомъ платьѣ. Волосы и брови у ней были подчернены, одѣта опрятно, на шеи большой галстукъ, однимъ словомъ, столь хорошо она была переряжена, что съ перваго взгляду я и самъ не узналъ ее. „Тебѣ я уже очень „много обязана, сказала она мнѣ; „но доверши свои благодѣянія, „представь меня Господину д'Арлевилю вмѣсто слуги; и сдѣлай „мнѣ это щастіе, чтобъ я могла ѣхать съ нимъ въ Ахенъ. „

Я хотѣлъ ей говорить о невозможностяхъ; но убѣдительныя прозьбы ея и слезы все то опровергли. Надлежало исполнить ея желаніе. Я доложилъ объ ней, какъ о человѣкѣ хоро-

шаго состоянія, испытавшемъ превратность щастія и только что выздоровѣвшемъ послѣ болѣзни; однимъ словомъ я сказалъ, что могъ въ ея пользу, и всѣ силы употребилъ, чтобъ извинить смущеніе, которое могло быть въ ней замѣчено, въ чемъ и предуспѣлъ наилучшимъ образомъ. Какъ я повелъ ее, то дошедъ до дверей той комнаты, гдѣ былъ желавшій видѣть ее, она принуждена была сѣсть, и почувствовавъ величайшее въ себѣ сотрясеніе, готова была упасть въ обморокъ. Но смятеніе сіе не болѣе минуты продолжалось. — Она встала — „Пойдемъ скорѣе, рѣшительно молвила мнѣ, я собрала всѣ свои „силы.„ — И дѣйствительно вошла она съ видомъ самаго спокойнаго человѣка, и отвѣчала весьма хорошо на сдѣланные ей во-

просы. Когда Г. д'Арлевиль спросилъ, какъ ее зовутъ? — *Устиномъ*, отвѣчала она. Г. д'Арлевиль завязывалъ тогда на спальномъ своемъ колпакѣ ленту ... лента выпала изъ его перстовъ и руки его остались на нѣсколько времяни возвышенными, какъ будто бы еще держали оную... „*Устиномъ?*„ повторилъ онъ прерывающимся голосомъ, сдѣлавъ нѣкоторое изъ себя движеніе. Потомъ помолчавъ не много, *я бы желалъ*, произнесъ онъ, взявшись опять за ленту и продолжая ее завязывать, но махинально; *да, я желалъ бы, чтобъ прозывался ты иначе* . . . Естьли имя мое вамъ не нравится, милостивой Государь, то. ... „О! нѣтъ, съ жаромъ „отвѣчалъ онъ, нѣтъ напротивъ; „но я хотѣлъ бы, чтобъ принялъ „ты на себя другое. — Хорошо „сударь, такъ извольте меня

„звать *Феликсомъ.* Я слыхалъ, „что имя сіе означаетъ щастли„ваго; и я буду таковымъ, ког„да вы заблагоразсудите при„нять меня къ себѣ въ услуже„ніе. — Я не менѣе буду самъ „доволенъ, естьли не ошибусь „въ томъ предубѣжденіи, кото„рое получилъ я въ твою поль„зу. . . . Ты поселилъ во мнѣ о „себѣ сострацаніе. . . „ Отъ сихъ словъ сердце Устиньино крайне стѣснилось. Усматривая, что изъ глазъ ея скоро брызгнутъ слезы, я напомнилъ Г. д'Арлевилю, что человѣкъ сей, пришедшей пѣшкомъ, слишкомъ усталъ и имѣетъ нужду въ отдыхѣ; въ слѣдствіе чего и вывелъ ее тотчасъ вонъ.

Два дни спустя потомъ, Устинья отправилась въ путь съ Г. д' Арлевилемъ и съ его сыномъ, которые во всѣхъ пись-

махъ увѣдомляли, что они не могутъ довольно нахвалиться новымъ своимъ слугою. Приказывать они не успѣвали, Феликсъ догадывался изъ глазъ ихъ, что имъ угодно и старался предупреждать всѣ ихъ желанія. При малѣйшемъ нездоровьи, онъ умножалъ усердіе и горячность свою. Сіе самое было поводомъ, что и они почувствовали къ нему искреннѣйшую привязанность. . . Иначе его не называли какъ *любезнымъ Феликсомъ*, и обращались съ нимъ болѣе по пріятельски, нежели какъ съ слугою.

ГЛАВА 49.

Побочныя дѣти.

Перьвое письмо, которое писала Юлія къ молодому д'Арлевилю, содержало въ себѣ извѣстіе о

признакахъ ея беременности. Она почувствовала оную до его еще отъѣзду, но остерегалась открыться въ томъ ему. Довольно извѣстно, сколь велика и торжественна бываетъ радость ощущаемая молодою женщиною, которая надѣется быть матерью. Не трудно вообразить себѣ и то, до какой степени радость сія должна быть возвеличена, когда виновникъ оной бываетъ столь нѣжно и страстно любимъ, какъ молодой Г. д'Арлевиль. Сообразяжъ все сіе посудить должно, чего стоило Юліи таиться отъ него; но она имѣя къ нему истинную любовь, не хотѣла допустить до того, чтобъ пожертвовалъ онъ ей обязанностію своею. Можетъ быть разлука съ нею болѣе бы стала терзать его, естьлибъ онъ передъ отъѣздомъ своимъ узналъ новыя свои

права на ея горячность. Но она всему тому противоположила больнаго отца въ чужестранной землѣ. . . . Д'Арлевиль узнавъ о томъ, утѣшалъ себя съ своей стороны тѣмъ, что Юлія согласится на убѣдительныя его прозьбы выпти за него тайно за-мужъ. И сіе по тому казалось ему вѣроятнѣе, что она не захочетъ отказать въ наименованіи супругомъ отцу своего робенка, которой безъ сего по законамъ не могъ имѣть никакого имяни, никакого званія, никакой фамиліи.

„Напротивъ, отвѣчала Юлія въ письмѣ своемъ къ Г. д'Арлевилю, сіе-то самое и понудитъ его болѣе изощрять свои дарованія и шествовать по стезямъ добродѣтели, до которой неминуемо онъ и достигнетъ, потому что станетъ въ томъ заблаговремянно чувствовать не-

обходимость. Подверженъ будучи укоризнамъ непросвѣщенныхъ и злоязычниковъ, услужливость его будетъ ему снискивать благосклонность, а достоинства его доставятъ ему оную. Естьли дерзнетъ кто поругаться ему, то гордѣливый его видъ предупредитъ сіе, а храбрость накажетъ. Но кто можетъ быть столь жестокосердъ въ разсужденіи творенія долженствующаго стараться личными качествами замѣнять недостатокъ своей породы, чему онъ ни мало не виною!...„

„*Только и щастливыхъ на свѣтѣ, что эти дѣти*, говорятъ невѣжды; но благоразумной человѣкъ сказать долженъ: *что имъ только и должно употреблять всѣ средства, чтобъ научиться управлять своею участію.* Въ самомъ дѣлѣ тѣ, которымъ служитъ

подпорою родѣ ихѣ, находятѣ себя принужденными при нѣкоторыхѣ только случаяхѣ противуборствовать превратности щастія, и не бывѣ кѣ тому издавна пріуготовлены, рѣдко они вѣ томѣ успѣваютѣ. По породѣ будучи приняты во всѣ общества, они избавлены труда, какѣ бы посредствомѣ купли, вѣ оныя домогаться. Стеченіе постороннихѣ уваженій обращаетѣ на нихѣ ласку каждаго, такѣ что не имѣютѣ они надобности употреблять напряженіе всѣхѣ своихѣ силѣ для снисканія себѣ благосклонности чрезѣ самихѣ себя. Напослѣдокѣ, знатность, родня, чины, имущества, сооружаютѣ вѣ пользу ихѣ такую груду, которую побочной сынѣ можетѣ перевѣшивать одними только личными своими достоинствами. Сѣ ребяческихѣ еще

лѣтъ онъ начинаетъ чувствовать необходимость дать себѣ цѣну чрезъ самаго себя, и заблаговремянно прилѣжитъ къ тому... удивительно ли, что онъ бываетъ иногда благополученъ! Но я говорю *благополученъ*, употребя простонародное изреченіе. *Настоящее его благополучіе*, какъ я уже сказала, *заключается въ искуствѣ управлять своимъ щастіемъ.*"

"Но упоминая о главнѣйшихъ преимуществахъ сихъ дѣтей, надо сдѣлать замѣчаніе, что оныя и любимы бываютъ отъ родителей всегда болѣе. Причиною тому полагаютъ то, *что эти дѣти рожденны отъ любви.* Хотя симъ именемъ назвать можно и всѣхъ рожденныхъ отъ согласныхъ браковъ; однакожъ изъ опытовъ мы видимъ, что ихъ любятъ съ отличною горячно-

стію. Да и какъ иначе? Величайшая нужда въ подпорѣ дѣлаетъ на ихъ сторону перевѣсъ. Обида сдѣланная имъ отъ родителей болѣе уполномочиваетъ ихъ на всѣ священныя права. . . . Въ сердца отцовъ и матерей сама природа вложила горячность; но сколь оная должна быть стремительнѣе и сильнѣе, когда обращается къ предмету предоставленному единственно на произволъ судьбы!„

Нѣтъ, мой другъ! не напоминай мнѣ о бракѣ. — Когда мы останемся въ теперешнемъ нашемъ положеніи, то я болѣе, гораздо болѣе надѣюсь быть тобой любима. А когдабъ соединились мы однажды навсегда неразрывными узами, то почемъ знать?... Ахъ! нѣтъ, нѣтъ. . . . Я столько видѣла этому примѣровъ. ... Короче сказать, мой

милой другЪ, я хочу на вѣкЪ остаться вЪ своемЪ заблужденіи. Любя тебя чрезмѣрно, я страшусь подвергнуться упрекамЪ твоего разсудка и справедливымЪ негодованіямЪ твоихЪ родныхЪ. Теперь я обладаю тобою безЪ всякаго помѣшательства, сЪ совершеннымЪ спокойствіемЪ; но лишь только сдѣлаюсь твоею супругою, то родственники твои захотятЪ тебя отнять у меня. Хотя они вЪ томЪ и не успѣютЪ, однакожЪ станутЪ стараться и тѣмЪ щастіе наше разрушатЪ. . . . Могу ли я даже и сама не опасаться, что время уменьшитЪ твою любовь! . . . Прости, меня, любезнѣйшій человѣкЪ! прости великодушно, что я это тебѣ сказала. Когда мы щастливы, то на что стараешься ты быть еще щастливѣе? Во вся-

комъ родѣ ненасытливость бываетъ наказана. Впрочемъ будь увѣренъ, что ты чрезъ наименованіе жены не получишь страстнѣйшей для себя любовницы, ни матери къ робенку нашему болѣе горячности изполненной, какова есть и на всю жизнь пребудетъ

Твоя Юлія.

ГЛАВА 50.

Вотъ какъ любятъ!

Госпожа д'Арлевиль расположилась возвратиться въ Парижъ: мы поѣхали въ каретѣ, въ которой Аббатъ Фалаціо сѣлъ съ нею въ большомъ мѣстѣ, я противъ него, а Аделаида противъ мачихи. Безсовѣстной лицемѣръ пользовался положеніемъ мѣста, устремляя часто свои взгляды на

Аделаиду; чего замѣтить Госпожѣ д'Арлевиль никакъ было не льзя; но я не спуская съ нее глазъ ни на минуту, безсиленъ изобразить, что тогда чувствовалъ!... Я готовъ былъ измѣнить самъ себѣ, какъ Аделаида, вдругъ кинувъ на меня утѣшительной взоръ, сказала нарочно, будто ей холодно и закуталась вся капишономъ. По томъ притворилась она, будто ей хочется здремать, и прислонилась къ углу такимъ бразомъ, что одинъ только я, и то чуть чуть могъ видѣть закутанное ея лицо. Горе тому, кто не можетъ себѣ представить того, что я на тотъ разъ чувствовалъ! Тому конечно не свѣдомо очарованіе любви.

По пріѣздѣ нашемъ мы оба съ Аббатомъ подали дамамъ руки, чтобъ принять ихъ изъ кареты. Госпожа д'Арлевиль опер-

лась на насЪ обоихЪ равно. Я трепеталЪ, чтобЪ не сдѣлала тогожЪ и Аделаида. ВЪ то время, какЪ она протягивала руку, которую хотѣла подать Аббату, вдругЪ взглянула на меня, и безЪ сомнѣнія усмотрѣвЪ изЪ глазЪ моихЪ, что происходило вЪ моей душѣ, тотчасЪ отдернула ее у него, притворясь, будто она нужна ей была, чтобЪ придержать салопЪ и оперлась на одного только меня. ... Моя была у ней подмышкою... Пріятнѣйшее прикосновеніе!.... КакЪ ни мгновенно было оно; но никакой бы нашЪ разговорЪ не могЪ быть столь выразителенЪ! ПритомЪ же мы ничего не боялись, потому что не разговаривали, и молчно предавались такимЪ образомЪ, сколько было возможно, всему упоенію любви.

Я уже не могъ жить ни одной минуты безъ Аделаиды. Когда уходила она въ свою комнату и мнѣ не возможно было ее видѣть, тогда я замѣнялъ потерю тѣхъ часовъ, слушая ея. Комнаты наши отдѣлялись темнымъ коридоромъ, изъ котораго была къ ней одна заколоченная дверь. Все то время, какъ Аделаида бывала въ своей спальнѣ, я препровождалъ въ томъ мѣстѣ. Тамъ прикладывая ухо къ двери и прислушиваясь къ малѣйшему шуму, ощущалъ я радость. Ходила ли она? Я принаравливалъ мое дыханіе къ ея шагамъ. Разговаривала ли съ своею птичкою? Всякое къ ней ласковое слово пріобщалъ я къ своему сердцу. Даже когда бывала она въ шолковомъ платьѣ, то и шорохъ отъ него приводилъ меня въ радостный восторгъ.

Но сколь чувства мои бывали упоены, когда она взявъ свою арфу, припѣвала нѣжныя пѣсенки! ... Иногда послѣ куплетовъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ нашему положенію, она останавливалась. . . . и я слышалъ ея вздохи. . . . Тогда - то бросясь на колѣни и обратясь къ раздѣляющей насъ двери, проклиналъ оную за то, что была мнѣ препятствіемъ, и въ тожъ время благодарилъ за доставляемое мнѣ удовольствіе. . . . Среди сего моего изступленія я удивлялся, какъ моя душа изъ меня не вылетитъ . . . . Будучи совсѣмъ преданъ прелести воспламененнаго моего воображенія, я стоялъ на колѣняхъ, соединялъ во едино ея вздохи, дышалъ ея дыханіемъ, глоталъ даже воздухъ наполняющей атмосферу ее окружающую. ... О! любовь! любовь!

какъ бы можно было жить, лишась такихъ прелестныхъ наслажденій, естьлибъ послѣ не оставалось намъ отрады въ воспоминаніяхъ, или въ надеждѣ!.....

ГЛАВА 51.

Злоумышленіе.

Соперникъ мой не менѣе моего день отъ дня дѣлался страстнымъ. Всякой разъ, какъ могъ онъ обращать свои взоры на Аделаиду украдкою отъ Госпожи д'Арлевиль, то видъ его казался смущенъ и преисполненъ вождѣленія; глаза его сверкали; брови одна другой касались; изъ движенія его щекъ замѣтить было можно скрежетаніе зубовъ; ноздри раздувались; кулаки сжимались; кости въ ногахъ трещали. Однимъ словомъ, глядя

на него можно было представить себѣ лѣшаго, внутреннимъ пламенемъ згорающаго, или чудовища занимающагося какимъ нибудь мерзскимъ умысломъ. Сія-то послѣдняя мысль меня и огорчала. Время показало, сколь подозрѣніе мое было основательно.

Въ одинъ день по необходимымъ нуждамъ вышедъ со двора и возвратясь домой, услышалъ я, что Госпожа д'Арлевиль съ своею горнишною служанкою пошла къ вечерни, что всѣ слуги разосланы были отъ Аббата за разными дѣлами; наконецъ что кромѣ старой дворницы, которая мнѣ то разсказывала, дома остался только Аббатъ и Аделаида. . . *Аббатъ* и *Аделаида!* повторилъ я съ тайнымъ предчувствіемъ . . . и съ этимъ словомъ очутился въ темномъ коридорѣ. Первое, что поразило мой

слухъ, былъ стукъ произшедшій отъ повалившагося стола, или стула. Я приложилъ ухо и вскорѣ услышалъ двухъ человѣкъ ворочающихся и ни слова не говорящихъ. Тотчасъ я бросился къ двери, и вышибъ ее однимъ ударомъ. . . . Какое зрѣлище представилось моему взору!... Аделаида почти задушенная вложеннымъ ей въ ротъ платкомъ, обѣ руки ея связанныя лентами, волосы растрепанныя, и все платье въ безпорядкѣ. Аббатъ вооруженной кинжаломъ предоставлялъ ей на выборъ лишеніе чести, или смерть. . . Онъ увидѣвъ меня, покинулъ ее и бросился съ тѣмъ кинжаломъ ко мнѣ; но оружіе его переломилось объ ребро мое... Я вмигъ его повергъ на полъ; одною рукою держалъ его, и въ то время, какъ ревелъ онъ подъ колѣномъ, которымъ я его давилъ,

другою поднявъ обломокъ вы-
роненнаго имъ кинжала хотѣлъ
было очистить свѣтъ отъ чудо-
вища; но Аделаида крикомъ сво-
имъ меня до того не допустила.
Руки у ней спутаны еще были,
и платокъ былъ еще во рту у
ней; чтобъ освободить ее отъ
того и другаго, я оставилъ Аб-
бата, которой воспользуясь симъ
временемъ, бросился къ ногамъ
нашимъ и сталъ упрашивать
насъ убѣдительнѣйшими слова-
ми, какія только можетъ употре-
бить устрашенный подлецъ. . . .
Мщеніе изчезаетъ, когда опа-
сность проходитъ. Онъ казал-
ся раскаивающимся отъ чиста-
го сердца. Мы его простили съ
такимъ условіемъ, чтобъ онъ
оставилъ въ непродолжитель-
номъ времени домъ нашъ; а до
тѣхъ поръ не смѣлъ бы даже
и глядѣть на Аделаиду. Онъ все

обѣщалъ съ клятвою; и признаваясь во всемъ искренно, сталъ разсказывать, что издавна питалъ въ себѣ сей умыселъ, которой рѣшился въ тотъ день произвесть въ дѣйство. Задумавъ о исполненіи сего еще съ утра, онъ искуснымъ образомъ положилъ въ подаваемой Аделаидѣ кофе соннаго порошку; она едва успѣла дойти до своей комнаты, какъ предалась сну. Тогда вошелъ онъ къ ней съ помощію поддѣланнаго ключа, завязалъ ей руки такъ, чтобъ ничто не помѣшало ему въ гнусномъ его предпріятіи, въ ротъ ей вложилъ платокъ, а другимъ увязывалъ ноги, какъ стала она просыпаться... А хотя бы проснувшись могла она и защищаться, но взятыя имъ мѣры были таковы, что лишили бы ее всякой возможности къ сопротивленію,

а емубъ доставили побѣду, естьлибъ я не подоспѣлъ къ ней на помощь.

Я былъ внѣ себя, слушая отъ него объ ужасномъ томъ умыслѣ; но когобъ не могъ я простить, видя столь нѣжчое участіе, какое брала во мнѣ Аделаида! а особливо когда кровь текущая изъ моей раны показалась на моемъ платьѣ. . . „Ахъ „Боже мой! ты раненъ! вскри„чала она затрепетавъ. Госу„дарь мой! (оборотясь къ Абба„ту) я заклинаю васъ, чтобъ „вы бѣжали за самымъ иску„снымъ лѣкаремъ. Усердіе ваше „въ семъ случаѣ одно въ состо„яніи уменьшить гнусность ва„шего преступленія. Подумайте, „что его жизнь. . . „ На семъ словѣ она остановилась; но оборотилась ко мнѣ и взглядомъ окончила рѣчь свою. Мой взоръ до-

вольно давалъ ей разумѣть, сколько жизнь моя дѣлалась мнѣ драгоцѣнною отъ того, что она такъ ею дорожила.

Между тѣмъ я увѣрилъ ее, что рана моя была не опасна. Цѣлительная вода, которою я тотъ часъ примочилъ, остановила теченіе крови. Пришедшему лѣкарю почти нечего было и дѣлать. Я въ нѣсколько дней былъ совсѣмъ здоровъ — и не переставалъ ходить въ темной мой коридоръ. Не только бывалъ я тамъ днемъ въ то время, какъ находилась Аделаида въ своей комнатѣ; но оставался часто и большую часть ночи, не очень полагаясь на Аббатовы клятвы. Тщетно старался я въ нихъ удостовѣриться. Не знаю, что-то отвращало меня отъ сей къ нему довѣренности. Мнѣ казалось, что взгляды его были тогда об-

манчивѣе прежняго. И мнѣ не возможно было изтребить изъ себя мысли, что выдумаетъ онъ какое нибудь новое преступленіе; я счелъ бы Аделаиду погибшею, естьлибъ пренебрегъ хотя на одну минуту мое же за нею надзираніе.

ГЛАВА 52.

Арестъ.

Въ шестомъ часу утра я получилъ письмо отъ Бернарда. Оно принесено было ко мнѣ присланнымъ отъ него мальчикомъ весьма исправнымъ въ своей должности. Какъ збирался я отвѣчать ему на сіе письмо, то увидѣлъ вдругъ вошедшихъ ко мнѣ въ горницу трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ мнѣ, что онъ Полицейской приставъ

и имѣетъ повелѣніе взять меня подъ стражу. Въ первомъ моемъ движеніи я бросился было взять шпагу; но два другіе прислужника у меня ее вырвали. Приставъ же началъ мнѣ говорить самымъ честнымъ образомъ, что упорство мое можетъ произвести одинъ только шумъ, которой не только что безполезенъ будетъ; но непремѣнно сдѣлаетъ участь мою еще тягчайшею; вмѣсто того что покорность побуждаетъ всегда къ снисхожденію. Мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ знать, въ чемъ я былъ виноватъ, потому что не только ничего не дѣлалъ, но и не говорилъ непозволительнаго. — „Долгъ мой, сказалъ мнѣ при„ставъ, взять тебя подъ караулъ, „а болѣе сказать тебѣ я ничего не „могу. Я очень вѣрю, что ты „не виноватъ; самой твой видъ

„предупреждаетъ всякаго въ „твою пользу, и признаться „должно, что мнѣ тебя жаль; „но я долженъ исполнить повелѣнное, надлежитъ и тебѣ тоже сдѣлать. Все, чѣмъ я могу „тебѣ служить, состоитъ въ „томъ, что замолвлю за тебя „словцо Губернатору замка Ифъ, „чтобъ сдѣлалъ онъ заточеніе „твое для тебя сноснѣйшимъ: „онъ ко мнѣ хорошо расположенъ „и я въ состояніи тебя увѣрить, „что по моей рекомендаціи онъ „будетъ за тебя ходатаемъ у „Министра. Но вотъ уже сколько времени прошло у насъ „понапрасну. Я могу чрезъ то „получить себѣ выговоръ. Сей „часъ, Государь мой! сей же часъ „поѣдемъ!„

Я сдѣлался какъ истуканной. Всѣ мысли мои въ такомъ были волненіи, что я не зналъ на

чемъ и остановить ихъ. Приставъ воспользовался моимъ смущеніемъ, и выведши меня, посадилъ въ карету дожидавшуюся на концѣ улицы. Каретной стукъ извлекъ меня изъ углубленія, и тогда-то вообразилъ я себѣ весь ужасъ моего положенія. Не зная, ни вѣдая за что въ тюрмѣ, и какъ долго заключеніе мое продолжится; разлученъ съ друзьями, съ добродушною моею матерью, съ обожаемою и вселюбезнѣйшею Аделаидою!... Два источника слезъ оросили мои щеки. — О Аделаида! о ты, съ которою не могъ я разстаться ни на одну минуту! сколько вѣковъ можетъ пройти, пока возможно мнѣ будетъ насладиться твоимъ лицезрѣніемъ!.... Ахъ! почему знать, можетъ быть и навсегда я долженъ оставить ее... Великій Боже! лиши - лиши меня сей же

часъ дарованнаго тобою мнѣ бытія; но ниспосли благость Твою на Аделаиду!... Будучи въ разлукѣ съ отцомъ своимъ и братомъ, во мнѣ одномъ находила она защитника противъ чудовища. . . и меня у ней отымаютъ! Какъ можетъ она теперь избѣгнуть злоумышленій сего гнуснаго человѣка? Всемогущій Господи! неуже ли Ты произвелъ сіе столь совершенное твореніе единственно для того, чтобъ предать его на жертву преступленію!

Приставъ хотѣлъ нѣчто мнѣ сказать въ утѣшеніе; но я преданъ будучи совершенно удручающей меня скорби, не слыхалъ того, что онъ говорилъ, и потому онъ разсудилъ лучше молчать. Мы ѣхали такимъ образомъ нѣсколько уже часовъ, какъ сильной толчокъ и крикъ пристава и его двухъ товарищей

вывели меня изъ моей задумчивости. У кареты нашей изломалась ось. Мы были тогда подлѣ корчмы одной деревни совсѣмъ почти пустой; надлежало въ нее войти, чтобъ дождаться повозчика нашего, которой отправился за людьми намъ на помощь въ ближнее селенїе, около полумили отъ того мѣста отстоящее. Въ корчмѣ была одна комната, слѣдовательно и выбирать не изъ чего.

ГЛАВА 53.

Два средства.

Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, увидѣли мы идущаго къ той же корчмѣ солдата, съ трубкою во рту и въ розхмѣль. Шляпа надѣта была на немъ угломъ впередъ выше лба, саблю при-

придерживалЪ онЪ одною рукою, а другою велЪ сЪ собою дѣвку и шатался сЪ нею изЪ стороны вЪ сторону. Оба они во все горло орали удалую пѣсню. НаконецЪ взошли кЪ намЪ; солдатЪ взглянувЪ на меня, остановился, точно какЪ будто бы увидѣлЪ онЪ Медузину голову; вынялЪ изЪ рта трубку, оставилЪ дѣвку, покачнулся сперва назадЪ, потомЪ впередЪ, и бросился вЪ мои объятія, закричавЪ: „душа изЪ меня вонЪ! „это онЪ! это мой любезной „другЪ! Гей! хозяйка, скорѣй ви„на! да смотрижЪ самаго хоро„шаго, я плачу за все. ЧортЪ „меня возьми! коли это не пре„красная встрѣча. Я вчерась „взялЪ должку; и теперь еще „сЪ похмѣлья; но по мнѣ все „равно. Однако разскажи мнѣ по„жалуй, по какому дьявольскому „случаю нахожу я тебя здѣсь?„

Между тѣмъ какъ изыскивалъ я, что мнѣ отвѣчать *Неспускалову* (читатель догадается, что нѣкому быть иному кромѣ его: полкъ ихъ стоялъ на квартирахъ въ томъ мѣстечкѣ, подлѣ котораго мы находились), приставъ сказалъ, что ему до того нужды? и произнесъ то съ угрюмымъ и грознымъ видомъ, свойственнымъ людямъ сего состоянія. . . „Какъ! что мнѣ нужды! развѣ не слыхалъ ты, что онъ мой другъ„ . . . Вождь мой началъ говорить тѣмъ же голосомъ и опять почти тоже. . . „Слушайка дружище, отвѣчалъ ему „*Неспускаловъ*, вотъ уже въ другой разъ проговариваешь ты „мнѣ съ грубостію; берегись „сказать въ третій. „ Промолвя это, онъ положилъ трубку на столъ, шляпу съ стремленіемъ передвинулъ на ухо и рукою

схватился за саблю. — „Поз-
„вольте, сказалъ я приставу,
„чтобъ я ему отвѣчалъ. — Ему
„и не хотя то позволить долж-
„но, сказалъ *Неспускаловъ*. Чортъ
„меня возьми, естьли я его не
„принужу. Посмотримъ, вѣрно
„есть какой нибудь подъ кре
„постью подкопъ; мнѣ непремѣн-
„но должно знать это. Разска-
„зывай мнѣ все, и ничего не
„утаи.„

Я объявилъ ему обо всемъ обстоятельно, думая, что услыша верховное обо мнѣ повелѣніе, уменшитъ онъ свою горячность; но худо его зналъ. Я увидѣлъ его при концѣ моего повѣствованія сжимающаго кулаки, поскрипывающаго зубами, и взирающаго на проводника моего пламенными глазами; а когда я сталъ было его уговаривать. — Какъ! произнесъ онъ, вставъ

скоропостижно съ своего мѣста, ты думаешь, что я позволю вести тебя какъ преступника, тогда какъ совѣсть твоя чиста, и ты себя ни въ чемъ упрекнуть не можешь. — Ни въ чемъ отвѣчалъ я, но тѣмъ не менѣе долженъ повиноваться. — Я легче сквозь землю провалюсь, произнесъ онъ, нежели это вытерплю! Какой нибудь плутъ обманулъ нашего Короля, и поддѣлъ у него этотъ указъ; но *по мнѣ все равно*: пусть утону я лучше въ водѣ, пусть лучше я во весь вѣкъ ни капли вина не буду пить, чѣмъ допущу до этаго беззаконія! Слушай, Государь мой! ты, которому все это препоручено, долженъ его отпустить, и не позже какъ сіюжъ минуту. . . . Не торгуйся, потому что взять у меня нечего? Исполняй, что тебѣ говорятъ, а то. . . . . .

Алгвазилъ хотѣлъ поспорить; но *Неспускаловъ* не допустилъ его до того. Онъ выдернулъ саблю; приставъ и два его прислужника обнажили также свои шпаги; и всѣ трое вдругъ напали на него. Я сокрушаясь, что не имѣлъ оружія для вспомоществованія *Неспускалову*, бросился между ими, боясь, чтобъ не погибъ онъ отъ превосходства силъ. — „Не мѣшай мнѣ, вскричалъ онъ, толкнувъ меня столь сильно, что я повалился на стулъ, не мѣшай!... Я управлюсь съ этими бездѣльниками!„ и въ то время онъ подвигался къ стѣнѣ, чтобъ они его не окружили. По томъ началъ размахивать своею саблею во всѣ стороны, и при всякомъ на несенномъ имъ ударѣ оставлялъ на нихъ знаки.

Три противника его начали уже отступать; какъ новое дѣй-

ствующее лицо подоспѣло и удержало ихъ оружіе. Сраженіе остановилось. Я взглянулъ. . . . и когожъ узналъ. . . . Великій Боже! друга моего! любезнѣйшаго Бернарда! Я кинулся мгновенно въ его объятія. *Неспускаловъ* пожалъ ему руку, не хотя оставить своей сабли до тѣхъ поръ, пока другіе не вложили своихъ въ ножны. — „Повѣришь ли ты, сказалъ онъ Бернарду, что эти трое полуумные хотѣли увезти друга нашего въ тюрьму. . . Да еще у меня изъ подъ носу! и говорятъ, будто они имѣютъ на то какой - то приказъ. . . . — Мнѣ все извѣстно, произнесъ Бернардъ, и я пріѣхалъ сюда не по нечаянности, но съ намѣреніемъ освободить его, и хочу употребить къ тому средство миролюбивѣйшее, а можетъ быть и удачнѣйшее, нежели твое. Государь

мой, сказалъ онъ на ухо приставу, вотъ кошелекъ изрядно наполненной, рѣшитесь. . . . Посмотримъ, какъ-то онъ не рѣшится, примолвилъ *Неспускаловъ*. Не мѣшкай, выбирай скорѣй любое, кошелекъ, или саблю. Полно умничать, скорѣе! — По истиннѣ, милостивые Государи, я не намѣренъ долѣе противиться, избираю кошелекъ; но помыслите, сколь важно для меня, чтобъ вы тайну эту сохранили.„

Съ сей самой минуты все приведено было въ порядокъ. . . . у Бернарда была добрая карета. *Неспускаловъ*, провожая насъ, сказалъ потихоньку, что онъ пристава до тѣхъ поръ не выпуститъ, пока мы уѣдемъ подалѣе. Мы его обняли и отправились въ путь.

Бернардъ разсказалъ мнѣ дорогою, что онъ увѣдомленъ былъ

о нещастіи моемъ чрезъ своего посланнаго, которой во время, какъ брали меня подъ караулъ, находился у меня, ожидая отвѣту на его письмо. Мальчикъ этотъ былъ весьма смышленъ; онъ не забылъ ни одного слова изъ моего съ приставомъ разговора, и замѣтилъ всего болѣе наименованіе замка Ифъ. Онъ слѣдовалъ за нами даже до кареты, которую разсмотря со всею упряжкою, описалъ весьма обстоятельно. Бернардъ бросился тотчасъ къ Юліи. Сія-то благодѣтельная особа велѣла ему нанять почтовую карету, дала денегъ, чтобъ подкупить Алгвазиловъ, и ввѣрила нѣкоторую сумму для врученія мнѣ, чтобъ ѣхать съ оными въ чужіе краи. Естьлибъ была она здорова, тобъ сама отправилась съ Бернардомъ, чтобъ посша-

раться о моемъ освобожденіи, и чтобъ доставить всевозможную отраду зависящую отъ нее. Она соболѣзновала, что не имѣла на тотъ разъ болѣе денегъ; но приказала меня просить со всѣми знаками нѣжнѣйшаго дружества, дабы я позволилъ ей прислать къ себѣ еще, какъ скоро у ней будутъ. Наконецъ препоручила Бернарду, чтобъ проводилъ меня до границы, и разстался бы со мною тогда, какъ я буду уже внѣ всякой опасности. Другъ мой все ввѣренное ему со всевозможною исправностію исполнилъ. Онъ покинулъ меня на Брабантскихъ границахъ, откуда мнѣ должно было отправиться въ Голландію.

Я не въ состояніи описать того, что происходило въ душѣ моей во время его разсказыванія; не буду я упоминать также и

о моемъ съ нимъ прощанiи, ниже о всемъ томъ, что я чувствовалъ къ нему, къ благотворительной Юлiи, къ матери нашей *Простодушиной*; къ доброй Устиньѣ, не говоря уже объ Адел. . . . . .

ГЛАВА 54.

Французъ въ иномъ Государствѣ.

Изъ Антверпена въ Амстердамъ я отправлялся въ почтовой каретѣ, въ которой имѣлъ себѣ товарищами Голландца и своего одноземца. Сей послѣднiй разчесанъ былъ, какъ будтобъ ѣхалъ на балъ, въ самомъ модномъ фракѣ, съ маленькою тросточкою. Обхожденiе его было многословно, произношенiе высокопарно, и весь его видъ изъявлялъ самохвала. Лишь только двери у ка-

ре́ты отворились, то повѣса этотъ бросился въ нее и разсѣлся въ большомъ мѣстѣ, какъ будтобъ ему тутъ сидѣть было должно одному. Я съ своей стороны, сохраняя правило общежитія, дѣлалъ вѣжливость Голландцу; но онъ казавшись разумѣть одну только пантомиму, принудилъ меня ею изъявлять учтивость мою еще болѣе, потому что видя оказанныя одноземцомъ моимъ неблагопристойности, хотѣлъ я замѣнить ихъ моею привѣтливостію. На всѣ мои уклонки Голландецъ, вмѣсто отвѣту, взялся за конецъ своей шляпы одною рукою, а другою подхватя меня подъ мышку, принудилъ сѣсть въ карету прежде себя.

Франтъ нашъ сидѣлъ уже тамъ, попѣвая пѣсенку, которую вдругъ перервалъ, спросивъ

меня, Французъ ли я? и услыша мой на то отвѣтъ, . дразнялъ себя, что нашелъ во мнѣ человѣческой образъ. „А эти люди сказалъ онъ взглянувъ на „Голандцэ. . . ." По томъ спохватился, и желая вывѣдать изъ него, не говоритъ ли онъ по Французски, началъ спрашивать которой часъ? и сколько времяни осталось до обѣда? ни одинъ изъ его вопросовъ не заставилъ Голландца поднять и головы. Онъ занимался въ то время накладываніемъ въ трубку табаку.

„Видишь ли, произнесъ мой шалунъ, видишь ли какъ мы щастливы, что съ тобою повстрѣчались. Каково бы мнѣ было ѣхать съ такою чучелою, которая умѣетъ только бормотать по своему, думаетъ о червонцахъ своихъ, да о трубкѣ? Почему знать, можетъ быть этотъ гру-

біянЪ, вЪ долгополомЪ своемЪ кафтанѣ, сЪ большою шляпою, и вЪ непудренномЪ парикѣ, какой нибудь и бургомистрЪ, которой считаетЪ свое золото боченками. Правду сказать, я ѣду вЪ эту землю для того только, что надобно ее видѣть; и напередЪ знаю, что найду тамЪ грубѣйшій вЪ свѣтѣ народЪ и что ничего, кромѣ скуки и отвращенія, не встрѣтится со мною....„ Модной болтунЪ не умолкая доказывалЪ превосходство, которое имѣетЪ Французская учтивость надЪ грубостію ГолландцовЪ.

Я напоминалЪ ему, что не надлежало утверждаться на пустыхЪ иногда слухахЪ, ниже судить о землѣ при вЪѣздѣ вЪ оную; что у всякаго народа есть свои хорошіе и дурные обычаи; что хладнокровной БатавецЪ часто беретЪ преимущество

надъ вѣтренностію Француза, и что она-то самая (присовокупилъ я утвердительно) и дѣлаетъ насъ часто отъ чужестранныхъ посмѣянія, или сожалѣнія достойными; что Голландія казалась мнѣ отмѣннымъ государствомъ; и что я не могъ безъ уваженія смотрѣть на людей, завоевавшихъ всю населяемую ими землю. Напослѣдокъ я сказалъ ему все, чего требовала справедливость въ пользу народа, столько различнаго съ нашимъ, но столь любезнаго по многимъ отношеніямъ.

Молодчикъ пролепеталъ мнѣ въ отвѣтъ на то столь глупо, что я разсудилъ и самъ замолчать. Какъ скоро болтанье его кончилось, то вмѣсто онаго заступило кривлянье, которое мнѣ еще досаднѣе было. Прежде я весьма былъ радъ для чести моей на-

ціи, что Голландецъ не понималъ глупыхъ рѣчей смѣшнаго моего одноземца, но пантомима одинакова на всѣхъ языкахъ. Произношеніе: *уфъ! негодяй!* повторяемое имъ всякой разъ, какъ Голландецъ выпускалъ изъ трубки дымъ, сопровождаемо было хотя и нѣмымъ, но для каждаго понятнымъ тѣлодвиженіемъ.

Мы доѣхали до мѣста, гдѣ надлежало намъ обѣдать. Тутъ обнаружилъ онъ себя еще болѣе. Ни что ему не нравилось. При всякомъ блюдѣ онъ пересчитывалъ по крайней мѣрѣ двадцать перемѣнъ кушанья, и не переставалъ утверждать о невозможности жить съ такимъ дурнымъ столомъ. Я ѣлъ между тѣмъ безъ всякаго аппетиту; ибо горесть тяготила мое сердце, но не изъявлялъ и отвращенія къ поставленнымъ кушань-

ямъ, имѣя въ правилѣ никогда не показывать ни къ чему отвращенія. Пренебреженіе къ другимъ обращается во вредъ самому себѣ. Я разсудилъ также дать знать прислуживающимъ, что не разумѣлъ ихъ языка, и замѣнялъ сіе знаками, не изъявляя ни досады, ни нетерпѣнія за то, что меня не понимали — и мнѣ подавали все, чего я ни требовалъ; между тѣмъ, какъ мой землякъ бранясь, крича и проклиная самъ себя, ничего въ отвѣтъ не получалъ, кромѣ Kanniferchan, то есть: *мы васъ не понимаемъ*, произносимое съ такимъ хладнокровіемъ, которое удвояло его бѣшенство. И есть ли бъ хотѣлъ онъ взять на себя трудъ сдѣлать замѣчаніе, то усмотрѣлъ бы къ себѣ даже нѣкоторой родъ и презрѣнія.

ГЛАВА 55.

Доброй Голландецъ.

На другой день, какъ садились мы въ карету, узналъ я съ превеликимъ удовольствiемъ, что одноземецъ мой отъ насъ отсталъ; но посудите о удивленiи моемъ, когда Голландецъ началъ со мною говорить самымъ чистымъ Французскимъ языкомъ: — „Я поздравляю васъ, сказалъ онъ, съ отбытiемъ вашего одноземца. Люди подобные ему наносятъ нареканiе вашей нацiи. Къ щастiю еще, что есть между вами и благоразумные, какъ вы, на примѣръ... „Я умолчу о сдѣланной мнѣ отъ него чести. Онъ кончилъ рѣчь свою предложенiемъ, чтобъ я жилъ у него.

Приглашенiе его такъ мало сходствовало съ смѣхотворными

нашими упрашиванiями, будто бы учтивость изъявляющими, что я счелъ его за трактирщика. . . и желая узнать, не изъ числа ли онъ былъ тѣхъ, о которыхъ я имѣлъ у себя записку при отъѣздѣ моемъ изъ Антверпена, спросилъ его, подъ какимъ знакомъ трактиръ его? — — „Ты разсуждаешь прямо по Французски, сказалъ онъ мнѣ улыбнувшись; вы въ самомъ дѣлѣ думаете всѣ, что мы ничего не дѣлаемъ безъ денегъ. Знай, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься. Мы не имѣемъ подобно вашей братьи Французамъ наружныхъ уклонокъ; но замѣняемъ ихъ сердечными чувствами. Человѣкъ не бываетъ у насъ упрежденъ учтивыми уловками, какiя оказываютъ всегда въ вашей землѣ; за то простое наше обращенiе никогда не заклю-

чаетъ въ себѣ вѣроломнаго ласкательства, основаннаго на собственныхъ своихъ выгодахъ. Мы привѣтствуемъ только тѣхъ людей, которые намъ нравятся; и естьли въ томъ не ошибаемся, то избираемъ ихъ себѣ друзьями. Я льстя себя надеждою дать тебѣ вскорѣ сіе наименованіе, прошу тебя жить къ себѣ. Нечего размышлять, (подавая мнѣ руку присовокупилъ онъ) не отвергай моего приглашенія и согласись безъ затрудненія также, какъ я охотно предлагаю тебѣ.„

Я былъ въ недоумѣніи, чѣмъ изъяснить ему то удовольствіе, съ какимъ я долженъ былъ принять его привѣтствіе, чувствуя, сколь смѣшна должна быть Французская учтивость въ разсужденіи простаго отъ него мнѣ предложенія. Однакожъ на сдѣланной мной ему отвѣтъ заслу-

жилЪ отЪ него: „Хорошо! хо„рошо! я вижу, что ты скоро „бросишь свои привычки и при„мешься за наши.„

Почтовая наша карета остановилась у бесѣдки, которую отдѣлывали. „Смотри! сказалЪ онЪ, вотЪ рѣзьба наружнаго сего украшенія, вышедшая только изЪ рукЪ художника, сколь она проста! но не менѣе по совершенству своему, и удивительна. Взгляни на подобную ей только что вызолоченную, она будетЪ сіять; но за то все искуство мастера прикроется позолотою и краскою.„

Не возможно изобразить, сколь удивлялся я благоразумнымЪ разговорамЪ моего спутника, сравнивЪ оные сЪ его молчаливостію, и можно сказать сЪ его угрюмымЪ видомЪ, которой за день предЪ симЪ я вЪ

немъ замѣтилъ. Онъ продолжалъ въ большее еще приводить меня удивленіе отвѣтами на дѣлаемые мною ему вопросы, въ разсужденіи всего глазамъ моимъ на пути встрѣчавшагося. При всякой рѣчи я слышалъ ясное истолкованіе, остроумное сужденіе, сопровождаемое столь чистосердечною привѣтливостію, что и помыслить не смѣлъ употребить ее во зло.

Наконецъ мы пріѣхали въ домъ къ нему. Французъ, имѣющій десятую долю его имущества, жилъ бы безъ сомнѣнія великолѣпнѣе. Г. Петерсъ (такъ звали почтеннаго Голландца) имѣлъ у себя миліоны; онъ даже самъ неизвѣстенъ былъ о числѣ всего своего богатства, потому что море покрытое всегда его кораблями безпрестанно приносило ему новыя сокровища. Но

не смотря на то, жилище его изображало спокойствіе, а не пышность. Все, пользу и необходимость означающее, тамъ находилось; но тщетно бы было искать въ домѣ ихъ излишествъ, или какихъ либо блестящихъ бездѣлокъ, роскошью и тщеславіемъ изобрѣтенныхъ. Взирая на богатство благоразумнаго Голландца, соединенное въ домѣ его съ тою старинною простотою, которая приводитъ на память нравы прошедшихъ вѣковъ, не льзя было не подивиться тому и не почувствовать почтенія къ хозяину.

Молодая его супруга все благополучіе свое полагала въ томъ, чтобъ управлять хозяйствомъ, чтобъ имѣть попеченіе о воспитаніи своего сына, и нравиться своему мужу безпрерывною и чистосердечною привѣт-

ливостію, которая привлекаетъ гораздо болѣе, нежели скоро преходящее упоеніе любви. Сынъ сохранялъ почтеніе къ родителямъ своимъ, и отнюдь не имѣлъ на себя уничижительнаго вида, подобострастіе изъявляющаго, отъ того что ему преподавали всегда хорошіе примѣры, не употребляя никогда ни малѣшей строгости. Старикъ, отецъ Г. Петерса, которому всякой наперерывъ старался услуживать, и которой отъ старости естьли говорилъ что и не такъ, то никто за то не досадывалъ и не смѣялся надъ нимъ. Слуги, которыхъ никогда не бранили, потому что они всегда исполняли свою должность, и которые исполняли свою должность отъ того, что ихъ никогда не бранили. Въ добавокъ ко всякому самъ Г. Петерсъ,

которой старался каждому сдѣлать добро, кто только имѣлъ до него дѣло. Вотъ истинное описаніе сего дома, въ которомъ никогда не было шумнаго веселія; но за то на лицахъ всей семьи замѣтить было можно видъ истиннаго удовольствія.

Вскорѣ и меня стали они считать за своего семьянина. Г. Петерсъ, не разспрашивая, за чѣмъ я пріѣхалъ въ Голландію, требовалъ, чтобъ во все время моей тамъ бытности жилъ я у него и безъ всякихъ чиновъ. Онъ въ первой день моего прибытія повелъ меня въ приготовленную нарочно комнату, познакомилъ со всѣми въ домѣ находящимися, увѣдомилъ о времени, когда они обѣдали, ужинали и пили чай. Впрочемъ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣлать, что мнѣ заблагоразсудится.

Препровожденіе времяни съ сими почтенными людьми услаждало мою грусть; но я удаленъ былъ отъ всего того, что было для меня любезно на свѣтѣ. Разлученъ съ Аделаидою! и не получалъ даже никакого объ ней извѣстія . . . По пріѣздѣ моемъ писалъ я къ Бернарду, подъ чужимъ адресомъ, какъ мы для отвращенія всякаго подозрѣнія между собой условились; но почты приходили одна за другою, а грусть моя возрастала.

Въ одинъ день, ходя по саду, вошелъ я въ бесѣдку, вдали находящуюся. Отягченъ будучи своею печалію, не замѣтилъ я, что Госпожа Петерсъ сидѣла тамъ и читала книгу. Я сѣлъ почти подлѣ ея, и думая быть одинъ, далъ волю слезамъ и вздохамъ моимъ. Рука тронула меня по плечу. Я обернулся. . . .

и увидѣлъ Госпожу Петерсъ. Она глядя на меня съ сострадательнымъ видомъ, спросила: не о томъ ли я плачу, что разлученъ съ своими родственниками? . . . „Ахъ! сударыня, у меня по несщастію нѣтъ ни отца, ни матери. — Бѣдной молодой человѣкъ! о чемъ же ты такъ грустишь?„ — Отвѣтомъ служилъ вздохъ, съ приложеніемъ къ сердцу руки. . . „Какъ! не уже ли это отъ любви? Не уже ли ты лишился своей любезной? —„

Голосъ, съ какимъ произнесла она сіи два вопроса, и произведенное тѣмъ во мнѣ воспоминаніе, такъ меня разтревожили, что естьлибъ не удержанъ я былъ ея присудствіемъ, то началъбы плакать снова. . . „Послушай, мой другъ!„ сказала она входящему въ то самое вре-

мя къ намъ своему мужу. „мо-
„жешь ли ты повѣрить, что
„этотъ доброй молодой человѣкъ
„нещастливъ уже отъ любви
„и оплакиваетъ потерю сво-
„ей любезной? — Давно я это
„думалъ, отвѣчалъ Г. Петерсъ,
„и желалъ бы дружески его
„утѣшить; но опасался требо-
„вать открытія его тайны. —
„Вы тѣмъ гораздо лучше сдѣ-
„лали, сказалъ я ему, потому
„что пріобрѣли отъ меня болѣе
„довѣренности. Я разскажу вамъ
„все, благотворительные и поч-
„тенные мои друзья! участіе,
„которое примите вы въ моей
„горести, уменьшитъ оную; я
„въ этомъ не сомнѣваюсь. . . .„

Надобно было видѣть, съ ка-
кимъ сердечнымъ состраданіемъ
сіи добрые люди слушали мое
повѣствованіе; Г. Петерсъ мо-
жетъ быть въ первой разъ отъ

роду загасилъ свою трубку, и не мыслилъ ее раскурить. Маленькой сынъ сидѣлъ на табуретѣ подлѣ своей матери, опершись локтемъ на ея колѣни; онъ также слушалъ меня со вниманіемъ и не перемѣнялъ своего положенія, произнося только при нѣкоторыхъ мѣстахъ моего повѣствованія, что болѣе его трогало: „Ахъ! Боже мой!„ Мать же при семъ была столь внимательна и скромна, что не промолвила ни одного слова и ни разу не перебила моей рѣчи; но очень примѣтны были удерживаемые ею вздохи, и глаза полные слезъ часто къ небу устремлялись. . . . Какое бы изрѣченіе могло быть сего выразительнѣе!

ГЛАВА 56.

Дѣйствіе хорошаго примѣра.

Повѣствованіе о моихъ нещастіяхъ, и участіе, которое благотворительные мои друзья въ нихъ принимали, усладили на нѣсколько времяни удручающую меня горесть. Облегченіе сіе продолжилось по случаю произшествія, къ которому часы Бернардовы подали поводъ.

Молодой Петерсъ на другой день, послѣ разсказыванія моей исторіи, пришелъ изъ училища безъ шляпы и сказалъ, что онъ ее потерялъ, и что съ охотою дожидатся будетъ весны; то есть того времяни, когда ему обыкновенно покупали новую. Это случилось среди зимы. И тотъ самой день такая была холодная погода, которая, казалось,

не моглабы заставить такого робенка съ терпѣніемъ ожидать благополучной весны. Отъ превеликаго снѣгу вся голова его была мокра и каждой волосъ оледенѣлъ; уши отъ стужи у него покраснѣли и опухли. Однакожъ по правиламъ того воспитанія, по которому всѣхъ дѣтей воспитывать должно, за это не побранили его, да никто объ немъ и не пожалѣлъ. Какъ онъ отъ неосторожности своей лишился того, что предохраняло его отъ стужи, то и сказано было просто, чтобъ онъ ее сносилъ.

Лишь только успѣлъ онъ притти домой и сказать о своей потерѣ, какъ бѣдная женщина принесла его шляпу. Это была мать одного мальчика, у котораго болѣла голова и которой, по неимуществу своему, прикрывалъ ее изодраннымъ колпакомъ. Не

взирая на все то, мать его будучи больна и не имѣя иной прислуги, принуждена была для своихъ надобностей часто посылать его со двора. Молодой Петерсъ повстрѣчавшись съ нимъ то утро въ непогодь, принудилъ взять свою шляпу. — Пусть всякой посудитъ, сколь былъ онъ за то обласканъ, и какія получилъ похвалы. . . . „Это ничего „не значитъ! отвѣчалъ онъ, въ „сравненіи съ добродѣтельнымъ „Бернардомъ? — О Бернардъ! „вскричалъ я, вотъ еще по„хвальной поступокъ, къ которо„му ты подалъ поводъ! — Любез„ное дитя! ты будешь на него „походить, я въ томъ увѣренъ. „Благодари Провидѣніе, это ве„личайшее благо, какое толь„ко можетъ Оно тебѣ ниспо„слать.„

Г. Петерсъ послалъ купить двѣ шляпы, одну для своего сына, а другую для больнаго мальчика. Принесенная жъ бѣдною женщиною повѣшена была на стѣну въ комнатѣ маленькаго Петерса, чтобъ служила картиною для всего семейства, или лучше сказать, чтобъ осталась незабвеннымъ памятникомъ примѣрнаго сего поступка, и чтобъ онъ, глядя на нее, старался быть всегда такимъ, какъ оказалъ себя при семъ случаѣ.

ГЛАВА 57.

Произшествіе.

Наконецъ получилъ я извѣстіе отъ Бернарда, что простудная горячка, которою занемогъ онъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы съ нимъ разстались, принудила его про-

быть тамъ около шести недѣль. Онъ не писалъ ко мнѣ за тѣмъ, что, не получая моихъ писемъ, не зналъ куда адресовать свои.

Въ теченіе сего времени въ д'Арлезилевой фамиліи произошла не вѣроятная перемѣна. Аделаида, какъ скоро свѣдала о случившемся со мною, то ни мало не медля, для избѣжанія Аббатовыхъ нападковъ, удалилась до возвращенія своего отца въ монастырь. Знавъ довольно сію духовную особу, опасалась она, чтобъ отлучка моя не подала ему поводъ къ новому дерзновенію. Но, по нещастію, Г. д'Арлевиль не зналъ его такъ хорошо, и дѣлалъ ему во всемъ полную довѣренность. Принужденъ будучи сверьхъ чаянія пробыть долго въ Ахенѣ, онъ прислалъ на его имя вѣрющія письма для распоряженія

всѣмъ его имуществомъ, и даже ключи отъ всѣхъ своихъ сундуковъ. Вскорѣ по томъ дошло до его свѣденія, что злодѣй сей покравъ все, скрылся. Въ слѣдъ за симъ извѣстіемъ увѣдомился онъ, что отъ сего произшествія здѣлался Госпожѣ д'Арлевиль ударъ, которой въ нѣсколько часовъ былъ причиною ея кончины. Устинья, которую всѣ щитали за мужчину, находясь при полученіи сего послѣдняго извѣстія, вдругъ вскричала и упала въ обморокъ......

ГЛАВА 58.

Повѣствованіе объ Устиньѣ.

„Я могу теперь, упоминалъ Бернардъ въ письмѣ своемъ, рассказать тебѣ исторію сей особы, въ которой мы принимаемъ уча-

стіе. Съ дѣтскихъ лѣтъ оставшись сиротою, воспитываема она была своею родственницею; но напятнадцатомъ году и той лишилась. Въ тожъ самое время узнала она Г. д'Арлевиля и полюбила; состояніе его еще было не весьма хорошо, она возложила на него всю свою надежду, и ввѣрилась его честности......Онъ и самъ не имѣлъ намѣренія обольстить ее и послѣ бросить. Между тѣмъ зажиточной дядя Г. д'Арлевиля, усыновившій его, открылъ ему выгодную въ свѣтъ дорогу, и предложилъ жениться на одной богатой наслѣдницѣ. Будучи совершенно привязанъ къ Устиньѣ, Г. д'Арлевиль отъ того отказался; главною же причиною его отказа было замѣчаніе его, что Устинья могла быть скоро матерью.»

„Дядя его былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ любовь, добродѣтель и честность были выдуманныя только слова. Вскорѣ узналъ онъ о причинѣ отказа своего племянника и не подавъ ему ни малѣйшаго о томъ подозрѣнія, отыскалъ Устинью, приказалъ ей тотчасъ перемѣнить квартиру, взять всевозможныя предосторожности, чтобъ новое ея жилище было д'Арлевилю не извѣстно, въ добавокъ заставилъ ее написать къ нему письмо, что предпринятое ею намѣреніе выйти за другаго за мужъ было причиною ея удаленія, и проч. Онъ угрожалъ ей въ тожъ время, естьли во всемъ томъ ему откажетъ, заключитъ ее на всю жизнь въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые опредѣлены для нещастно-распутствующихъ женщинъ.

А что болѣе ее устрашило, то хотѣлъ онъ отослать въ заточеніе и возлюбленнаго ея. Угрозы сіи сопровождены были двумя Королевскими указами, содержащими въ себѣ арестъ, повидимому конечно ложными. Но ее не трудно было обмануть и устрашить. Нещастная воображала уже видѣть любезнѣйшаго своего въ тягчайшихъ оковахъ. Отъ нее зависѣло спасти его, пожертвовавъ собою. Она приняла жестокія условія, которыя были ей предложены, и написавъ письмо, которое дядя ей диктовалъ, уѣхала въ деревню за нѣсколько миль отъ Парижа къ бабкѣ моей, сей почтеннѣйшей матери *Простодушиной*, которая, какъ тебѣ самому извѣстно, кресшная ей мать и съ которой съ тѣхъ поръ она не разлучалась."

Г. д'Арлевиль обманутъ будучи ея письмомъ и скоропостижнымъ сокрытіемъ, счелъ ее за вѣроломную и упрекалъ даже себя за то, что столь много ее любилъ. Въ семъ негодованіи за мнимую ея измѣну, онъ согласился на предлагаемой ему дядею бракъ.

„Устинья свѣдавъ о томъ, въ первомъ стремленіи покусилась было на свою жизнь; но по щастію Г. Францирѣ, сей почтенной священникъ, котораго видалъ ты по томъ у благодѣтельной нашей матери, былъ на тотъ разъ викаріемъ въ ихъ селѣ. Ты знаешь, сколь одаренъ онъ отъ Бога тѣмъ трогательнымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, которое отличаетъ достойныхъ проповѣдниковъ слова Божія. Онъ утѣшалъ ее въ-

рою и довелъ до того, что она ополчилась терпѣніемъ сносить бремя жизни; но нанесенной ей ударъ коснулся глубины ея сердца. Эта безпрестанная грусть, въ которую видалъ ты ее всегда погруженною, заступила мѣсто жестокосердія и отчаянія. Жизнь ея съ тѣхъ самыхъ поръ не иное что была, какъ пріобученіе къ терпѣнію. Цѣлые дни препровождала она въ оплакиваніи своего нещастія и преступленія. Вскорѣ она отъ того такъ изсохла, что самъ Г. д'Арлевиль не могъ ее узнавать. Совсѣмъ тѣмъ она произвела на свѣтъ носимаго въ утробѣ своей младенца. Бодрость, дарованная отъ природы матерямъ, прибавила ей силъ; она даже не хотѣла повѣрить своего робенка кормилицѣ, кормила его сама; и сіе само по се-

бѣ нещастное созданіе увеличивало еще горесть другаго.„

„Госпожа д'Арлевиль родила вскорѣ послѣ Устиньи. По щастливому случаю робенокъ ее отданъ былъ кормилицѣ въ ту самую деревню, которую избрала себѣ убѣжищемъ сія злополучная, одна имѣвшая право дать почувствовать Г. д'Арлевилю сладостное удовольствіе называться отцомъ. Какъ скоро она о томъ узнала, то и познакомилась съ сею кормилицею. Она не могла видѣть того робенка безъ болѣзненнаго содроганія. Но какъ оной принадлежалъ любезнѣйшему для нее человѣку, то даже и въ горести, которую наносило ей присудствіе его, находила она нѣкоторое утѣшеніе. Они были оба мальчики и столь другъ на друга похожи, что естьлибъ не различались одеж-

дою, то можно бы было въ нихъ ошибиться.„

„Въ одно утро Устинья проснулась. . . . . . Боже! можноль изобразить ужасное ея отчаяніе, какъ хотѣла она взять своего робенка. . . . . . Онъ охолодѣлъ и безчувственъ былъ! . . . . . . У ней уже не было сына!„

„Тогда-то великаго труда стоило Г. Франциру уговорить ее, чтобъ она не лишила себя жизни; но она очевидно изтаевала и не иминуемо бы переселилась въ вѣчность. . . . Какъ крестьянка, возвратившая питомца своего Г. д'Арлевилю, здѣлавшись опасно больна, велѣла ее позвать съ Г. Франциромъ, и увѣдомила ихъ, что робенокъ Устиньинъ былъ живъ. Тотъ, котораго кормила сія женщина, умеръ скоропостижно отъ припадка, младенцамъ свойственна-

го; она побѣжала въ то время къ Устиньѣ не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ только сказать ей о своемъ нещастіи. . . . . Нашла ее спящую. . . Мать *Простодушина* на тотъ разъ отлучилась. . . . Важная плата, которая давана ей была отъ Г. д'Арлевиля, надежда, которую имѣетъ всегда кормилица богатаго наслѣдника, въ добавокъ къ тому и удобность случая, рѣшили ее обмѣнить ребенка. Чрезвычайное сходство между ими дѣлало то удобнымъ; и она исполнила все сіе съ совершеннымъ успѣхомъ.„

„Крестьянка, прежде признанія въ своемъ преступленіи, потребовала, чтобъ Устинья и Г. Франциръ поклялись ей, что въ случаѣ, естьли останется она жива, довѣряемая имъ тайна будетъ скрыта. Она выздоровѣла; и нещастная Устинья,

не могши ни требовать своего робенка и не в силах будучи на всегда с ним разстаться, уговорила свою крестную мать переѣхать жить в Париж. Онѣ наняли там извѣстную тебѣ квартиру; а хотя оная и не в дальнем была разстояніи от дому Г. д'Арлевиля; но сего казалось ей мало для материнскаго сердца. Она по многом стараніи отыскала наконец коморку, в которую ходил и ты с нею один раз, и в которой она препровождала всегда время до самых тѣх пор, как приходила к тебѣ за тѣм, чтоб быть хожатою в болѣзни за Г. д'Арлевилем и как по том осталась у него в прислугах под имянем Феликса. Коморка сія была прямо против задних комнат Г. д'Арлевиля, вмѣщавших в себѣ то,

что было для нее на свѣтѣ всего любезнѣе. На сей-то сторонѣ были покои ея сына. Это онъ, это самой молодой д'Арлевиль, котораго и ты одинъ разъ будучи съ Устиньею въ коморкѣ, видѣлъ у себя упражняющагося въ рисованьѣ; пожилой же человѣкъ, тогда съ нимъ находившийся, былъ старой Г. д'Арлевиль. Тебѣ не льзя было ихъ послѣ узнать, по тому что смотрѣлъ ты на нихъ сквозь двѣ окончины, и видѣлъ ихъ конечно не въ столь выгодномъ положенiи, чтобъ могъ свободно разглядѣть всѣ ихъ черты. Сверхъ того она возвращаясь съ тобою домой, вела тебя по разнымъ переулкамъ, что бы ты послѣ не отыскалъ того дома. Супруга Г. д'Арлевиля дала ему вторичное наименованiе отца, произведя на свѣтъ Аделаиду.

Наконецъ онъ овдовѣлъ. Бѣдная Устинья, помня угрозы проклятаго дяди, которой былъ еще живъ, опасалась дать о себѣ знать; но услышавъ о смерти другой жены Г. д'Арлевиля, она не въ силахъ уже была перенести на сердцѣ своемъ того, что претерпѣвала; и обморокъ, какъ я уже тебѣ написалъ о томъ, обнаружилъ ея тайну.„

„Хотя Г. д'Арлевиль и считалъ ее себѣ невѣрною, но не переставалъ объ ней сокрушаться. Она одна была причиною той всегдашней его грустливости, въ которой видалъ ты его погруженнаго. Памятно я думаю тебѣ, какое дѣйствіе произвело надъ нимъ одно наименованіе Устина, когда предстала она предъ него подъ симъ имянемъ, для помѣщенія себя къ нему въ службу. Сего одного довольно,

чтобѣ представить себѣ, какѣ мало время уменьшило горячность его кѣ ней. Теперь посуди, какѣ онѣ обрадовался, когда отыскалѣ ту, которую столь нѣжно любилѣ, обѣ которой столь долго соболѣзновалѣ и которою такѣ много занимался. Онѣ сѣ поспѣшностію постарался исправить недобровольной свой противѣ нее проступокѣ. Крестьянка, обмѣнившая двухѣ младенцевѣ, жива еще. Г. Франциррѣ увѣривѣ ее вѣ исходатайствованіи ей прощенія, уговорилѣ во всемѣ признаться. . . . Открытіе сіе усовершенствовалобы радость Г. д'Арлевиля, естьлибѣ состояніе его не разстроилось. Всѣ его заимодавцы возстали теперь и требуютѣ, чтобѣ имущество его продано было сѣ публичнаго торгу. Богатая родственница хотѣла

взять Аделаиду къ себѣ вмѣсто дочери; но она ни одной минуты не колебалась и охотнѣе согласилась раздѣлять бѣдность съ своимъ отцомъ, поѣхавъ съ нимъ въ N*** — Ты знаешь, что мѣсто сіе менѣе многихъ обитаемо изъ всей Франціи; но онъ предпочелъ оное прочимъ, надѣясь быть тамъ не извѣстнымъ и удаленнымъ отъ укоризненныхъ взоровъ, которыми часто оскорбляютъ человѣка, гонимаго превратностію щастія. Аделаида при отъѣздѣ показывала столь спокойный видъ, какъ будто бы отправлялась на самое веселое житье. Она просила меня съ выраженіемъ, котораго смыслъ я очень понималъ, увѣдомлять отца ея о своихъ обстоятельствахъ, и сообщать ему о всемъ томъ, что до тебя будетъ принадлежать. . . . Отпишите къ

нему. . . . На семъ словѣ она остановилась, прекрасное ея лицо покрылось алымъ румянцемъ, и глаза съ смущеніемъ отъ меня отворотились. . . . Отецъ ея былъ уже въ каретѣ. Она поспѣшила въ нее сѣсть и прижалась къ уголку. На поворотѣ шаговъ за пятдесятъ выглянула въ окошко, уронила перчатку, и притворилась будто того не замѣтила. Я точно увѣренъ, что намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ оная дошла до твоихъ рукъ, что исполняя, при семъ и препровождаю оную.„

„Молодой д'Арлевиль въ Англіи, онъ поѣхалъ догонять Аббата Фаллаціо, которой, сказываютъ, туда скрылся.„

ГЛАВА 59.

Обращенїе на истинной путь.

(Продолженїе Бернардова письма).

Юлїя не извѣстна о нещастїи Г. д' Арлевиля. Она недавно выкинула, отъ чего едва жива осталась. Кончина пречестнаго командора, почти въ тожъ время случившаяся и о которой не осторожно ей сказали, увеличила ея болѣзнь. Она начинаетъ теперь понемногу выздоравливать. Претерпѣваемыя ею отъ болѣзни мученїя сносила она съ терпѣнїемъ, свойственнымъ всегдашнему ея великодушїю.

„Благодѣтельная наша мать *Простодушина*, не имѣя ни о тебѣ, ни обо мнѣ никакого свѣденїя, долго находилась въ величайшемъ безпокойствѣ. Она начала сперьва девятинами, по

томъ наложила на себя строгой постъ и напослѣдокъ отъ всего этаго занемогла. Юлія велѣла ей тотчасъ поставить кровать у себя въ комнатѣ, чтобъ была она у ней на глазахъ, и взаимно дѣлили онѣ удовольствіе, которое ощущаютъ при возстановленіи здоровья. Я тамъ и нашелъ мою бабушку, она была столь же опрятно одѣта, столь же усердно услужена, какъ и ея милостивица, и одинъ Лѣкарь ихъ пользовалъ.„

„Лишь только увидѣла она меня, то старалась изобразить свою радость, говорить о тебѣ, и разсказать все, чѣмъ обязана она Юліи. Слова, въ безпорядкѣ произносимыя, дѣлали разговоръ ея невразумительнымъ. Одни рѣчи, которыя могла она порядочно произнести, были слѣдующія: „будь надъ тобою ми-

„лость Вышняго! . . . Вотъ мой „Ангелъ хранитель!„ – Она указала при семъ на Юлію, которая, подавая мнѣ руку, говорила: „Я весьма обязана добродушной, „твоей бабушкѣ; по дружбѣ ея „познакомилась я съ почтеннѣйшимъ Франциромъ. Онъ иногда „ее навѣщаетъ. Я съ удовольствіемъ наслаждаюсь бесѣдою „этаго достойнаго пастыря. „Онъ узналъ о моихъ заблужденіяхъ, старался опровергнуть „ихъ могущественнымъ доказательствомъ истиннаго благочестія — восторжествовалъ — „и я утвердилась въ томъ на „всегда. Младенца, коему должна я была дать жизнь, небо „лишило меня прежде его рожденія, и вѣрно для того, чтобъ „доставить мнѣ легчайшее средство къ разрушенію беззаконной моей связи съ Г. д'Арле-

„вилемъ. Родня его конечно не „согласится, чтобъ была я когда нибудь его супругою; а я, „безъ согласія на то отца его, „не соединю съ нимъ судьбы своей; подъ инымъ же названіемъ „не буду болѣе видѣть его, и „ожидаю только моего выздоровленія, чтобъ удалиться не въ „монастырь, (самъ Г. Франциръ „не совѣтуетъ мнѣ рѣшиться „на эту крайность, чтобъ нѣкогда не раскаяться;) но въ деревню, гдѣ по времени желаю „я, любезной мой Бернардъ, „имѣть себѣ сотоварищемъ добрую твою бабушку. Естьли „вздумаю я когда нибудь возвратиться въ Парижъ; то это „будетъ тогда, какъ время истребитъ въ моемъ сердцѣ Г. „д'Арлевиля...„ Вырвавшійся у ней при семъ случаѣ вздохъ далъ мнѣ разумѣть, сколь много еще

должна она себя преодолѣвать. „А для чегожъ бы, сказала мать „*Простодушина*, захотѣли вамъ „препятствовать выйти за „него? Не ужели заблудшаяся „овца и возвратившаяся въ ста„до хуже той, которая никогда „изъ него не отлучалась? Гдѣ „родные его сыщутъ ему столь „добросердечную супругу? Развѣ „не вамъ обязаны они за то, „что этотъ молодой человѣкъ „заслужилъ себѣ такую добрую „славу? Безъ васъ онъ познако„мился бы съ модными повѣсами „и со всѣмъ бы избаловался. „Полно, полно, сударыня, будь „спокойна. Господь не остав„ляетъ безъ награжденія такую „добродѣтель. Буди Его святая „воля во всемъ! Возложимъ упо„ваніе наше на Него и не ста„немъ въ благости Его отчая„ваться.„

„Я не смѣлъ говорить Юліи о нещастіи Г. д'Арлевиля, опасаясь, что она не въ состояніи еще перенести сего извѣстія, а препоручилъ то Г. Франциру, которой взялся исполнить сіе съ возможною осторожностію.„

„Намѣреніе, которое Юлія расположена исполнить въ твою пользу, любезной мой другъ, заставляетъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать ея выздоровленія. Стараніе, которое она о томъ прилагать готовится и ясность твоей невинности, обнадеживаютъ меня успѣхомъ. — Въ ожиданіи того, какъ желанія о семъ мои и всѣхъ любящихъ тебя совершатся, прими заочно чистосердечныя объятія вѣрнаго твоего друга.

Бернарда.„

ГЛАВА 60.

Нечаянная фортуна.

Я дочитывалъ сіе трогательное для меня письмо, принужденъ будучи въ продолженіе онаго неоднократно останавливаться; какъ вдругъ Г. Петерсъ вошелъ ко мнѣ съ живостію, какой я въ немъ еще никогда не замѣчалъ: „Прости меня, произ„несъ онъ, естьли я помѣшалъ „тебѣ читать. Увѣдомь, не „ошиблась ли моя жена? Она ска„зала мнѣ, что въ надписи пись„ма, которое она отдала тебѣ, „было имя Блансая. — Она не „ошиблась, отвѣчалъ я; это мое „настоящее имя. — Скажи мнѣ, „любезной другъ, все, что толь„ко извѣстно тебѣ о своемъ „отцѣ. — Я ничего не знаю, кро„мѣ того, что онъ поѣхалъ въ

„Пондишери для занятія тамъ „важнаго мѣста; что свѣдавъ о „кончинѣ моей матери и на„шедъ мѣсто сіе уничтожен„нымъ, онъ возвращался во „Францію со всѣмъ своимъ иму„ществомъ; и на пути по„гибъ. ......„ При всякомъ произносимомъ мною словѣ видъ Г. Петерса оживлялся — „Не пи„салъ ли онъ къ тебѣ когда ни„будь? спросилъ онъ меня. — „Писалъ; у меня и теперь въ „записной книжкѣ есть два его „письма. — Покажи мнѣ ихъ. — „ Я ему ихъ подалъ. — „Такъ точ„но!... вскричалъ Г. Петерсъ съ „радостнымъ восторгомъ, это „его рука. Боже мой! для чего „ты разсказывая мнѣ свою ис„торію, не упомянулъ о своемъ „имяни? Знай, другъ мой, что „ты обладаешь такимъ имѣні„емъ, которое даетъ тебѣ пра-

„во требовать руки Аделаиди-
„ной. — Какъ это!... возможно
„ли!.. — Ничто не можетъ
„быть справедливѣе сего. Отецъ
„твой возвращался въ Европу
„на одномъ изъ моихъ кораблей.
„По неосторожности вечеромъ
„во время штурму вышелъ онъ
„на палубу, и бурею снесло его
„въ море; онъ поглощенъ былъ
„волнами. Темнота ночи и страш-
„ное волненіе моря лишили ме-
„ня даже и той отрады, чтобъ
„попытаться, не льзя ли подать
„ему какую либо помощь. Я
„открылъ его сундуки, сдѣлалъ
„обстоятельную опись, чтобъ
„доставить къ тебѣ все, что въ
„нихъ находится. По запискамъ,
„найденнымъ между его бумагами,
„отыскалъ я названіе училища,
„въ которомъ ты находился;
„но въ Европу прибылъ я чрезъ
„долгое время послѣ сего. По

„пріѣздѣ моемъ тотчасъ писалъ „я въ Парижъ, желая о тебѣ „освѣдомиться, но къ несказанной горести услышалъ, что „въ училищѣ тебя болѣе не было, и что объ участи твоей „никто ничего не вѣдалъ. Я публиковалъ о томъ въ газетахъ, „но и отъ того не получилъ никакого успѣха. Между тѣмъ „я рѣшился продать весь грузъ, „слѣдующей на часть твоему „отцу; вырученныя за то деньги „употребилъ въ торгъ, и не „смѣшивая ихъ съ своимъ капиталомъ, велъ особенную записку, съ тѣмъ намѣреніемъ, естьли я отыщу тебя, чтобъ все „сіе тебѣ возвратить. Небу „угодно было исполнить теперь „желаніе мое совсѣмъ сверьхъ „моего чаянія, потому что имущество сіе принадлежитъ теперь моему другу.„

Я былЪ до крайности встревоженЪ, получа почти вЪ одно время столь разныя вѣсти отЪ Бернарда и отЪ Г. Петерса — быстрой переходЪ отЪ чрезвычайной печали вЪ чрезмѣрную радость стѣснилЪ во мнѣ духЪ!... Я глядѣлЪ на Г. Петерса, не говоря ни слова. Ему казалось, что я не вѣрилЪ тому, что онЪ мнѣ сказывалЪ. И дѣйствительно все случившееся казалось мнѣ сномЪ; я боялся, чтобЪ оной вдругЪ не окончился. Я былЪ еще вЪ семЪ положенiи, какЪ вошла Госпожа ПетерсЪ. — . . . „ТакЪ, мой другЪ, сказалЪ ей „мужЪ, это самой онЪ; ты не „обманулась. — Достойной моло„дой человѣкЪ, молвила она мнѣ, „прiими мое поздравленiе, щастiе не могло никому лучше „благопрiятствовать. . . .„ Она меня поцѣловала. . . но такЪ

цѣломудренно, какъ сестра цѣлуетъ брата; въ ту самую минуту я помыслилъ объ Аделаидѣ. Поцѣлуй сей вывелъ меня изъ оцѣпенѣлости, въ которой я находился, и я въ состояніи былъ изъявить симъ почтеннѣйшимъ людямъ чувствительнѣйшую мою благодарность.

Въ вечеру Г. Петерсъ подалъ мнѣ обстоятельной счетъ, во первыхъ капитальной суммѣ, а по томъ и вырученнымъ съ оной барышамъ. Весь *итогъ* составлялъ болѣе пяти сотъ тысячь ливровъ. Я показалъ ему Бернардово письмо. Онъ ободрилъ мое намѣреніе, которое предпринялъ я ѣхать тотчасъ во Францію для вспомоществованія Г. д'Арлевилю; снабдилъ меня рекомендательными въ Парижъ письмами, и я на другой же день отправился въ путь.

ГЛАВА 61.

Здѣсь лучше узнають Юлію.

Я назвался другимъ именемъ и перерядилъ себя какъ можно скрытнѣе, чтобъ никто меня не узналъ. Въ добавокъ къ тому я остерегался показываться моимъ знакомымъ, опасаясь слѣдствій Королевскаго указа. Бернардъ, съ которымъ увидѣлся я, съ возможною осторожностію увѣдомилъ меня, что одинъ изъ заимодавцовъ Господина д'Арлевиля удовлетворилъ прочимъ, и что заплатя ему триста тысячь ливровъ, можно было все имѣніе разрѣшить и уничтожить запрещеніе. Я побѣжалъ къ сему заимодавцу.

Въ какое приведенъ я былъ изумленіе, услыша отъ него, что въ тожъ самое время посѣтилъ

его нѣкто за тѣмъ же самымъ дѣломъ, зачемъ пришелъ и я, и что это была молодая женщина. . . „Мнѣ она извѣстна, сказалъ я, нѣкому иному быть, „кромѣ Юліи. . „ Проговоря сіе, побѣжалъ я въ комнату, гдѣ она находилась, будучи такъ увѣренъ, что это ей быть должно, что не успѣлъ даже и оглядѣть ее, какъ былъ уже въ ея объятіяхъ.

После первыхъ минутъ удивленія нашего и обрадованія, Юлія поздравляла меня съ моимъ благополучіемъ, а я ее съ выздоровленіемъ отъ болѣзни. Она разсказала мнѣ обо всемъ съ откровенностію, свойственною людямъ, не удивляющимся благотворенію; ибо сама не дѣлала себѣ никакого къ тому принужденія; я узналъ отъ нее, что я очень кстати пріѣхалъ, чтобъ

раздѣлить съ нею щастливое удовольствіе въ поправленіи состоянія Г. д'Арлевиля. Потому что одна она не въ силахъ была уплатить болѣе, какъ только часть его долговъ; но препоручая мнѣ половину, другую брала на себя, и удѣляла на то три части своего имущества. Тщетно упрашивалъ я ее, чтобъ предоставила она мнѣ заплатить все. Я не могъ даже уговорить, чтобъ взяла на себя меньшую часть долгу . . . . „Имущество, „остающееся у тебя за заплатою сего, говорила она, нужно „тебѣ для твоего благосостоянія. Г. д'Арлевиль, котораго конечно ты равно, какъ и я, хочешь оставить въ невѣденіи „кто причиною поправленія его „состоянія, узнавъ о твоемъ „теперешнемъ достаткѣ, никакъ

„не подумаетъ отказать тебѣ
„въ Аделаидиной рукѣ. Чтожъ
„касается до меня, то на что
„мнѣ! на что имѣть нѣсколько
„болѣе или менѣе? Богата я бу-
„ду, или останусь въ бѣдности,
„вся надежда для меня изчезла,
„я должна разстаться съ чело-
„вѣкомъ. . . .! Но прекратимъ
„этотъ разговоръ. Кто много
„говоритъ о собственномъ сво-
„емъ нещастіи, тотъ тра-
„титъ свою бодрость; а мнѣ
„оная нужна — такъ! любезной
„другъ! она мнѣ теперь нуж-
„на„ примолвила она, закрыв-
ши платкомъ глаза. По томъ
встала вдругъ и пошла къ займо-
давцу, съ которымъ должно бы-
ло намъ дѣлать переговоры.

Мы вскорѣ все привели къ
концу. Въ тотъ же самой день

послали къ Г. д'Арлевилю полную квитанцію на заплаченной за него долгъ, и на разрѣшеніе всего его имѣнія, взявъ при томъ возможную осторожность, чтобъ оная доставлена ему была вѣрно, и чтобъ не зналъ онъ, чрезъ кого все то дѣлалось.

Остатокъ дня препроводилъ я, запершись съ Юліею, съ Бернардомъ, съ Лизою, и съ добродѣтельною моею матерью *Простодушиного*, которую по пріѣздѣ моемъ засталъ я стоящую предъ гибсовымъ ея образомъ, украшеннымъ цвѣтами, и у котораго засвѣчены были пять или шесть свѣчекъ въ знакъ благодаренія ея за мое благополучіе.

Въ самую полночь я отправился для возвращенія въ Голлан-

дію. Замокъ Г. д'Арлевиля былъ у меня почти на дорогѣ, и я не могъ преодолѣть желанія своего, чтобъ туда не заѣхать. Видъ того мѣста, гдѣ мы бывали съ любезнѣйшимъ для насъ человѣкомъ, преисполненъ всегда множествомъ неизъяснимыхъ пріятностей.

ГЛАВА 62.

Слѣдствіе доброй вѣсти.

Въ Воскресенье лишь отошли вечерни, я туда пріѣхалъ. Всѣ кресьпьяне находились еще около церкви. — . . . „Ахъ! дѣти мои, „произнесъ къ нимъ священникъ „Франциръ, какъ скоро меня увидѣлъ, все окончилось. Вотъ Г. „Бласай, которой конечно пріѣхалъ увѣдомить насъ, что „деревня продана и что мы не

„увидимъ болѣе добраго нашего „помѣщика. — Напротивъ того „достойнѣйшій пастырь, я прі„ѣхалъ увѣдомить васъ, что дѣ„ла Г. д'Арлевиля приведены въ „порядокъ, что маетность его „остается за нимъ. — *Возможно „ли*! закричали всѣ единогла„сно. — Ничто не можетъ быть „сего справедливѣе, друзья мои. „Въ скоромъ времени вы его „увидите, этаго Господина, ко„торой . . . „ Всеобщее провозглашеніе: *да здравствуетъ Г. д'Арлевиль*! . . . . помѣшало мнѣ окончать рѣчь мою. Всѣ шляпы неоднократно взбрасываемы были къ верьху. Вдругъ заплясали, засмѣялись, запѣли и продолжали кричать: *да здравствуетъ нашъ отецъ*! . . Иные бѣжали увѣдомить о радостной сей новости тѣхъ, которые оставались дома; а тѣ услыша

о томѣ, стекались толпами на мѣсто, гдѣ я находился, чтобѣ точно узнать обо всемѣ отѣ меня самаго. Высокая оцѣнка имѣнія заставляла нѣкоторыхѣ вѣ сей истиннѣ сомнѣваться.

Одинѣ изѣ молодыхѣ закричалѣ: — „Ребята! кто меня любитѣ, ступай за мною!„ Вѣ мгновеніе очутились они у воротѣ замка, на которыхѣ прибито было обѣявленіе о продажѣ. Толпа ребятишекѣ послѣдовала за нимѣ. Одинѣ другому вскочили на плеча, достали до самаго верьха, содрали приклѣенную бумагу, и ножемѣ соскребли все, такѣ что не осталося даже ни малаго знака. Бѣгутѣ еще вѣ разныя мѣста, гдѣ также были прибиты обѣявленія; но опоздали, потому что предупреждены уже были другими, кои увидѣвѣ сіе, тотѣ часѣ послѣдовали та-

кому примѣру. Не прошло столько времени, какъ я о семъ повѣствую, всѣ обвѣщенія о продажѣ были сорваны и брошены на мѣсто собранія, куда принесли нѣсколько вязанокъ соломы, и разведя огонь, ихъ сожгли. Начали пляску. Музыкантъ хотѣлъ было играть на скрыпкѣ. — „Вотъ тебѣ на! сказалъ ему „одинъ изъ молодыхъ парней, „куда нужно намъ твое скрыпѣнье. Ступайка, становись съ „нами въ кружокъ.„ И запѣли: —

Повеселимся и порадуемся.

И вдругъ всѣ заплясали, запрыгали, заскакали, закричали, захлопали въ ладоши... коротко сказать: такая сдѣлалась кутерьма, которую легче вообразить, нежели описать возможно. Священникъ, прикащикъ и нѣкоторые побогатѣе изъ мужиковъ принесли бочки, у которыхъ вы-

били дно — и *да здравствуетъ* Г. *д'Арлевиль!...* возобновилось опять.

Я хотѣлъ быть только праздным всего того зрителемъ; но меня тотчасъ подхватили, и я принужденнымъ нашолся участвовать въ сей пирушкѣ. Между тѣмъ благоразуміе не позволяло мнѣ остаться долго въ такомъ Государствѣ, гдѣ я ежеминутно опасался быть взятъ подъ стражу. Я вырвался у этихъ добрыхъ людей и поспѣшалъ въ обратной свой путь.

Чрезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ моемъ въ Голландію о всѣхъ слѣдствіяхъ я извѣщенъ былъ отъ Бернарда письмомъ. -- Г. д'Арлевиль находился въ такомъ недоумѣніи, получа генеральную квитанцію на уплату всѣхъ его долговъ, которую мы съ Юліею къ нему послали, что считалъ

то поступкомъ Аббата Фалладціо, побужденнаго къ тому угрызеніемъ совѣсти. Бракъ его съ Устиньею празднованъ былъ въ сей деревнѣ, которую избралъ онъ своимъ убѣжищемъ; онъ привезъ ее туда подъ именемъ уже своей супруги. Аделаида снискала тотчасъ ея любовь и нѣжнѣйшее дружество ихъ соединило. Молодой д'Арлевиль находился еще въ Англіи. Его увѣдомили непосредственно о благополучной перемѣнѣ; но не получали еще отъ него на то отвѣта.

Я коротко перехожу содержаніе сего письма, чтобъ увѣдомить читателя о томъ, которое я получилъ вскорѣ послѣ сего. Оно было отъ Бернарда же; но въ немъ находилось другое отъ Г. д'Арлевиля. Здѣсь слѣдуютъ они оба:

ГЛАВА 63.

Неожидаемое благополучіе.

„Ты теперь свободенъ, мой любезной другъ! — писалъ ко мнѣ Бернардъ — и всегда свободенъ былъ. Указа объ арестѣ твоемъ никогда и не бывало; все случившееся съ тобою была одна выдумка вѣроломнаго Аббата. Онъ подкупилъ подобнаго себѣ бездѣльника, представлявшаго ролю пристава, которому будто препоручено было вымышленное повелѣніе. Тебя не везли ни въ какое заточеніе; имъ не льзя было этого сдѣлать. Планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобъ довезти тебя подалѣе, и дать тебѣ по томъ случай къ побѣгу; ибо болѣе всего хотѣлось имъ разлучить тебя со всѣми на продолжительное время, дабы Аббатъ успѣлъ

произвести въ дѣйство гнусное свое намѣреніе противъ Аделаиды, которая, по щастію, удаленіемъ своимъ въ монастырь все то опровергла. Изъ устъ сего самаго участника въ злодѣйствахъ Аббатовыхъ извѣстно стало оное обстоятельство. Онъ находясь при смерти, по щастливому случаю, позвалъ къ себѣ почтеннаго нашего священника Францира. Сей достойной пастырь умѣлъ поселить въ душѣ его угрызеніе совѣсти, и открытіе сей нечестивой тайны было онаго плодомъ.„

„Я не въ силахъ описать тебѣ общей нашей радости. Ты довольно знаешь, какъ много мы всѣ тебя любимъ. Вѣсть сія стоила еще нѣкоторыхъ свѣчекъ моей бабушкѣ. Но есть у нее другая вѣсточка, за которую не пожалѣла бы она освятить всѣ

церкви въ городѣ. Тѣмъ было я и хотѣлъ начать письмо мое къ тебѣ, но Г. д' Арлевиль взялъ на себя трудъ увѣдомить тебя самъ. . . „ Я не дочиталъ сихъ последнихъ словъ. Печать съ другаго письма, котораго прежде я было и не замѣтилъ, въ мгновеніе сорвалъ. Читая, страшился обмануться. — Перечитывалъ — но не ошибался. — Я былъ благополучнѣйшій изъ смертныхъ. Вотъ что писалъ Г. д' Арлевиль. „

„ Я не препятствовалъ другу твоему Бернарду, дражайшій мой Блансай, извѣстить тебя о твоей свободѣ; но предоставилъ себѣ удовольствіе сказать тебѣ, что ложной приставъ, взявшій тебя подъ стражу и признавшійся въ своемъ преступленіи, увѣдомилъ меня о всѣхъ гнусностяхъ Аббата Фаллаціо. Злодѣй сей

замѣчалъ, что происходило въ твоемъ сердцѣ и въ сердцѣ моей дочери. Признаніе соучастника въ адскомъ его умыслѣ озарило меня свѣтомъ, которой не напрасно мнѣ явился. Я довольно собою извѣдалъ всѣ слѣдствія нещастной любви, а по сему и не хочу подвергнуть опасности дражайшую мою Аделаиду. Жестокая моя опытность научила меня знать, какъ не надежно и превратно щастіе; и такъ оно не можетъ быть препятствіемъ къ соединенію тебя съ нею. Ты честной и доброй человѣкъ. Ты любишь мою дочь; любитъ и она тебя. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю, чтобъ могъ назвать тебя своимъ сыномъ. И съ симъ наименованіемъ обнимаетъ тебя отецъ твой и вѣрной другъ."

д'Арлевиль.

P. S. „Устинья теперь моею женою, она раздѣляетъ со мною нетерпѣливость мою, желаніе мое видѣть тебя и нѣжность моихъ чувствованій къ тебѣ.„

Бернардъ въ концѣ сего письма упоминалъ мнѣ, что онъ ничего не сказалъ имъ о новомъ моемъ благополучіи, опасаясь, чтобъ сіе не могло быть вопреки моему намѣренію. Отъ молодаго д'Арлевиля получили также извѣстіе. Онъ такъ удачно гнался за Аббатомъ, что наконецъ отыскалъ его въ Англіи, гдѣ онъ, попавшись въ новыхъ преступленіяхъ, осужденъ былъ для исправленія въ своихъ бездѣльствахъ на заточеніе въ тюрму. Онъ безпутно промоталъ и проигралъ все, что укралъ у Г. д'Арлевиля. Сіе и заставило всѣхъ подумать, что не онъ былъ причиною от-

носимаго на его счетъ выкупа. Какъ ни старались узнавать и вывѣдывать, кто все сіе заплатилъ, и кто доставилъ квитанцію; но ни малѣйшаго слѣда къ тому не находили.

ГЛАВА 64.

Отъѣздъ, путешествіе и прибытіе.

Господинъ и Госпожа Петерсы пришли ко мнѣ. — „Друзья мои! „вскричалъ я, побѣжавъ къ нимъ „на встрѣчу; любезнѣйшіе мои, „почтеннѣйшіе друзья мои! по„здравьте меня . . . я возведенъ „на верьхъ моего благополучія. „Я свободенъ и женюсь на Аде„лаидѣ; это самъ отецъ ея пи„шетъ. . . . Вотъ читайте.„ Я подалъ имъ оба письма. Они поздравляли меня, изъявляя пора-

дованіе свое о семъ знаками истиннаго дружества. Г. Петерсъ велѣлъ тотчасъ приготовить для меня карету. Достойная его супруга обще съ домашними своими припасла мнѣ все нужное въ дорогу. Сіе сдѣлано было въ самой скорости — и я поѣхалъ, сопутствуемъ будучи ихъ поздравленіями и желаніями всякаго благополучія.

Великій Боже! сколь продолжительна дорога при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда я находился! Какъ проклиналъ я остановку въ перепряжкахъ: передвиганіе на заставахъ рогатокъ, водяныя переправы, медлительность Голландскихъ повозчиковъ, которыхъ ничто не могло принудить къ поспѣшности! Во Франціи ѣхалъ я скорѣе чрезъ удвоеніе платы людямъ, которые меня

везли; но сколь и сіе поспѣшеніе казалось мнѣ еще медленно! поспѣ„шай, другъ мой, повторялъ я „безпрестанно, погоняй лошадей „своихъ....„ и давалъ въ двое, въ трое, въ четверо. . . . Сидячи въ каретѣ, я поминутно двигался впередъ, воображая, что симъ движеніемъ прибавлю ей ходу — нѣсколько разъ даже выскочить изъ нее покушался и бѣжать пѣшкомъ, думая опередить лошадей. Въ пути я былъ около шестидесяти часовъ, ни на минуту не смыкалъ глазъ и не ѣлъ совсѣмъ ничего, кромѣ плодовъ для утоленія томившей меня жажды, возбуждаемой безпокойствомъ и нетерпѣливостію.

Наконецъ я пріѣхалъ – выпрыгнулъ изъ кареты прежде, нежели она остановилась – человѣкъ, узнавшій меня, бросился было доложить обо мнѣ; но я ужъ

находился въ объятіяхъ Г д'Арлевиля, которой обласкалъ меня нѣжнѣйшимъ образомъ. Побѣжали позвать супругу его Устинью и дочь, которымъ не приказалъ онъ обо мнѣ сказывать, желая повеселиться ихъ удивленіемъ.

Покуда они не пришли, я успѣлъ собраться съ духомъ.

Аделаида показалась перьвая. Лишь только она меня увидѣла, то вдругъ остановилась, закраснѣлась, и потупила глаза. . . . Не помню, въ какомъ я находился тогда положеніи; будучи внѣ себя, я не въ состояніи былъ ничего понимать.

„Вотъ хорошо! произнесъ „Г. д'Арлевиль, развѣ такъ-то „встрѣчаются коротко знакомые „люди, которые столь долго „не видались и которые близки „къ тому, чтобъ быть соединен-

„ными неразрывными узами! по-
„дойдите ко мнѣ.„ — Взявъ насъ
обоихъ за руки и приближивъ
другъ къ другу, сказалъ онъ: поцѣ-
„луйтесь. ...„ Аделаида еще бо-
лѣе закраснѣлась. Я съ трепетомъ
ему повиновался — и осмѣлился
только приложиться къ ея ще-
кѣ. — Послѣ чего отъ чрезмѣрной
стыдливости бросилась она въ
объятія своего отца. — Чтожъ ка-
сается до меня, то я и теперь ди-
влюсь себѣ, какъ стало у меня
столько силъ, что я могъ это вы-
держать. Одна только еще сте-
пень радости, тольковъ еще од-
на - и бытіевъ мое разрушилось-

Пришла Устинья. — Любовь.
уступила на нѣсколько времяни
дружеству. Мы имѣли тогда съ
Аделаидою время притти въ себя;
но во весь сей день замѣтить въ
насъ было можно тотъ смущен-
ной видъ, которой чистѣйшая лю-

бовь придаетъ людямъ въ таковыхъ случаяхъ.

ГЛАВА 65.

Открытіе тайны.

Въ вечеру послали за нотаріусомъ для написанія брачнаго договора. Г. д' Арлевиль желая дать мнѣ приданое. . . хотѣлъ означить сумму. . . . Я остановилъ его, приказывая нотаріусу писать. — *Сто тысячь ефимковъ. . . .*

Всѣ сдѣлались какъ окаменѣлые, вскричавъ: „какъ! — что это значитъ?„ Я разсказалъ имъ о перемѣнѣ моей участи и о всемъ. — „Батюшка! произнесла „Аделаида вдохновеннымъ голо„сомъ, теперь тайна обнаруже„на. Вѣрно онъ имѣетъ у себя „болѣе ста тысячь и возстано-

„вленіемъ нашего щастія мы точ-
„но ему обязаны. Такъ, я не
„сомнѣваюсь, это онъ запла-
„тилъ. . . . .„ Я хотѣлъ было
представить роль удивившагося; но Г. д'Арлевиль и Устинья подкрѣпили Аделаидину догадку и съ такимъ стремленіемъ основались на семъ, что я не зналъ уже какъ изъ того вывернуться; а нотаріусъ и совсѣмъ изобличилъ меня, сказавъ, что я пріѣзжалъ въ деревню вѣстникомъ о уплатѣ долговъ Г. д'Арлевиля.

Тайна, которую соблюдалъ я о моемъ путешествіи и сравненіе времени не оставили имъ никакого сумнѣнія; все, что я имъ ни говорилъ вопреки, не могло ихъ никакъ переувѣрить. „Другъ мой, сказалъ мнѣ Г. д'Ар-
„левиль, я хотѣлъ составить
„твое щастіе; а ты возстано-

„вилъ мое. Мы другъ друга „споимъ.“

Когда увидѣлъ я, что не было уже никакихъ средствъ долѣе скрывать мою тайну, то и не захотѣлъ одному себѣ присвоивать всю честь за такое доброе дѣло, въ которомъ имѣлъ я у себя половинщика, и разсказалъ имъ по самой истиннѣ, какъ сіе происходило. Самымъ благопріятнымъ почелъ я сей случай, чтобъ увѣдомить Г. д Арлевиля о достойнѣйшей особѣ, которую любилъ его сынъ. И онъ столь благосклонно о ней посудилъ, сколько я могъ надѣяться отъ него. Я даже предусматривалъ въ немъ, что онъ не далекъ былъ отъ того, чтобъ позволить сыну своему на ней жениться. Нещастія его научили отчуждать отъ себя всѣ предразсудки, и не иное что въ

подобныхъ себѣ уважать, какъ личныя достоинства.

ГЛАВА 66.

Бракосочетаніе.

Онъ научился также знать тѣхъ мнимыхъ друзей, которыхъ бываетъ много при щастьѣ, а при нещастьѣ ни одного. За нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ, для увѣдомленія великаго числа своихъ знакомыхъ о бракосочетаніи его дочери, надлежало бы разсылать билеты цѣлыми сотнями; но на сей разъ не посылали ни одного, и увѣдомили только всѣхъ деревенскихъ жителей. Хорошую коляску отправили въ городъ за Бернардомъ и за матерью *Простодушиного*. Вмѣсто дорогаго и скучнаго праздника, данъ былъ самой простой, къ ко-

торому приглашены были всѣ крестьяне, и при которомъ истинная веселость составляла всѣ издержки. Школьной учитель сочинилъ стихи, которые глубокомысленной академикъ нашелъ бы прегадкими, а намъ всѣмъ оные показались хороши. Ученой постарался бы болѣе всего изъявить въ нихъ остроту своего разума; но тутъ изображены были одни сердечныя чувствованія. Играли въ хороводы, пѣли пѣсни, плясали, резвились, мальчики бросали въ дѣвокъ цвѣтами, отъ которыхъ укрываясь онѣ производили крикъ, изъявляющій въ одно время и боязливость и веселіе. Наконецъ вмѣсто того, чтобъ зѣвать по нѣскольку часовъ, какъ то случается на городскихъ пиршествахъ, цѣлой день протекъ такъ, что никто не взглянулъ на стрѣлу

стѣнныхъ часовъ. Я одинъ только посматривалъ. . . . Однакожъ всякой догадаться можетъ, что это не отъ того, чтобъ не веселъ былъ нашъ праздникъ.

ГЛАВА 67.

Предпріятіе удалиться произведено въ дѣйство.

Молодой д'Арлевиль, котораго возвращенія мы дождались для торжествованія моей свадьбы, былъ внѣ себя отъ нетерпѣнія ѣхать въ Парижъ. Отецъ встрѣтилъ его еще въ Калѣ, и не разставаясь съ нимъ ни на одинъ часъ, заставилъ его дѣлить съ нами то время, которое любовь къ Юліи требовала себѣ. Онъ отъ того болѣе спѣшилъ видѣть ее, что къ безпокойству, которому обыкновенно подвержены

удаленные отъ любимаго своего предмета, присоединялось еще и то, что давно не имѣлъ отъ нее писемъ. Хотя въ семъ последнемъ и ободрялъ онъ себя тѣмъ, что въ разсужденіи переѣздовъ его изъ мѣста въ мѣсто, не знала она, куда адресовать письма, и что почты не заставали его иногда; но тайное предчувствіе чрезмѣрно безпокоило его. . . . Ахъ! оно было не ложно. Юлія уѣхала изъ Парижа.

Я представлялъ себѣ, что выздоровивъ совершенно, сдѣлается она не столько богобоязлива и отмѣнитъ намѣреніе предпринятое ею во время ея болѣзни. Но она дѣйствительно исполнила то, какъ скоро получила отъ д'Арлевиля письмо о прибытіи его во Францію. Бернардъ и мать *Простодушина* находились съ нами; Лизу за

чѣмъ-то послала она съ двора, и воспользовавшись симъ случаемъ, столь удачно приняла свои мѣры, что ни одинъ человѣкъ не зналъ о мѣстѣ ея удаленія.

Что было съ бѣднымъ д'Арлевилемъ, когда Лиза вся въ слезахъ вручила ему слѣдующаго содержанія письмо! ...

„Причины, которыя позволь „мнѣ отъ себя скрыть, заставляютъ меня удалиться, и лишить тебя даже и надежды „когда либо меня увидѣть. Безъ „сомнѣнія должна я тебѣ показаться виновною. Но вѣрь, что „я не упрековъ, но сожалѣнія „достойна; и естьли ты вмѣсто „всегдашней твоей ко мнѣ чувствительности будешь несправедливо обо мнѣ мыслить: то совершенно погрѣшишь противъ

Юліи.

ГЛАВА 68.

Материнская любовь.

Тщетно дѣлалъ онъ всевозможные поиски; но не могши ничего развѣдать, возвратился въ замокъ съ отчаяніемъ душу его наполняющимъ — и вскорѣ занемогъ. Мы долго опасались объ его жизни. Отецъ его, моя супруга и я болѣе о печали его скорбѣли, нежели бы сколько можно было сокрушаться о собственной своей. Однакожъ какая розница была между состраданіемъ нашимъ и Устиньинымъ! Я думалъ, что видѣвъ уже ее въ розныхъ нещастныхъ обстоятельствахъ, могъ быть свидѣтелемъ всѣхъ степеней ея чувствительности; но нѣтъ. . . . она еще не страшилась никогда о жизни своего сына. О природа! природа! какую

силу даешь ты материнской горячности!

Надлежало видѣть Устинью у кровати сына ея непокидающую его ни днемъ, ни ночью, не принимающую никакой пищи, и не смыкающую глазъ. Она безпрестанно старалась усладить его печаль такими утѣшительными выраженіями, которыя одной только столь нѣжной матери свойственно употреблять. Цѣловала его ежечасно, не взирая на вредныя испаренія, которыми онъ былъ отягченъ; примѣчала малѣйшія его движенія, и по онымъ сама перемѣняла свое положеніе; собирала во едино вздохи его; пылала отъ жару и леденѣла, сообразно тому, когда въ немъ жаръ, или ознобъ примѣчала; даже приноравливала свое дыханіе къ его дыханію, и въ минуту сомнительнаго перело-

му его болѣзни сама переставала дышать. . . . Наконецъ глядя на нихъ, сказать было можно, что онъ и она были двѣ половины составляющія одно существо. Гибельной ударъ не коснулся бы одного, не сразивъ въ тожъ самое время и другую: но небо не было неупросимо; оно услышало моленія сей чадолюбивой матери — и наши. Молодой д'Арлевиль остался живъ для людей чрезмѣрно его любящихъ.

ГЛАВА 69.

Соединеніе любящихся.

Въ одинъ день, какъ я былъ въ звѣринцѣ, и занимался тамъ собираніемъ травъ нужныхъ для больнаго, услышалъ, что нѣкто за загородкою разговаривалъ.

„Гей! далеко ли еще отсю„да до замка? д'Арлевилева —

„Это онъ и есть. – Скажи мнѣ
„еще, мой другъ, не знаешь ли
„ты, тутъ ли теперь Г. Блан-
„сай? -- Здѣсь, сударь.„

Мнѣ послышалось, что это былъ голосъ *Неспускалова*, и я поспѣшилъ отворить калитку, подлѣ которой находился. Это дѣйствительно былъ онъ. – Лишь только онъ меня увидѣлъ, то бросился ко мнѣ и началъ обнимать также попросту, какъ и всегда бывало. . . . Другой бы обошелся со мною гораздо почтительнѣе, въ разсужденіи перемѣны моего состоянія; но сіе уваженіе меня бы унизило. Вмѣсто того, что простымъ его со мною обхожденіемъ я возгордился, ибо оно служило доказательствомъ справедливости, которую онъ мнѣ отдавалъ. „Да что съ
„тобою сдѣлалось, сказалъ онъ
„мнѣ, ты какъ-то мудрено гля-

„дишь? Развѣ разбогатѣвъ, не льзя не казаться и заботливымъ?„ Но когда я ему разсказалъ о состоянiи молодаго д'Арлевиля: „а! это дѣло другое, „примолвилъ онъ, тебѣ есть о „чемъ покручиниться; *но по мнѣ „все равно.* А вотъ нашъ братъ „дѣтина, продолжалъ онъ съ важ„ностiю и поглаживая себя по „брюху; вотъ нашъ братъ, такъ „всѣхъ васъ можетъ утѣшить. „Естьли болѣзнь молодаго д'Ар„левиля отъ того только, что „не знаетъ онъ, гдѣ его Юлiя; „то я его вылечу, и похвастаюсь въ этомъ, что я его вы„лечу. Три дни тому назадъ, „какъ шелъ я проселочною до„рогою, это было ночью, и отъ „грязи скользило — да правда и „то, что я выпилъ уже лишней „стаканчикъ — я отъ этаго ос„тупился въ ровъ, да такъ лов-

„ко, что чуть было шеи себѣ „не сломилъ; *но по мнѣ все равно.* „Меня подняли и отнесли не по„далеку въ какой-то домикъ, гдѣ „за мной ухаживали какъ за пол„ковникомъ. Но что лучше все„го, такъ это хозяйка, кото„рая была такъ пригожа, что „я засмотрѣлся на нее, и могла „бы быть еще пригожѣе, есть„либъ, какъ казалось мнѣ, не „находилась въ блокадѣ у печа„ли. На другой день велѣла она „меня накормить, давала было „мнѣ денегъ; но слуга покорной, „сказалъ я ей, гранодеру да „деньги брать! послѣ чего и „пустился я въ свой походъ. „Дорогой пришло мнѣ на мысль, „что я видалъ гдѣ-то свою хо„зяюшку. И въ самомъ дѣлѣ при„поминая себѣ то глаза ея, то „носъ, то ростъ, то кои какія „ужимки, долго я ломалъ себѣ го-

„лову и наконецъ вспомнилъ, что „точно это надобно быть Юліи.„

„Ахъ! дражайшій мой *Неспускаловъ*! любезнѣйшій мой „другъ! поспѣшимъ скорѣй оживотворить цѣлое семейство.„ Я побѣжалъ изо всей мочи и въ одну минуту очутился у Г. д'Арлевиля, котораго увѣдомилъ обо всемъ, что слышалъ. – „Слава Богу! сказалъ онъ, благополучіе сына моего зависитъ „теперь только отъ меня; однакожъ пощадимъ слабость его „и матери его, и дадимъ имъ о „семъ знать съ осторожностію. . . . Но точноль онъ въ „томъ увѣренъ? – Ужъ я за то „берусь„ ... сказалъ *Неспускаловъ*, которой прибѣжалъ также за мною. ... правда, я дважды только ее видѣлъ, и вспомнилъ объ „ней по памяти. *Но по мнѣ все „равно.* Я готовъ прозаклады-

„вать мои усы, что это точно „она. — Весьма опасно, сказалъ „д'Арлевиль, принесть ложную „о томъ вѣдомость женѣ и сы„ну. Хочешь ли ты служивой „ѣхать со мною къ Юліи? Для „чегожъ нѣтъ! — Хорошо, такъ „поѣдемъ же сей часъ.„

Тотчасъ приказали заложить карету, и Г. д'Арлевиль подъ видомъ крайней нужды отлучился. Онъ поѣхалъ съ *Неспускаловымъ* и на третей день возвратился въ домъ вмѣстѣ съ Юліею. Во время его отсутствія мы съ Аделаидою старались поселить въ сердца Устиньи и молодаго д'Арлевиля нѣкоторой лучь надежды. Постепенно ихъ приготовляли, и потомъ уже увѣдомили, что убѣжище Юліи сдѣлалось извѣстнымъ — наконецъ что она скоро будетъ — а чрезъ нѣсколько времяни сказали, что

она и пріѣхала. Не взирая на всѣ сіи предосторожности, минута, въ которую она появилась, заставила насъ снова опасаться о жизни ея любезнаго. — Конвульсіи! обмороки! изступленіе! — но сіе было только при начальномъ свиданіи. По прошествіи сего мы озарены были полною надеждою. Вскорѣ выздоровленіе д'Арлевилево и его съ Юліею бракосочетаніе составили верьхъ нашихъ желаній. Опытность, научившая Г. д'Арлевиля вѣрно сохранять принятыя имъ правила, избавила его отъ тѣхъ безпокойствъ, которымъ подвергаютъ себя люди живущіе для свѣтскаго мнѣнія. Онъ взиралъ только на благополучіе своего сына и на добродѣтели, которыми Юлія заглаждала прежнюю свою слабость. Устинья съ удовольствіемъ дала наименованіе доче-

ри благодѣтельницѣ своей, которая съ толикимъ сострадані емъ учавствовала въ прежнемъ ея состояніи. Все то, чѣмъ я обязанъ былъ Юліи, служило порукою за удовольствіе, съ какимъ я назвалъ ее своею сестрою. Нѣжное дружество Аделаиды къ ея брату дѣлало ей еще любезнѣе ту особу, которая составила все его благоденствіе.

ГЛАВА 70.

Истинное благополучіе.

Въ тогдашнемъ нашемъ положеніи ни мало не занимали насъ мнимыя свѣтскія веселости. Мы отреклись отъ нихъ навсегда, (*) и блестящія общества столи-

---

(*) Изъ постороннихъ мы вели переписку только съ друзьями нашими въ Голландіи.

цы замѣняли искреннею привер-женностію къ намъ сельскихъ жителей.

Бернардъ, Лиза и мать *Простодушина* живутъ въ прекрасномъ домикѣ, которой мы имъ построили въ рощицѣ подлѣ замка. *Невпускалова* хотѣли было сдѣлать управителемъ; но онъ не согласился, а взялъ на себя только смотреніе за лѣсами, чтобъ не совсѣмъ разстаться съ саблею и ружьемъ.

Мы учредили празднества, которыя бы служили намъ вѣчнымъ напоминаніемъ важныхъ произшествій въ нашей жизни, какъ-то въ день бракосочетаній Господина д'Арлевиля съ Устиньею, сына его съ Юліею и мое съ Аделаидою. — Пиршества сіи ежегодно умножаются прибавкою новорожденныхъ въ нашемъ семействѣ. Можно догадаться, что

я не забылъ также праздноватъ тотъ день, когда получилъ отъ Бернарда часы. Естьли кто изъ нашихъ подвластныхъ отличалъ себя какимъ либо добродѣтельнымъ поступкомъ, то при семъ праздникѣ получалъ серебряные часы подобные моимъ, на коихъ вырѣзана была надпись: *въ памятъ Бернарду*. Естьли удостоенной сего подарка бывалъ не богатъ, то къ часамъ прибавлялись деньги.

При всякомъ изъ сихъ торжествъ благотворительной священникъ Францiръ раздаетъ награжденія дѣтямъ, которые хорошо учились; мать *Простодушина*, отправляетъ девятины, и ставитъ свѣчки предъ образами; Лиза наряжаетъ молодыхъ крестьянокъ; Бернардъ имѣетъ попеченіе о внутреннихъ и домашнихъ распоряженіяхъ; *Неспускаловъ* съ ребя-

тишками, которыхъ учитъ онъ военной экзерциціи, пляшетъ, и оканчиваетъ пляску свою всегда тѣмъ, что напивается допьяна, не забывая своего: *по мнѣ все равно*. Устинья, Аделаида и Юлія вспомоществуютъ при незажиточныхъ бракахъ, и даютъ бѣднымъ дѣвушкамъ приданое; Г. д'Арлевиль, сынъ его и я отдаемъ мужикамъ землю въ распашку, снабжаемъ потребными къ тому орудіями, и ссужаемъ ихъ на сѣмена хлѣбомъ.

Такимъ-то образомъ среди истинныхъ и сердечныхъ веселій находимъ мы свое блаженство, котораго тщетно стараются другіе искать въ заблужденіяхъ роскоши и тщеславія.

КОНЕЦЪ.

